

**Жанры периодической печати:
Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2000**

В данной книге излагается современная концепция жанров периодической печати. Выявляется роль предмета, функций, методов, уровня и форм отображения действительности в журналистике как ее главных жанрообразующих факторов. Даётся характеристика основных журналистских жанров. Теоретические положения дополнены анализом конкретных публикаций, что позволяет использовать книгу как в научных, так и в учебных целях.

Книга предназначена для преподавателей и студентов факультетов журналистики, исследователей, работников СМИ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Жанры в арсенале современной журналистики

Глава 1. Жанрообразующие факторы в журналистике

- ❖ Предмет отображения
- ❖ Цели журналистского творчества
- ❖ Методы исследования предмета
- ❖ Роль различных жанрообразующих факторов в формировании жанров
- ❖ Образование жанров и «жанровые имена»

Глава 2. Характеристика информационных жанров

- ❖ Заметка
- ❖ Информационная корреспонденция
- ❖ Информационный отчет
- ❖ Информационное интервью
- ❖ Блиц-опрос
- ❖ Вопрос—ответ
- ❖ Репортаж
- ❖ Некролог

Глава 3. Характеристика аналитических жанров (часть I)

- ❖ Аналитический отчет
- ❖ Аналитическая корреспонденция
- ❖ Аналитическое интервью
- ❖ Аналитический опрос
- ❖ Беседа
- ❖ Комментарий
- ❖ Социологическое резюме
- ❖ Анкета
- ❖ Мониторинг
- ❖ Рейтинг

Глава 3. Характеристика аналитических жанров (часть II)

- ❖ Рецензия
- ❖ Статья
- ❖ Журналистское расследование
- ❖ Обозрение
- ❖ Обзор СМИ
- ❖ Прогноз
- ❖ Версия
- ❖ Эксперимент
- ❖ Письмо
- ❖ Исповедь
- ❖ Рекомендация (совет)
- ❖ Аналитический пресс-релиз

Глава 4. Характеристика художественно-публицистических жанров

- ❖ Очерк
- ❖ Фельетон

- ❖ Памфлет
- ❖ Пародия
- ❖ Сатирический комментарий
- ❖ Житейская история
- ❖ Легенда
- ❖ Эпиграф
- ❖ Эпитафия
- ❖ Анекдот
- ❖ Шутка
- ❖ Игра

[Заключение](#)

[Литература](#)

**У жанров есть предназначение:
Они — как радуги цвета!
Коль есть они — весь мир в цветеньи
Коль нет — вселенная пуста...
«Созвездия» Ван Гартен**

ВВЕДЕНИЕ

ЖАНРЫ В АРСЕНАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Нередко приходится слышать мнение о том, что для журналиста главное — создать интересный материал, а какого он жанра, не имеет абсолютно никакого значения. Существует и другое суждение: разговор о жанрах журналистики не заслуживает внимания, так как содержание понятия «жанр» непрерывно изменяется и усложняется, а сама теория жанров в целом разработана недостаточно. Это якобы подтверждается тем, что разные исследователи предлагают свой «набор» жанров. Согласиться с подобными утверждениями нельзя, как минимум, по двум причинам.

Во-первых, тот тип произведений, который складывается исторически и определяется как «жанр», существует объективно, независимо от мнений как теоретиков, так и практиков. Вся масса созданных в журналистике произведений распределяется на жанры на основе целого ряда принципов деления. Дело в том, что у каждого конкретного произведения есть состав определенных характеристик. Такие характеристики возникают то ли относительно произвольно (когда автор не задумывается над тем, каким должен быть его текст), то ли в результате специальных творческих усилий автора (когда он заранее определяет, что должно быть отображено в тексте, как именно и с какой целью). Но в любом случае те тексты, которые обладают схожими качествами, можно объединить в отдельные группы.

Объединение это может быть произведено разными исследователями (или практиками) на самых разных основаниях, в зависимости от того, что каждый из них считает наиболее важным объединяющим началом (именно это порождает разные представления о жанровой палитре журналистики). Но, разумеется, более верным будет то объединение, которое основывается на сходстве сущностных (но не второстепенных) признаков публикаций, включаемых в какую-то устойчивую группу. Уже после того как определен объединяющий признак (или признаки), его называют «жанровым признаком», а группу объединенных им публикаций — «жанром».

А во-вторых, точное представление о жанре помогает профессиональному общению журналистов. Одно дело, когда редактор издания просит журналиста: «Напишите, пожалуйста, хороший материал об авиации». Совсем другое, если он ему предлагает: «Напишите очерк о летчике-испытателе». В последнем случае журналист, наверное, лучше поймет, какой именно материал хотел бы получить от него редактор.

Чем же предопределен набор сущностных характеристик, позволяющих относить текст к тому или иному жанру? Прежде всего — своеобразием предмета журналистики и способа отображения автором действительности, порождающих этот набор. (Это традиционно признается большим числом исследователей журналистики.)

В журналистике предмет выступлений составляют актуальные общественные и природные события, явления, процессы, ситуации во всем богатстве их проявления, в многообразии взаимосвязей, прежде всего порождающих важные для общества в теоретическом и практическом отношении проблемы и конфликты, а также личность человека.

Роль способа отображения действительности в формировании набора характеристик журналистских текстов, предопределяющих их жанровую принадлежность, намного значительнее (в интересующем нас плане) роли предмета журналистских выступлений.

В журналистике существует три главных способа отображения — фактографический, аналитический и наглядно-образный. Они опосредуют определенные уровни «проникновения» познающего субъекта в объект: от первоначального чувственного созерцания к абстрагированию, теоретическому освоению его и далее — к созданию обогащенного, более полного конкретного образа предмета (в том числе — его художественного образа).

Первый и второй способы отличаются один от другого прежде всего степенью глубины проникновения в суть предмета отображения. Первый способ нацелен на фиксацию неких внешних, очевидных характеристик явления, на получение кратких сведений о предмете (в этом случае журналист прежде всего отвечает на вопросы: где, что и когда произошло?). Быстрота получения таких сведений позволяет современной журналистике оперативно информировать аудиторию о многочисленных актуальных событиях, что очень важно для нее. Второй способ нацелен на проникновение в суть явлений, на выяснение скрытых взаимосвязей предмета отображения (в этом случае набор вопросов, на которые отвечает журналист, значительно расширяется). В данном случае главным становится обращение его к различным проблемам выбора эффективных путей развития общества, а также выявление причин, условий, тенденций развития событий и ситуаций, изучение оснований, мотивов, интересов, намерений, действий различных социальных сил, выяснение возникающих между ними противоречий, оценка значимости различных феноменов, определение обоснованности тех или иных точек зрения, концепций, идей.

Способ наглядно-образного отображения действительности нацелен не только и не столько на фиксацию внешних черт явления или рациональное проникновение в суть предмета, сколько на эмоционально-художественное обобщение познанного. Нередко это обобщение достигает такого уровня, который называется публицистической (или даже — художественной) типизацией, что сближает журналистику с художественной литературой. Подобного рода журналистика поставляет аудитории «материал», способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий.

Своеобразие того или иного способа отображения действительности заключается прежде всего в том, что он выступает как особый путь реализации иерархически взаимосвязанных целей, решения определенных задач.

Важнейшие из них носят предопределяющий характер и выступают как функции конкретного издания. Такие функции могут быть разными. Одни издания (например, «желтая пресса») преследуют коммерческие цели, поэтому в публикуемых материалах они стремятся прежде всего освещать такие темы, использовать такие методы создания текстов, которые позволяют в максимальной мере удовлетворять самые распространенные в соответствующей аудитории субъективно доминирующие информационные интересы в развлечении. Причем подобные издания мало волнует вопрос о том, насколько такие интересы совпадают с объективно более важными, коренными потребностями аудитории.

Другие издания могут преследовать цель пропагандистского воздействия на аудиторию (например, политического, религиозного и т.д.). Третьи могут ставить перед собой цель максимально полно, объективно информировать аудиторию, исходя из того, что журналистика призвана быть важнейшим средством именно массового информирования, связанного прежде всего с коренными, базовыми потребностями аудитории, средством повышения социальной компетентности населения, его социальной ориентированности и т.д.

Конечно же, в реальности одно и то же издание может преследовать самые разные цели. Но и в этом случае они окажут свое воздействие на характер публикаций, которые будут появляться на его страницах.

Названным предопределяющим функциям (целям) журналистики подчинены свойственные ей определенные задачи (цели) «второго ряда» (или собственно творческие функции), связанные с познанием действительности журналистом. К таким функциям относятся:

— создание определенной (той или иной степени полноты) информационной «модели» отображаемого явления (его описание);

- установление причинно-следственных отношений;
- выявление значимости явления (его оценка);
- определение будущего состояния исследуемого явления (прогноз);
- формулирование программ, планов действия, связанных с анализируемым явлением.

Эти творческие цели (цели «второго ряда») необходимо осуществлять (в каждом конкретном случае — в своем объеме) при создании любых журналистских текстов и в любых изданиях, поскольку именно это их осуществление открывает путь к реализации журналистикой названных выше общественных функций.

Творческие функции выступают как необходимость для журналиста исследовать различные общественные феномены, выявлять и описывать их суть, определять их причины, прогнозировать развитие этих феноменов, выяснить их значимость; исследовать передовой опыт решения всевозможных задач и формулировать программы их решения, предостерегать от вредных или неэффективных путей, способов достижения тех или иных целей, обосновывать спорные точки зрения; вырабатывать свое отношение к миру посредством эмоционально-образной типизации, обобщения отображаемых явлений. Нередко журналистам приходится (в силу предназначности издания) создавать «мир Зазеркалья», т.е. создавать тексты развлекательного плана, тексты, способствующие рекреации (отдыху) аудитории.

Решая эти задачи, журналист и производит оперативную, аналитическую, эмоционально-образную информацию о разных (существующих и возможных) сторонах жизни общества, информацию, необходимую аудитории для осуществления всестороннего социального ориентирования и регулирования ею (аудиторией) своей деятельности, повышения своей социальной компетентности, восстановления духовного равновесия, развлечения. Осуществляя творческие функции, журналист применяет различные методы познания действительности. Они составляют три большие группы — эмпирические (документальные), теоретические и художественные методы.

В первую группу входят прежде всего методы сбора материала (наблюдение, беседа, интервью, проработка документов и пр.).

Вторую группу представляют общетеоретические методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, исторический, логический, гипотетический методы и т.д.) и специализированные (комплексные) методы осмысливания собранного материала, опирающиеся на различные общетеоретические методы (описание, причинно-следственный анализ, оценка, прогнозирование, программирование). Использование теоретических методов исследования в какой-то мере приближает аналитическую журналистику к научному познанию, но, разумеется, ни в коей мере не делает их равными.

Третью группу составляют методы наглядно-образного обобщения, опирающегося на приемы ассоциации, творческой фантазии, метафоризации, метонимии, одушевления, оксюморона (внутреннего противопоставления), литоты (преуменьшения), гиперболизации (преувеличения), генерализации (подмены частного вывода общим), индивидуализации (подмены общего вывода частным) и т.д.

Из данных выше определений предмета, функций, методов современной журналистики вытекают многое проясняющие в природе существующих в настоящее время жанров периодической печати следующие выводы.

❖ Во-первых, если речь идет об оперативном информировании журналистом своей аудитории, то оно должно быть в первую очередь нацелено на наиболее важные для нее события, явления, связанные с базовыми, наиболее актуальными ее потребностями, а также должно способствовать формированию у читателя максимально точной картины окружающей его реальности.

Если же речь идет о более глубоком исследовании (анализе) действительности, о разъяснении, истолковании, интерпретации актуальных проблем, сути и значения современных событий, процессов, ситуаций, то эти исследуемые проблемы, события, процессы, ситуации должны рассматриваться журналистом во взаимосвязи с другими феноменами, соотноситься с более фундаментальными, более значимыми явлениями, закономерностями, тенденциями развития различных сторон общественной жизни.

Если же журналист «опосредует» действительность в эмоционально-образной форме, передает аудитории свое представление об актуальной реальности с помощью художественной типизации, то он должен осуществлять ее таким образом, чтобы не исказить реальное положение дел, которого касается эта типизация. Именно это и отличает ее от типизации, основанной на вымысле, на безграничной фантазии автора, свойственной собственно художественному творчеству (но не публицистическому!) как таковому.

❖ Во-вторых, для понимания общественных проблем, если они обсуждаются в журналистских текстах, прежде всего важно видеть действенную связь между описываемыми событиями, явлениями и следствиями практического плана, изменениями в реальной жизни. Поэтому журналист часто ориентируется на «цепочку» отношений: «тип основания—результат» (причинная зависимость), «средство—цель» (финальная зависимость), «переменные взаимодействия и объективные противоречия» (определенный вид переменного взаимодействия). Таким образом, можно сказать, что суждения о взаимосвязях исследуемых явлений и образуют главную субстанцию многих публикаций, относящихся к аналитическим и художественно-публицистическим жанрам журналистики.

❖ В-третьих, содержанию и форме конкретных журналистских материалов присущ свой характер. Если в информационных публикациях излагается какой-то определенный факт, то в аналитических на первый план выходит мысль автора, опирающаяся на совокупность фактов, а также его эмоции, порожденные этой мыслью. А в материалах художественно-публицистических жанров ведущим качеством становится эмоционально-образное обобщение, художественно-типовизированная форма описываемых явлений действительности.

❖ В-четвертых, при создании текстов разных жанров используются различные операции, способы, методы эмпирического познания действительности (наблюдение, проработка документов, опрос, интервью и др.), а также теоретические методы: сравнение, аналогия, оценка (сравнение действительности с общественными целями, нормами, идеалами), детализация (выявление и подчеркивание важных подробностей явления, процесса, ситуации), разъяснение (обнаружение связи с причинами, закономерностями или проверенными, доказанными суждениями), предсказание (выход на будущие процессы, следующие из закономерностей, причин, факторов или познанных тенденций) и обобщение (объединение инвариантных признаков отдельных фактов, установление общего в процессах).

Часто они дополняются отчетливо ориентированной на партнера по коммуникативной ситуации демонстрацией соотнесенности размышлений автора с мыслями, мотивами, позицией партнера. Это не в последнюю очередь выражается в том, что журналист часто не только предлагает готовый результат познания, интерпретации явлений, но и показывает, делает зримым для аудитории ход самого познания. Он исследует жизнь как бы вместе с аудиторией.

Таким образом, журналистские материалы в подавляющем большинстве случаев имеют диалогическое начало, независимо от того, имеют ли они диалогическую форму изложения (как в интервью, беседе) или не имеют. Автор журналистского текста часто или прямо обращается к читателю, или аргументирует для него нечто в своем сознании как для партнера по разговору. Поэтому в журналистских текстах многих жанров ставятся вопросы, даются ответы на них, приводятся доводы в пользу какой-то точки зрения и выдвигаются контрдоводы и т.д., что создает иллюзию обмена мнениями, происходящего между партнерами по «живому» общению.

Формирование представлений о жанровых особенностях журналистики имеет весомую практическую значимость, так как оно дает возможность (прежде всего начинающему журналисту) осознанно ориентировать себя в той или иной познавательной ситуации на создание вполне конкретного типа текста, в наибольшей мере «приспособленного» для адекватного освещения заинтересовавшего аудиторию и издание явления.

Глава 1. ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

- ❖ Предмет отображения
- ❖ Цели журналистского творчества
- ❖ Методы исследования предмета
- ❖ Роль различных жанрообразующих факторов в формировании жанров
- ❖ Образование жанров и «жанровые имена»

Как уже отмечалось выше, под журналистскими жанрами подразумеваются устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками. Подобного рода признаки называются жанрообразующими факторами. Знание этих факторов помогает более четко представить себе истоки и особенности возникновения тех или иных жанров периодической печати. В современной теории журналистики выделяются в качестве основных, как правило, следующие жанрообразующие факторы: предмет отображения, целевая установка (функция) отображения, метод отображения. Значимость этих факторов в жанрообразовании не равновелика. Поочередному рассмотрению особенностей и роли каждого из них в образовании того или иного жанра и посвящена данная глава.

ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ

Предмет отображения в журналистике изучен достаточно полно. Он включает в себя феномены из разных сфер деятельности, например из экономики, политики, права, религии, морали и т.д. Эти же сферы нередко называют объектом журналистики. Проводя различие между предметом и объектом журналистики, следует иметь в виду, что «предмет не есть вещь, существующая рядом с объектом». Содержание предмета говорит не о нем самом, а об определенном «аспекте внешнего объекта»^[1]. Таковым «аспектом объекта» (т.е. предметом) журналистики в целом признается «современность в совокупности множества составляющих ее социальных ситуаций»^[2]. С этим определением нельзя не согласиться в том плане, что журналистика действительно имеет дело именно с актуальной стороной современной жизни. Однако данное определение не следует понимать так, что журналистика занимается только ситуациями, если в понятие «ситуация» вкладывать более узкий, более конкретный смысл. В частности, например, что касается аналитической журналистики как определенного типа массовой информации, то ее предметом могут быть и отдельное событие, и процесс, содержащий в себе ряд событий, и ситуация, включающая как различные события, так и объединяющие их процессы во всем многообразии их взаимодействий.

При этом события, процессы, ситуации могут меняться местами в причинно-следственной связи. Так, событие может вызвать процессы (например, смерть И. Сталина обернулась процессом развенчания культа личности и определенной демократизацией жизни в стране). Процесс может породить ситуации (процесс криминальной приватизации, раз渲ала экономики стал причиной ряда трудных ситуаций в стране, например, ситуации с невыплатой зарплаты). Ситуация может вылиться в определенные процессы (например, ситуация с невыплатой зарплаты в стране спровоцировала процесс забастовочного движения шахтеров, учителей и др.). И т.д.

При этом в ходе исследования предмета отображения в центре журналистского внимания оказывается та сторона действительности, на которую «указывают» функции журналистики. Такой стороной является то богатство взаимосвязей, в которые включены отображаемые в текстах актуальные феномены реальности. Именно их и «отбирает» в исследуемых явлениях журналист. То, какие именно взаимосвязи окажутся в центре его внимания, зависит от того, что автор посчитает наиболее важным для своей аудитории, от масштабности, актуальности, основательности задачи, которую он решает в своем выступлении в прессе.

СОБЫТИЕ КАК ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ

Освещению событий посвящено подавляющее число информационных публикаций. Важнейшая задача журналиста-информатора оперативно сообщать аудитории о наиболее важных событиях, их месте, времени. Без сообщений о текущих делах, свершениях, происшествиях нет информационной журналистики. Они ее основной «каждодневный хлеб».

Но это не значит, что события не отображаются в материалах аналитических и художественно-публицистических жанров. В публикациях этого плана они выступают как объект углубленного исследования или художественного осмысления. Это производится прежде всего с целью выявления их значимости, актуальности, причин и возможных следствий.

Что же такое «событие», из каких «составных частей» оно складывается? **Событие можно определить как точно фиксированный в пространстве и во времени (т.е. с ясным началом и концом) шаг в общественном процессе.** Событиями называются и природные явления

Событие 1

Двадцать миллионов человек участвуют в забастовках трудящихся, проходящих в стране в эти дни под лозунгами: «Зарплату вовремя!», «Нет безработице!»

Событие 2

Правительство обсуждает на очередном заседании вопрос о повышении платы за проезд в городском транспорте.

Событие 3

Коллектив завода освоил выпуск новых детских велосипедов.

Событие 4

Известный путешественник и альпинист Ф. Конюхов покорил новую горную вершину в Южной Америке.

При первом взгляде на эту информацию становится ясно, что в ней речь идет о вполне реальных лицах, действующих в определенной области деятельности, в конкретном месте и времени. При этом причины их действий, а также результаты имеют разное значение для общества.

Событие 1 относится к разряду тех, которые совершают большие массы людей, независимо от их партийной, групповой принадлежности. Единство цели объединило в одно время и в одном месте разных людей. Эта цель — улучшение условий жизни. Это очень широкая по общественным интересам масса цель, предполагающая экономико-политические перемены в стране. Такого рода событие может иметь далеко идущие последствия для населения целой страны.

Событие 2 предопределено деятельностью относительно небольшой группы людей — правительства. Принятые им решения могут задеть интересы определенного числа людей, живущих в городах и пользующихся городским транспортом.

Событие 3 — следствие деятельности заводского коллектива. Оно затрагивает прежде всего интересы детей, увлекающихся велосипедом, и некоторых родителей, любящих дарить детям самые модные, самые новые игрушки.

Событие 4 информирует о действии одного человека. При этом достигнутый им результат важен прежде всего для него самого и некоторых его поклонников и последователей.

Очевидно, что наибольшей общественной значимостью обладает событие 1. Оно и должно привлечь внимание журналиста общеполитической прессы в первую очередь. К составным частям каждого из четырех событий, анализируемых журналистом, в данном случае относятся: определенное число людей конкретных социальных групп; их действия в указанном месте и времени, осуществленные особым образом; их стремление решить определенную задачу и добиться неких результатов. Очевидно, что составные части каждого события соотносятся с тремя основными вопросами: что произошло? когда произошло? где произошло?

Очевидно, что указанные вопросы еще не позволяют установить значимость события, его пользу или вред, смысл и цель. Во всяком случае редко можно узнать это, ответив на два первых вопроса: что произошло? когда произошло? Для журналиста важно в первую очередь знать мысли и отношение людей к делу, пути, ведущие к успеху. Только в этом случае можно говорить, важны или нет полученные результаты, соответствуют ли они определенным действиям, мыслям и поступкам участников действия. Несомненно, эти два вопроса, как и третий: где произошло? — зондируют почву реальности. Однако только потом журналист выясняет главное. Часто это выяснение начинается с изучения (особенно если речь идет об экономических событиях) выступлений, сообщений, заявлений руководителей коллективов, программ, акций. При этом необходимо усвоить, что выписки, выжимки из выступлений, статистических отчетов и других источников не могут быть взяты журналистом без серьезного их изучения, критического осмысления (особенно всевозможных цифр) и перенесены в свою систему координат. Проценты выполнения заданий, другие числа, которые обычно содержатся в справках о результатах какой-то деятельности, конечно, не следует отбрасывать в сторону, но они должны быть приближены к человеку, плодом усилий которого в конце концов являются. Только тогда журналист обнаружит нечто живое, способное задеть внимание читателя.

Анализ события требует конкретной информации о таких его составных частях, как участники события, их действия, мысли, мотивы. Эта информация может быть получена с помощью более развернутой системы вопросов, например, сформулированных так: что произошло и с каким результатом? С решением какой задачи и в какой области связано действие? Кто участвовал в событии и к каким социальным группам принадлежат участники? Какие права, обязанности они имеют в связи с решаемой задачей? Какие связи между ними были или должны быть задействованы? Где совершилось действие, событие и где достигнут результат? Какие особенности связаны с местом действия? Какое влияние оказывает это место на способ и вид действия? Какими средствами результат достигнут: какими мерами, путями, усилиями? Какие предпосылки способствовали успеху и кем они были созданы, и как? Когда произошло событие? Какие особенности связаны с данным моментом времени? Насколько оно благоприятно (неблагоприятно) для выполнения задания? Почему это действие, это событие, этот результат оказались возможными? Почему им способствовали (препятствовали) те или иные предпосылки?

Узнав, какие усилия, какое время затрачены на совершение действия, какие шаги, меры были предприняты, что способствовало выполнению задания, какой результат достигнут, какова его польза (вред) для общества, для определенных социальных групп, для участников действий и т.п., журналист может установить взаимосвязи, закономерности события, его значение.

ПРОЦЕСС КАК ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ

Процесс можно рассматривать как последовательность взаимосвязанных действий, событий. Причем результат предыдущих действий, событий выступает предпосылкой, основой, причиной для осуществления последующих действий, событий. **Процесс можно определить и как динамичное следование различных состояний, находящихся в причинно-следственной связи «если... то» («если наступит это, то должно наступить то-то...»).** Если перевести это общее представление о сути процесса на язык обычного журналистского понимания «движения вещей», то можно сказать, что речь идет о динамичном порядке следования результатов действий, которые выражают различные степень и состояние выполнения задач.

Анализ событий является исходным моментом в анализе процессов. Это происходит прежде всего тогда, когда начинают интенсивно разворачивать вопросы: как? почему? Имея в виду изложенное выше толкование процесса, журналист должен прежде всего определить исходное звено цепочки взаимосвязанных событий. На практике он должен понять и зафиксировать вполне реальное действие конкретного человека (конкретных людей), получившего точный, вещественный результат, чтобы, исходя из этого, выявить, что предопределило совершение действия, что стало его причиной, что сделало его предпосылкой других событий и т.д.

Вероятно, что, исследуя далее эту цепочку, журналист может выяснить, какие события, причиной которых являются сегодняшние действия, должны вследствие закономерной связи произойти в будущем. Выбирая конкретное исходное событие, включенное в процесс развития, исследуемый в публикации, автор ее не должен забывать о том, что все происходящее находится в универсальной связи с миром в целом, поэтому найти среди множества событий важнейшее оказывается порой нелегко.

Квалифицируя событие как исходное в цепи других, журналист должен быть уверен (должен найти доказательства) в том, что именно это событие есть первая и важнейшая предпосылка возникшего процесса. Чтобы иметь четкое представление о направлении сбора соответствующей информации об исходном событии (действии, его результатах), необходимы предварительные размышления, связанные с материальными и идеальными условиями, ресурсами, обеспечивающими возможность процессов, подобных изучаемому. А это в свою очередь требует достаточных знаний о существенных условиях, при которых может совершиться развитие. И журналист должен обладать соответствующими знаниями. Их он может получить, изучая научно обоснованные планы, которые следует осуществить, чтобы достичь целей, крайне важных для общества в целом и для отдельных социальных групп; анализируя законы и закономерности, которые лежат в основе общественных процессов и предопределяют их ход; постигая логику вещей; накапливая опыт (собственный, научный, социальный); лично исследуя и выявляя существенные условия, предпосылки успешного протекания рассматриваемого процесса.

В ходе такого исследования журналисту удается нередко схватить те звенья цепи, которые выражают суть процесса развития. Анализ процесса больше или меньше связан с анализом ситуации, в которой он развивается. Эта связь устанавливается через целенаправленную информацию о состоянии процесса в ходе изменения предопределяющей его ситуации.

СИТУАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ

Ситуация, как и процесс, является одним из наиболее важных предметов отображения прежде всего в аналитической журналистике. **Ситуацией можно назвать определенное, повторяющееся на протяжении достаточно большого отрезка времени состояние отношений, сложившихся между членами какого-либо коллектива, между коллективами, между социальными группами, слоями, между странами и т.п., соотношение сил, взаимных требований и ожиданий.** Внешне, на поверхности ситуация выглядит как состояние, уровень удовлетворения интересов людей, участников ситуации, находящихся в определенном взаимодействии. Ситуации бывают благоприятными, неблагоприятными, бесконфликтными, конфликтными и т.д. Проанализировать ситуацию значит, как минимум: установить, что она собой представляет, зафиксировать это представление в тексте; выявить основную общественную задачу, возникшую в данной ситуации, и дополнительные задачи; выяснить главные причины возникновения данной ситуации и соответствующих задач, соотносящихся с ней; сформулировать важнейшую проблему, с которой связано решение основной задачи в данной ситуации; выявить наиболее существенные предпосылки решения главной проблемы, связанной с данной ситуацией, и наметить пути создания этих предпосылок; выяснить роль интересов основных участников

ситуации в создании данных предпосылок благоприятного развития ситуации и решения проблем. Если журналист имеет дело с серьезной общественной ситуацией (например, ситуацией невыплаты заработной платы работникам бюджетной сферы в России в 1995—1999 гг.), то он должен иметь в виду прежде всего то, что общество не гомогенно, а состоит из разных социальных классов, групп. Они имеют свои цели, задачи, конкретные способы их решения. Между ними складываются определенные связи, отношения, которые могут быть противоречивыми, непродуктивными. Поэтому первым шагом при анализе ситуации должно стать изучение интересов всех ее участников, их дифференциация, сравнение. Интересы — это заявляющие о себе, направляющие поведение людей, потребности. Потребности проявляют себя в разных противоречиях, которые преодолеваются в деятельности. Цели и задачи, которые ставят перед собой люди, объединяются в форме плана деятельности. Интересы, присущие обществу в целом как самостоятельному феномену, как известно, называются общественными. Они выражаются в общественных целях, в постановке тех или иных задач, которые закрепляются в соответствующих документах. Общественные интересы могут и должны проявляться и в действиях, целях, задачах отдельных коллективов людей, стать коллективными интересами. Коллективные интересы могут быть «атрибутом» самых разных групп людей, относящихся к различным производственным сферам (интересы представителей определенных профессий — учителей, врачей, программистов, шахтеров, пожарников и др.); политическим партиям, общественным организациям; определенным возрастным категориям или объединениям по половой принадлежности. Коллективные интересы проявляются в целях, устремлениях, задачах социальных групп (манифестируются в определенных правах, обязанностях их членов). Коллективные интересы должны так соотноситься с общественными, чтобы не мешать развитию общества как целостного феномена. В отличие от общественных, коллективных интересов личные интересы не фиксируются какими-либо документами, поэтому определить их не всегда легко.

Поскольку личность включена в социальные группы и в общество в целом, то ее интересы также могут быть включены в групповые или общественные интересы, но личные интересы не всегда идентичны групповым, общественным. Между ними могут быть и противоречия. Индикатором личных интересов, потребностей могут быть желания и намерения, мысли, мнения, суждения, которые личность выражает в связи с общественными целями, задачами. Выявленные возражения, упреки со стороны отдельных лиц являются для журналиста знаком, сигналом расхождения интересов. Они часто указывают на наличие проблемной ситуации, в которой находятся ее участники.

Следовательно, если журналист хочет познать при анализе общественной ситуации соотношение интересов, то он должен понять диалектику взаимодействия общественных, групповых и личных интересов, чтобы найти ту точку, в которой эти интересы пересекаются. Должен увидеть, в чем заключается их противоречие, чтобы найти пути его устранения. Противоречия эти могут быть самыми разными. Например, они могут быть внутри одного целого и проявляться, предположим, как расхождение между разными общественными интересами. Скажем, у России существует острая потребность в создании в настоящее время мощных профессиональных вооруженных сил. Но в то же время страна не должна «потерять» образование, культуру, сельское хозяйство и т.д. Однако в данное время финансовые ресурсы ограничены, поэтому какое-то из направлений развития общества обязательно будет ущемлено. В результате пострадает общество в целом.

Подобным образом могут возникать и противоречия между разными коллективными интересами. Предположим, что коммерческий банк имеет свободные на данный момент денежные средства и способен предоставить их кому-либо в долг. Он может, к примеру, направить их на кредитование торгового предприятия, которое через достаточно короткое время обязуется вернуть кредит и относительно невысокий процент за его использование. Однако кредит можно выдать и промышленному предприятию, но на более длительный срок и под более высокий процент. В первом случае банк выигрывает время, что несомненно важно для него, во втором — деньги, что не менее важно. То, какой интерес победит, зависит от конкретной финансовой ситуации в стране и целей самого банка.

Расхождение между разными личными интересами возникает прежде всего в силу того, что человек часто включен во многие группы — в семью, в студенческую группу, в спортивную команду и т.д. Поэтому ему часто приходится выбирать, в интересах какой группы ему в данный момент действовать, какое дело считать наиболее важным (как студент он должен посещать лекции, а как спортсмен пропускать их ради тренировок).

Интересы могут расходиться в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Расхождение интересов в горизонтальной плоскости — это противоречия интересов разных коллективов, ведомств, предприятий, находящихся в относительно равном положении.

На предприятии, выпускающем электрические утюги, существует два цеха: первый цех выпускает корпуса утюгов, второй — электрическую начинку. Чтобы снизить себестоимость утюгов, необходимо во втором цехе установить новое оборудование. Работники первого цеха заинтересованы в этом, так как снижение себестоимости продукции позволит за счет увеличения ее конкурентоспособности повысить заработную плату. Работники второго цеха против обновления оборудования, поскольку это повлечет за собой резкое сокращение их количества, увольнение с работы.

В горизонтальной плоскости существуют и противоречия отдельных личностей.

При воспитании ребенка бабушки проявляют меньше принципиальности, чем папы и мамы, чтобы эмоционально сильнее привязать к себе внуков.

В вертикальной плоскости существуют противоречия между общественными,

коллективными и личными интересами. Так, интересы общества требуют стопро-

центного поступления налогов в бюджет. Отдельному же предприятию выгодно платить

налоги поменьше. Таким образом, возникает противоречие между интересами общества и

отдельного коллектива. Если один из членов трудового коллектива часто болеет, то это

невыгодно коллективу в целом, так как он выпускает по этой причине меньше

продукции и должен оплачивать из своих средств больничный лист своего члена. В

данном случае возникают противоречия интересов коллектива и отдельной личности.

Чтобы определить состав интересов, их соотношение, журналист должен четко ограничить область, которую будет исследовать, направление, в котором будет двигаться, а также те социальные группы (классы, слои), с которыми собирается иметь дело. Наблюдая их действия как участников ситуации, он может судить о ней самой. Если общественные, коллективные, личные интересы выражаются в дифференцированных целях, задачах, намерениях, желаниях, устремлениях участников ситуаций, то сущность сложившегося соотношения интересов можно постигнуть посредством детализирующих размышлений в направлениях. А именно:

— Какие силы, социальные группы, личности должны в данном случае действовать и какие задачи перед ними стоят?

— С какими условиями, предпосылками материального и идеального плана это решение связано?

— Какие предпосылки уже есть и каких пока не хватает? Что мешает решению задачи? Какие способы следует применить в данной ситуации, чтобы не просто решить задачу, а решить ее эффективно?

Журналисту, анализирующему ситуацию, важно не только увидеть противоречия интересов, определить их формы, но и найти пути их разрешения. Эти пути связаны с выяснением тех проблем, которые вырастают из этих противоречий и разрешение которых ведет к прогрессу в данной сфере.

Знание о путях решения проблем существует в форме передового опыта, распространение его повышает общую возможность решать подобные проблемы в других местах. Установить, выявить этот опыт помогают ответы на такие вопросы: какая общественная, групповая, личная задача реализуется, несмотря на отсутствие ряда предпосылок для этой реализации? Как недостающие предпосылки могут быть созданы или как они могут быть уточнены, изменены в лучшую сторону? Такие ответы можно получить, изучая мысли, высказывания причастных к делу людей по поводу решаемых проблем и сравнивая их с практическими шагами, предпринимаемыми в этом направлении.

Журналистику интересуют не столько фундаментальные закономерности происходящего в мире (это задача науки), сколько сегодняшнее состояние явлений, событий; их взаимосвязи на данный день, их влияние на сегодняшнюю жизнь людей. Реальный предмет отображения во всем богатстве его взаимосвязей остается «за кадром». Тот же «кадр», т.е. образ действительности, который мы находим в тексте, создаваемом журналистом, есть лишь то, что удалось ему познать в этом реальном предмете с помощью тех или иных методов познания. Чем точнее рассматриваются разнообразные связи отображаемого предмета, тем ближе результат этого рассмотрения, а вместе с этим и образ предмета, зафиксированный в тексте, — к реально существующему предмету.

ЛИЧНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ОТОБРАЖЕНИЯ

Аудиторию интересует не только то, что происходит в окружающем мире (события, происшествия, процессы, ситуации), но и люди как основные действующие лица происходящего, прежде всего со стороны их личностных особенностей. Что такое личность? **Социальная психология определяет личность как «человеческий индивид, как субъект отношений и сознательной деятельности»^{3[3]}.** Каждая личность обладает собственной историей, своим характером, только ей свойственными мировоззрением, мировоззрением, мироощущением, индивидуальными привычками, склонностями, способностями и пр.

В конкретном выступлении журналист может сосредоточиться на какой-то одной стороне личности. Например, он может исследовать:

— **пристрастия какого-либо человека.** Вокруг достаточное число людей увлекающихся, скажем, рыбалкой, автомобилями, сбором грибов, коллекционированием марок, картин, этикеток и пр.;

— **необычные возможности личности.** В таком случае в центре его внимания оказываются выходящие за пределы обычного возможности людей, как экстрасенсорика, магнетизм, феноменальная память, необычная физическая сила и т.п.;

— **высокие профессиональные качества.** Внимание журналиста занимают люди, в совершенстве овладевшие той или иной специальностью, безукоризненно выполняющие свои обязанности;

— **физиологические особенности.** В этом случае люди, обладающие необычной внешностью, ростом, цветом кожи и пр., привлекают журналистский интерес. И не только журналистский. Как известно, в разных странах мира устраиваются соревнования, в результате которых выявляются самые маленькие и самые большие люди. Сейчас повсеместно происходят так называемые конкурсы красоты среди женщин и мужчин. Журналисты охотно описывают как прелести, так и уродства людей. Так, в дореволюционной России многие газеты рассказывали о всевозможных «уродцах», сиамских близнецах и пр. И, соответственно, находились читатели, которые приветствовали такие публикации;

— **нравственные примеры и пороки.** В качестве возможного предмета освещения в прессе выступают примеры служения человека определенным нравственным ценностям, преданности идеалам. Неординарных примеров такого рода может быть достаточно много, и в каждом конкретном случае тот или иной из них может представлять для журналиста определенный интерес.

В то же время существует немало порочных с точки зрения существующей морали людей. Как ни странно, но и наличие человеческих пороков также интересует аудиторию, не случайно журналисты их охотно описывают.

Личность может быть отражена в публикациях, относящихся к разным жанровым группам. В результате возникает предметная «цепочка», объединяющая разные публикации о личности в разных жанрах.

[в начало](#)

ЦЕЛИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Значительными жанрообразующими свойствами обладают целевые установки журналистского творчества. При этом необходимо обратить внимание прежде всего на те из них, которые во введении отнесены к целям «второго ряда», — это **творческие цели**, возникающие в процессе создания аналитического текста. Что же касается целей публикации текстов (целей издания), то они могут быть:

1) не предусматривающими определенного идеологического или иного воздействия на аудиторию (имеется в виду нацеленность на удовлетворение коммерческих интересов издания);

2) предусматривающими определенное воздействие. Оно может быть результатом: а) объективного информирования; б) манипулятивного воздействия (или дезинформации).

Такие цели оказывают на формирование жанров опосредованное влияние, и поэтому в данной работе речь о них не идет.

Глава 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ЖАНРОВ

- ❖ [Заметка](#)
- ❖ [Информационная корреспонденция](#)
- ❖ [Информационный отчет](#)
- ❖ [Информационное интервью](#)
- ❖ [Блиц-опрос](#)
- ❖ [Вопрос — ответ](#)
- ❖ [Репортаж](#)
- ❖ [Некролог](#)

Тексты, относящиеся к информационным жанрам, в количественном отношении составляют основную часть массовых информационных потоков. В периодической печати, как и в СМИ в целом, такого рода тексты выступают основными носителями оперативной информации, позволяющей аудитории осуществлять своего рода постоянный мониторинг наиболее значимых, интересных событий в той или иной сфере действительности. Всесторонности, полноте этого мониторинга способствует жанровое разнообразие информационных сообщений, которое и становится предметом рассмотрения в данной части учебного пособия.

ЗАМЕТКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Жанровое определение «заметка» соотносится с типом материала, отличающегося небольшими (с точки зрения устоявшихся в журналистике соответствующих представлений об объеме публикаций) размерами, в котором излагаются результаты определенного изучения предмета выступления (знакомства с этим предметом). В таких материалах если и упоминается о том, из какого источника перчерпнута информация, то очень кратко; обычно не рассказывается о глубине этого изучения, о том, какими методами была получена информация о предмете. Не излагается ход этого изучения, авторские эмоции, которыми оно сопровождалось, и т.п. Главное для заметки — именно краткое изложение результата изучения, «сигнализирование» о существовании (или отсутствии), основных чертах какого-то явления, события, человека, проблемы. Причем эти события, явления, проблемы, стороны личности человека должны выступать для аудитории как «новость»^{11[1]}, т.е. потенциальная информация, превышающая то, что уже известно читателям. Чем больше будет это «превышение» (естественно, в рамках доступного осознанию), тем значимее будет новость.

Что представляет собой информация, составляющая содержание такого «результата»?

ТИПЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОДЕРЖАНИЯ ЗАМЕТКИ

Как уже говорилось выше, человеку для ориентации в мире, осуществления деятельности по удовлетворению своих разнообразных потребностей нужна всесторонняя информация, которая бы помогала ему устанавливать **факт** существования каких-то явлений, их **значимость**, ценность и направления их развития, **будущее их состояние**, определять соответствующие **нормы** (рамки) их «использования» и возможные **варианты** собственных действий (в том числе, возможно, и со стороны других членов аудитории), связанных с такими явлениями.

Всесторонность информации возникает в результате комбинирования (то ли целенаправленного, то ли спонтанного) неких исходных типов этой информации. А именно:

^{11[1]} См.: Борисов А.А. Журналистика: Учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 11.

фактов (фактологической, дескриптивной информации), оценок (оценочной, валюативной информации), норм (нормативной предписательной информации), программ (программной, рекомендательной информации), предположений (прогностической, вероятностной, превентивной информации). В конкретной заметке может превалировать тот или иной из перечисленных типов информации, в ней может вообще содержаться только один тип информации. В результате возникает относительно большое содержательное разнообразие заметок^{[12][2]}.

Рассмотрим указанные выше типы информации подробнее.

Факториальная информация. Факты, так же как и иные виды знания, устанавливаются в ходе познания действительности разными методами^{[13][3]}. Чаще всего под фактом в журналистике понимают описание какого-то явления, события, процесса, ситуации. Хотя на самом деле это понятие гораздо шире изложенного и представляет собой достоверное знание о существовании самых разнообразных явлений как предметного, так и информационного плана. Надо заметить, что фактами иногда называют и сами события, явления, процессы и пр. В этом случае говорят об онтологическом плане факта. Для журналиста факты — это прежде всего достоверные сведения, устанавливающие реальность существования каких-либо явлений (предметного или идеального, т.е. информационного ряда) в настоящем или прошлом.

*Из публикации «Украли труп»
(АиФ. №45. 1999)*

В одном из домов молдавского города Шолданешты все было готово к похоронам. Но усопшей так и не дождались. Живущие на Украине внуки покойной Грегори и Штефан - согласно последней воле бабушки - должны были упокоить старушку на ее родине в Молдавии. Завернув усопшую в ковер, мужчины прикрепили скорбный груз к багажнику машины и в таком виде повезли родственницу в соседнюю республику. По дороге в молдавском населенном пункте Спивково безутешные внуки зашли перекусить в столовую, а когда вышли на улицу, то обнаружили, что покойницу у них похитили.

В данной публикации* автор рассказывает о вполне конкретном событии. Конечно же, «факт» можно придумать, что случается и относительно нередко (особенно часто это происходит в «желтой прессе», которая в ряде случаев в основном и существует за счет вымысла информации). Но то, что автор называет точное место, примерное время, имена участников события — очень важный момент, предполагающий возможность проверки сообщения и позволяющий при особой необходимости произвести ее.

Вероятностная информация. Она включает предположение или совокупность предположений о настоящем, прошлом или о будущем каких-либо явлений. Предположения могут опираться на достоверную информацию о предмете суждения или же могут быть вообще лишены всяких оснований.

Предположения, относящиеся к будущему, называются **прогнозами** (прогноз означает в переводе с латыни — предвидение). Как уже говорилось ранее, прогнозы бывают разными по степени их обоснованности, серьезности. В любом случае их реализация зависит как от известных «прогнозисту» факторов, так и от неизвестных. Чем больше таких «неизвестных», тем труднее предсказать будущее того или иного интересующего читателя явления. И даже если предположить, что автору прогноза известны все факторы (что вряд ли возможно), то и в этом случае он не всегда может «просчитать», какой в итоге будет «равнодействующая» их взаимного влияния.

Предположения могут относиться и к прошлому. В этом случае их обычно не называют прогнозами, поскольку намерение «предвидеть» по отношению к событиям, которые уже когда-то произошли, выглядит несуразно. Чаще всего предположения, адресованные прошлому, называются **гипотезами** (хотя иная гипотеза может представлять собой суждение о

будущем). Если существует множество предположений относительно одного и того же предмета, то каждое из них называется **версией**.

Ниже на примере трех текстов рассмотрим, как разнятся эти типы информации.

*Из публикации «Серия рекордов скоро подойдет к концу»
(Коммерсант. 12 января. 1995)*

Фундаментальные факторы - соотношение спроса и предложения, рост потребления алюминия в автомобильной промышленности, более прогнозируемое и цивильное поведение России на мировом рынке - по-прежнему прочат алюминию блестящее будущее. В этом уверено большинство аналитиков брокерских контор Лондонской биржи металлов. Алюминиевые кампании, как российские, так и западные, тоже строят свои производственные планы на 1995 год, исходя из высоких цен на алюминий. Таким образом, все участники рынка, особенно после каникул, переполнены самых радужных надежд и полагают, что цены на алюминий будут расти вечно.

Однако специалисты технического анализа, которые составляют свои прогнозы, исследуя движение цен, думают иначе. Например, сотрудники компании Base Metall Trading Ltd полагают, что в долгосрочной перспективе - несколько месяцев или год - цены на 3-месячные контракты действительно продолжат свой рост. Через один-два месяца цены дойдут до 2081-2111 долларов, а верхняя граница повышения цен будет находиться, в зависимости от ситуации, либо в диапазоне 2378-2412 долларов за тонну, либо между 2263-2309 долларов за тонну. Но после достижения этих уровней цены в течение года-полутора неизбежно снизятся, либо плавно, либо (как в 1982 году) резко. В качестве наиболее вероятной отметки, до которой дойдет падение цен на алюминий, называется 1719 долларов за тонну.

*Из публикации «Виртуальная политика»
(АиФ. №4. 1998)*

Мистификации на благо Родины не такая уж редкость. О большинстве их не известно ничего. Но есть исключения.

Говорят, что перед первым туром президентских выборов 1996 года готовилась вертолетная мистификация с кандидатом Б. Ельциным. Во время одного из агитационных перелетов вертолет должен был якобы пропасть на день-два. Началась бы паника, с экранов не сходили бы лица убитых горем родственников. Вся страна должна была искренне им сочувствовать, и вот вертолет найден, он совершил «вынужденную посадку», но президент жив. Все вздыхают с облегчением и идут за него голосовать. Но этого почему-то не произошло, хотя и могло произойти.

*Из публикации «За штурвалом ЯК-40 сидел сам Боровик?»
(АиФ. № 15.2000)*

Под рубрикой «Сенсационная версия»

Продолжается расследование причин катастрофы самолета ЯК-40, в которой погибли известный журналист, президент холдинга «Совершенно секретно» Артем Боровик, бизнесмен Зия Бажаев и еще 7 человек.

Предположения строились самые разные - взрыв на борту, подпиленная злоумышленниками тяга закрылков, неисправности в системе управления элеронами, руля высоты, обледенение самолета.

Однако ни следов взрывчатых веществ на борту, ни дефектов системы управления упавшего Як-40 найдено так и не было. Тем временем «АиФ» стала известна информация, которая позволяет по-новому взглянуть на трагедию 9 марта. Эту информацию нам представил осведомленный источник в компетентных службах, имеющий отношение к расследованию. Согласно его сведениям, катастрофа произошла из-за ошибочных действий пилота. Точнее - человека, управлявшего самолетом. Дело в том, что ни первого, ни второго пилота в кабине попросту не было, а за штурвалом находился... сам Артем Боровик. Артему не раз доводилось управлять воздушной машиной. Будто бы он даже имел разрешение на управление легкими самолетами, полученное в

США. Вот и в этот раз он якобы упросил пилотов разрешить ему самому поднять Як-40 в воздух. По какой-то причине он не установил закрылки в положение, необходимое для взлета, и самолет, не сумев набрать высоту, рухнул на землю.

Не хочется верить, что это правда. Нелепо, непривычно обнаружить в жертве трагедии ее же виновника. Может быть, наш источник рассказал не все. Как бы там ни было, вместе со всеми коллегами Артема мы надеемся, что компетентная комиссия досконально во всем разберется. И установит истину - какой бы горькой она ни была.

Первый текст содержит два разных по «знаку» предположения о будущих ценах на алюминий. Эти предположения вполне можно назвать прогнозами, поскольку в них сообщается о том, чего еще нет и чего, возможно, не будет. То есть в заметке речь идет о предполагаемых в будущем событиях, которые, однако, не обязательно произойдут, поскольку зависят от множества факторов, учесть которые в данный момент в полной мере просто невозможно.

Вторая заметка включает в себя предположение, относящееся к прошлому периоду в политической жизни России, в частности к деятельности Б. Ельцина. Это предположение — гипотетическое утверждение о том, как якобы предполагалось повысить избирательный рейтинг Ельцина. О том, насколько это утверждение обоснованно, судить трудно. Тем не менее ничто не мешает газете выдвигать подобного рода предположения. В том случае, если когда-то появятся факты, подтверждающие гипотезу, она сама превратится в факт.

Третья заметка содержит вероятностную информацию (предположение), которую можно назвать версией. Основанием для такого определения типа информации является то, что, кроме представленного в данном тексте «АиФ» предположения, существуют и другие мнения о причинах авиакатастрофы, как уже известные читателям газеты из ранее опубликованных материалов, так и еще неизвестные им, но, судя по намеку еженедельника, имеющиеся у следователей.

В отличие от прогноза и гипотезы и версия могут быть нацелены (и в большинстве случаев нацеливаются) не на сообщение о каком-то явлении, а на его объяснение, хотя и предположительное.

Превентивная информация. Под ней понимают сообщения о событиях, которые «запланированы» и с большой степенью вероятности должны произойти в ближайшем будущем. Превентивную информацию можно считать разновидностью вероятностной. Однако она обладает и своими особыми чертами, позволяющими относить ее к самостоятельному типу информации.

*Из публикации «Будет новый Центр»
(Вечерняя Москва. 9 января. 1999)*

Строительство творческого Центра имени Всеволода Мейерхольда завершится уже в этом году. Центр Мейерхольда будет включать в себя театр с уникальной мобильной сценой, выставочный зал, два репетиционных помещения, видеобиблиотеку, трехзвездочный гостиничный комплекс, современный паркинг, магазины, рестораны. По своей многофункциональности Центр станет уникальным для Москвы, а его архитектура прекрасно впишется в исторический облик города.

Что является основным условием реализации этого сообщения? Очевидно, успешный ход строительства. Если же оно будет по каким-то причинам остановлено, то и сообщение о вступлении в строй культурного центра в указанный срок окажется ложным.

Иногда у ряда событий будущего, о которых сообщают СМИ, существуют исключительно «сильные» предпосылки реализации. Такие предпосылки представляют собой существование факторов, надежность проявления которых уже неоднократно подтверждалась в человеческой практике (например, если строится тот же дом и есть все необходимые условия для этого, то он, как правило, бывает построен к определенному сроку). Порой на основании существования подобных предпосылок превентивную информацию о них относят к разряду фактологической. На

самом деле, разумеется, такого рода информация является вероятностной, превентивной, предположительной и по-настоящему к фактам причислена быть не может.

Превентивное сообщение нельзя считать излагающим факты, поскольку факт — это всегда то, что уже существует, но отнюдь не то, что будет существовать, даже если степень возможности этого будущего существования очень высокая. Некоторые издания учитывают этот нюанс, разделяющий сообщение об уже свершившемся событии от сообщения о событии, которое должно совершиться. Так, например, в газете «Московская перспектива» (см.: № 4. 1999) сообщения о свершившихся событиях публикуются под рубрикой «Факт», а сообщения о событиях, которые должны произойти, — под рубрикой «Должно стать фактом!». Однако в процессе обыденной творческой деятельности, для удобства пользования информацией (но не более того), журналисты могут относить ее к разряду фактологической. Но все это, естественно, не отменяет различия, существующего между превентивной информацией и информацией о фактах. В целом превентивные сообщения по степени своей «надежности» значительно превосходят иные предположительные (вероятностные) суждения.

Иногда превентивное сообщение называют предположением. Это неверно. Хотя предположения относительно будущих явлений в известной мере и можно назвать превентивной информацией. Однако понятия «предположение» (вероятностная информация) и «превентивная информация» не тождественны. Предположения не совпадают в полной мере с превентивной информацией постольку, поскольку, как уже было сказано, они могут относиться как к будущему тех или иных явлений, так и к прошлому, к истории предмета отображения. Превентивная же информация относится только к будущему состоянию каких-то явлений. А кроме того, превентивное сообщение, как уже было установлено, всегда обладает большей степенью обоснованности и большей вероятностью оправдания, чем предположение.

Оценочная информация. Как известно, оценка представляет собой отношение субъекта оценки (журналиста или любого другого человека) к оцениваемому предмету. Это отношение возникает в результате сравнения предмета оценки с определенными критериями, в качестве которых могут выступать потребности, интересы, идеалы, нормы, образцы, стандарты и пр. Оценочными часто являются сообщения о всевозможных явлениях информационного плана (книгах, фильмах, пьесах и пр.). Но оценка, разумеется, может выноситься по отношению к любому предмету выступления.

Из публикации в «Вечерней Москве». 6 января. 2000:

«На дне

Оказалось так называемое телесообщество. По итогам информационной войны, развернутой на последних выборах. В коридорах «Останкино» бывшие коллеги отворачиваются и не подают руки. На многих повисло клеймо нечистоплотности, подозрение в беспорядочных политических связях. Под угрозой судьба розыгрыша призов «ТЭФИ», за которые телевизионщики так отчаянно сражались все последние годы».

Как видим, основная цель этого выступления — оценка ситуации, сложившейся в коллективе тележурналистов «Останкино» после выборов, проведенных в Государственную Думу. Суть этой оценки ясна. И знание ее, очевидно, окажется важным как для журналистского сообщества России, так и для других граждан.

Из публикации в «Вечерней Москве». 6 января. 2000:

«Уважать себя заставил

Телеканал НТВ, точнее его служба новостей. Своей позицией во время прошедших выборов.

«Мы средства информации, а не средства пропаганды», — радуются теперь идеологи НТВ. Грустят только Лужков с Примаковым».

Заключенная во втором тексте оценка также касается журналистов, но представителей другого коллектива, выступавшего оппонентом РТР и ОРТ в ходе тех же выборов. Сравнивая эти два оценочных сообщения, читатель может взглянуть на отношения журналистов на телевидении с двух точек зрения, что позволит ему сделать еще одну, свою собственную оценку деятельности тележурналистов сразу трех каналов.

Нормативная информация. Нормы представляют собой требования, адресованные обществом социальным группам, отдельным личностям. Общественные нормы многообразны. Они могут быть отнесены к тем или иным типам, в зависимости от оснований классификации. Они, например, могут быть политическими, экономическими, моральными, техническими, медицинскими и т.д. Значимость норм для человека заключается не просто в том, что они ограничивают, «дозируют» его деятельность, выполняя регулирующую функцию, но и в том, что, выполняя нормативные требования, он вправе ожидать того же и от других людей. Только в таком случае возможна упорядоченная жизнь в обществе, только так могут быть устраниены случайные, непреднамеренные «столкновения» гражданина в процессе удовлетворения своих потребностей с государством или другими гражданами.

Из этого следует, что потребителя информации СМИ будут интересовать сведения следующего плана:

- о соблюдении норм, выполняемых данным читателем, другими людьми;
- о том, как оценивается обществом соблюдение (нарушение) норм;
- о возникновении новых норм в общественной жизни.

*Из публикации «Лошадей на МКАД не пустят»
(АиФ. №45. 1999)*

Отныне на всем протяжении МКАД автомобилисты могут гонять со скоростью 100 км/ч. Напомним, что до недавних пор на большом участке кольца разрешалось двигаться со скоростью, не превышающей 60 км. Понятно, что водители частенько игнорировали запрет. Теперь МКАД присвоен новый статус — «Магистральная улица общегородского значения первого класса». Ездить по ней разрешено только транспортным средствам, которые по своим техническим характеристикам могут развивать скорость не менее 40 км/час. Это автомобили, автобусы и мотоциклы. Грузовики должны занимать не более двух правых рядов (всего их пять), а тракторам и тем более гужевым повозкам въезд на автостраду запрещен. Вдоль дороги сделают заездные «карманы», куда должны вставать сломавшиеся по пути машины.

Нормативные требования, составляющие суть данной заметки, как видно, являются техническими по своему характеру. Их еще можно назвать правилами дорожного движения, действующими на одной из автомагистралей и требующими от водителей неукоснительного исполнения.

О том, что данный текст содержит нормативную информацию, «сигнализируют» содержащиеся в публикации так называемые модальные понятия: «могут», «разрешалось», «запрет», «не превышающей», «должны», «запрещен» и т.д. (выделены курсивом. — А. Т.). Без таких понятий не может быть сформулирована ни одна норма.

Программная информация. Программа есть представление об определенной совокупности последовательных действий, в ходе которых применяются конкретные средства с целью достижения желаемого результата. В заметке программная информация обычно предстает в виде какого-то короткого совета, рекомендации.

*Из публикации «Как не покалечиться об лед»
(Комсомольская правда. 11 декабря. 1999)*

Когда объявляют, что «на улицах скользко», смените изящные сапожки на каблуке на ботинки с «тракторной» подошвой. Более чем в трети зимних случаев вывихов и переломов виновата неприспособленная к нашим условиям, нашим дорогам модельная обувь.

По скользкой дороге лучше двигаться медленно, короткими шажками, как бы «ощущая» поверхность. Проще идти по краю дорожки. Как правило, там менее скользко, чем на отшлифованной тысячами ног середине. Не держите руки в карманах, попытайтесь поддержать ими равновесие.

Будьте готовы к тому, что можете упасть. Если руки свободные, то падать лучше, прижав их к груди, если заняты вещами, то - вытянув вперед. Если чувствуете, что валитесь на бок, то постарайтесь быстро согнуть ноги и прижать руки к телу. «Полет шмеля» не будет таким красивым, выглядеть вы будете как мешок картошки, зато обойдетесь без

переломов и сотрясения мозга.

Изложенный здесь совет включает в себя три основных пункта: 1) как выбрать обувь, 2) как двигаться по обледенелой дороге, 3) как падать. Все вместе они и составляют краткую программу предотвращения травм при движении по улице в гололед.

Иногда программную информацию отождествляют с нормативной, поскольку программа показывает, как надо что-то делать, чтобы достичь цели, но и норма тоже дает образец. Однако норма, во-первых, является требованием, которое всегда надо выполнять в определенной ситуации, она носит императивный (повелительный) характер. Во-вторых, невыполнение ее, как уже говорилось в предыдущем разделе, может повлечь за собой определенные санкции. Программа же показывает один из вариантов действия, ведущего к успеху, и обладает лишь рекомендательным характером.

В том случае, когда одну и ту же программу, как наиболее эффективную, предлагается выполнять при определенных условиях всегда, она становится стандартной программой. Если же выполнение стандартной программы становится требованием и сопровождается определенными санкциями, она превращается в норму.

ЖАНРОВЫЕ ВИДЫ ЗАМЕТКИ

Та или иная конкретная заметка может быть рассмотрена как результат взаимодействия различных жанрообразующих факторов. Иначе говоря, она может отображать самые разные аспекты реальности (разные предметы), быть результатом реализации вполне определенных целей ее автора, иметь свой тип информационного содержания, что очень часто связано с типом издания, в котором она опубликована^{14[4]}. Поэтому то, что в общем плане называется заметкой, при более близком, конкретном рассмотрении может быть отнесено к вполне самостоятельному виду публикации (разумеется, в пределах общих характеристик заметки). Иначе говоря, существуют разные виды заметок, которые могут быть названы ее жанровыми видами. Рассмотрим некоторые из них, наиболее часто появляющиеся на страницах современной периодической печати, но, разумеется, отнюдь не исчерпывающие собой перечень возможных типов (жанровых видов) заметки.

Событийная заметка. Заметки данного типа составляют, так сказать, основной поток информационных публикаций в периодической печати. Основным содержанием таких заметок является фактологическое описание. Выделение их в самостоятельный жанровый вид возможно на основе своеобразия предмета отображения. В качестве такового в событийной заметке обычно выступают разнообразные события, а также положение дел в той или иной сфере деятельности.

*Из публикации «Угоняют все подряд»
(Петровка, 38. № 20. 1998)*

В течение одного дня сотрудники муниципальной милиции Северного административного округа задержали две угнанные машины. Сначала сотрудники милиции остановили автомобиль «Запорожец». Причина была банальная. С первого взгляда было ясно - за рулем сидит несовершеннолетний. Разумеется, документов на машину у него не оказалось. А вскоре выяснилось, что машину молодой человек угнал, пользуясь тем, что на ней отсутствовала сигнализация. Так что похищают у нас не только иномарки. «Запорожец» был торжественно вручен законной владелице, а несовершеннолетний угонщик передан в ОВД «Дмитровский».

А через несколько часов сотрудники муниципальной милиции остановили автомобиль «Опель-Фронтера». При проверке оказалось, что машина числится в угоне. Ее тридцатилетний водитель доставлен в ОВД «Войковский».

Информационное содержание данной заметки — сообщение о двух, так сказать, «точечных» событиях одного ряда: угонах автомобилей и поимке угонщиков. Эти сообщения носят чисто фактологический характер.

Существует и другой вид содержания событийной заметки.

Из публикации «Без комментариев»

(Десять дней. № 5. 2000)

Четверть всех московских школ требует комплексного капитального ремонта. Согласно данным московского комитета образования, на 1999 год из 1466 функционирующих сегодня в столице школ 610 требуют капитального ремонта, а 46 подлежат сносу.

Между тем программа финансирования капитального ремонта школ в прошлом году была выполнена только на 34% (вместо 150,5 млрд. рублей было выдано лишь 510,5 млн. рублей). Существует программа «О состоянии и развитии материально-технической базы московских школ», которая рассчитана до 2005 года. Для реализации этой программы потребуется 16,5 млрд. рублей. В 2000 году на реконструкцию и ремонт школ Москвы выделено лишь 500 млн. рублей.

Событийные заметки данного типа (похожие на приведенную выше) обычно представляют собой так называемую итоговую, комплексную информацию, состоящую из количественных и качественных обобщений, из таких сведений, которые могут быть охарактеризованы то ли как «факт», то ли как «оценка», то ли как «норма», то ли как «предписание» и пр. Иначе говоря, это информация, характеризующая предмет — состояние дел в какой-то отрасли производства, каком-то учреждении, какой-то сфере деятельности и т.п. в самых разных аспектах. Причем она (информация) может давать представление как о чем-то уже свершившемся, так и о совершающихся событиях, действиях, процессах, возникающих ситуациях, феноменах.

Анонс. Данный информационный жанр образуют заметки, представляющие собой превентивные сообщения о будущих всевозможных культурных мероприятиях, выставках, концертах и пр. Название «анонс» переводится с английского «announce» как «сообщение», «возвещение», «объявление». Без такого рода оперативных сообщений представить себе прессу трудно, поскольку именно они привлекают широкую публику на всевозможные мероприятия, прежде всего совершающиеся в культурной жизни общества (но, разумеется, и не только в этой сфере).

Из публикации «Майские дни недвижимости»

(Московская правда. 18 мая. 2000)

С 26 по 29 мая московский Манеж вновь будет предоставлен в распоряжение участников и гостей Международной специализированной выставки «Инвестиции, строительство, недвижимость». Она состоится в столице уже в четвертый раз. В соответствии с распоряжением мэра организация мероприятий возложена на Комплекс перспективного развития города, департамент внешних связей Правительства Москвы и другие привлеченные структуры. 248 фирм уже подтвердили свое участие. Среди них - представители стран ближнего зарубежья, Италии, Испании, Австрии, Великобритании, Германии и ряда других. Общая площадь выставки -1952 квадратных метра, 120 -займет стенд Правительства Москвы. Общий план экспозиции разработан Москомархитектурой при участии главного архитектора Москвы. Персональные стенды Моспромстроя, Главмосстроя, Моспромстрой - материалов, Москапстроя, Мосинжстроя представлят новые технологии, материалы и способы проведения работ, здания и сооружения, уже возведенные московскими строителями.

В рамках выставки 26-28 мая состоятся конференции и семинары, где будут обсуждены вопросы по основным направлениям тематики выставки и ее разделов: инвестиционная деятельность, ипотечное кредитование, операции с недвижимостью и другие. 27 мая представители Правительства Москвы примут почетных гостей выставки — послов зарубежных стран. А 29 мая в Манеже — День открытых дверей для жителей и гостей столицы.

Лариса Сергеева

При всей близости к объявлению анонс является самостоятельным видом публикаций.

Различие (хотя и незначительное) между анонсом и объявлением (как они существуют в современной российской прессе) заключается прежде всего в том, что объявления выполняют функцию извещения не только о том, что и где нечто произойдет, но и о том, что уже

происходит или происходило (например: «Пункт приема вторсырья № 28 закончил свою работу 5 апреля. Данное помещение сдано в аренду. За справками обращайтесь в администрацию района»). Кроме того, объявления преследуют чисто утилитарные цели, отнюдь не претендуют на какое бы то ни было изложение деталей, предыстории «мероприятия», его причины, условия проведения.

Анонс близок и к рекламному тексту. Однако в отличие от него анонс не ставит своей целью привлечь к «мероприятию» как можно больше публики, расписывая его достоинства. Основная цель анонса дать краткую, но объективную информацию о времени и главных сторонах запланированного события, о наиболее важных его предпосылках и этапах.

Аннотация. Название данного жанра «аннотация» переводится с английского «annotate» как «примечать». Этот вид заметки относится к разряду информационных текстов, предметом отображения в котором выступает определенное, уже состоявшееся **информационное явление** (прежде всего — это книги, статьи). Цель публикации данного типа заключается не столько в том, чтобы известить аудиторию о появлении, существовании какого-либо нового издания, сколько в том, чтобы описать кратко его качества. В аннотации сообщается об основных, «узловых» моментах возникшего феномена (его названии, авторе или авторах, издателе или постановщике, теме, содержании, времени появления, цели создания). Аннотация является одним из основных жанров специализированных периодических изданий («Книжный мир» и т.п.), но достаточно часто публикации этого жанра появляются и в периодических изданиях иного плана.

*Из публикации «О Пушкине с той стороны»
(Мир за неделю. № 12. 1999)*

Вышла в свет книга «Пушкин в эмиграции. 1937 год», - сообщает газета «Книжное обозрение». Издание подготовлено известным литературоведом Вадимом Перельмутером. В книге собраны рассеянные по эмигрантской периодике публикации, приуроченные к 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Среди авторов - С. Булгаков, В. Ходасевич, Д. Мережковский, Г. Adamович, А. Ремизов, П. Милюков, Б. Зайцев, В. Иванов и другие выдающиеся деятели русской культуры.

Иногда аннотацию называют мини-рецензией. С этим согласиться нельзя, поскольку у любой рецензии, в том числе и у мини-рецензии, иная цель, нежели у анонса.

Мини-рецензия. Она представляет собой оценочную заметку, предметом которой выступает какое-то информационное явление (книга, кинофильм, пьеса и т.д.). Цель публикации данного типа заключается в том, чтобы сообщить читателю о **впечатлении**, полученном ее автором в ходе знакомства с отображаемым предметом. При этом такое впечатление, являющееся своего рода оценкой достоинств произведения, в мини-рецензии не обосновывается какими-то доказательствами, а представляет собой простое изложение эмоций автора.

*Из публикации «Легионер»
(Новая газета. 16-23 сентября. 1999)*

«Легионер». Режиссер - Питер Макдональд. В ролях - Жан Клод Ван-Дам, Стивен Беркофф

Полный отчаяния фильм о боксере из Марселя, пытающемся скрыться от гангстеров в Северной Америке. Двадцатые годы, бескрайние песчаные просторы и старая как мир тема «порока и предательства». Ален (Ван-Дам) один против равнодушия окружающих и жестокости преследующих. Свежо...

Терпение зрительское воистину велико, но справиться со щемящей сердце жалостью к очередной попытке реанимировать безнадежного, как спящая красавица, «универсального солдата-боксера-шпиона-гимнаста» реально только в более щадящих климатических условиях. В противном случае наша жалостливая ментальность приведет прямиком к инфаркту в зрительном зале.

За отсутствие коронного шпагата на двух стульях сразу - большое человеческое спасибо, но ей-ей, надо и честь знать.

Каждый киноман любит плохое кино, только не до такой степени.

Катя Шапошникова

Оценка фильма в данной заметке складывается из двух основных отрицательных оценок: во-первых, избранная режиссером тема порока и предательства «стара как мир», т.е. не оригинальна; и во-вторых, фильм представляет собой попытку «реанимировать безнадежного, как спящая красавица, солдата... и т.д.». Итоговая оценка фильму выносится в последней строчке заметки, в словах: «плохое кино».

Конечно же, любитель кино примет такого рода заметку (и выраженные в ней оценки фильма) к сведению. Но это не значит, что он будет считать ее достаточным основанием для того, чтобы не смотреть фильм, поскольку видит, что в ней выражены лишь эмоции какого-то одного человека, увидевшего фильм. Серьезная же аргументация в пользу позиции автора в публикации не изложена. Да это и не является задачей информационного материала — ее решают публикации аналитических жанров, в том числе — «аналитические», т.е. «развернутые», доказательные рецензии.

Блиц-портрет. Этот жанр может быть выделен из информационных публикаций других типов в качестве самостоятельного на основе своеобразия предмета отображения. Публикации такого типа содержат краткие сведения о человеке с целью дать аудитории первичное представление о его личности. Название «блitz-портрет», в известной мере, настраивает на знакомство с особым предметом отображения, каковым является человек. Наличие подобного названия заметки важно как для самого журналиста, так и для аудитории. Журналисту знание того, что ему необходимо подготовить информационный материал в жанре «блitz-портрет», помогает уяснить, что именно он должен написать. Аудитории же обозначение публикации именем «блitz-портрет» подсказывает то, о чем, собственно говоря, идет речь в расположенной под этой рубрикой публикации.

*Из публикации «Пресс прессы»
(Московский комсомолец. 1998. 4 июня)*

Взять, к примеру, Павла Бородина, управляющего делами президента. Фигура известная, не так ли? Фигура могущественная: под его присмотром 4000 госдоч и еще куча всякой недвижимости, огромный автопарк, авиакомпания «Россия»... В общем, все, что обеспечивает удобства армии из 12 тыс. чиновников Кремля, Думы, правительства и так далее. «Редкой души человек, прекрасный работник, умница», - скажут те, для кого работает Бородин. «Они жириуют, а нам зарплату не платят», - прокомментирует кремлевские будни раздраженный глас народа».

Как видим, краткая характеристика, данная кремлевскому чиновнику, выявляет наиболее важные моменты его деятельности, показывает его возможности, что вполне достаточно для первого знакомства читателя с героем данной публикации. Тем самым материал в полной мере выполняет свою функцию, оправдывая таким образом свою жанровую самостоятельность.

Мини-обозрение. Такой тип материала представляет собой фактологическую заметку. Возможность отнесения информационных публикаций к самостоятельному жанровому виду заметки «мини-обозрение» заключается в своеобразии предмета отображения. А именно: таким предметом в подобных случаях выступает не одно какое-то событие, действие, явление, а их совокупность. Причем совокупность эта определяется самим автором мини-обозрения. Рамками этой совокупности может выступать, например, определенный временной период, в течение которого произошли наиболее примечательные, с точки зрения автора, события. Но он может объединить некие явления на другой основе, например по их сходству (по теме). Могут быть найдены и какие-то иные основания для выбора совокупности обозреваемых феноменов.

Автор мини-обозрения не ставит перед собой цель досконально выявить взаимосвязи, существующие между отобранными им для освещения в публикации явлениями. Он не пытается в таких публикациях, опираясь на взаимосвязь освещаемых феноменов, определить какую-то порождающую их закономерность. Главная его цель — сообщить о существовании схожих явлений или известить о случившихся за определенный промежуток времени событиях.

*Из публикации «5 трагедий в воздухе за один день»
(АиФ. № 97. 1999)*

Четверг, 9 декабря, стал днем авиакатастроф. Именно в четверг рухнули два легких самолета и военный вертолет в США. Именно в четверг нашли в горах обломки пассажирского самолета на Филиппинах. Именно в четверг врезался в сопку российский самолет Ан-24 в Приморье. Только за один этот день в авиакатастрофах погибло 42 человека, ранено - 5, пропало без вести - 11. Причины трагедий выясняются.

Л. П.

Нетрудно увидеть, что данный материал содержит информацию, в которой описывается совокупность однотипных событий (авиакатастроф), произошедших в течение одного дня. Такая тематическая и временная локализация объединяет разные события, что и позволяет сообщить о них под одним заголовком. Данная публикация отличается от заметок иных типов тем, что позволяет читателю «обозреть» определенную, лаконично обозначенную панораму неких событий, что в известной мере повышает информационную насыщенность заметки.

Мини-история. Этот тип заметок в настоящее время широко распространен в изданиях, предназначенных для семейного чтения и готовящихся по «европейскому стандарту» (читателю предлагается получить основные сведения при минимальной затрате времени и усилий). Иначе говоря, такого типа заметки ориентированы на небольшой объем информации, сопровождающей, как правило, цветные фотографии.

Главной основой для выделения мини-истории в качестве самостоятельного жанра выступает предмет отображения, которым является какая-то семейная, любовная, профессиональная или иная жизненная интрига, построенная на взаимоотношениях людей.

*Из публикации «Штеффи Граф: закупает ползунки...»
(Лиза. № 2. 2000)*

Андре Агassi, помнится, расстался со своей супругой Брук Шилдс из-за несогласия по детскому вопросу: Брук страстно желала ребенка, а Андре не мыслил себя в роли папы... И вот недавно Андре и его новая любовь Штеффи Граф посетили бутик для новорожденных, где отоварились на круглую сумму. К чему бы это?

*Из публикации «Лидия Иванова: новый муж к Новому году»
(Лиза. № 2. 2000)*

Он принес ей кассету с записями своих песен. Она послушала и подумала - какой кошмар! Тогда он принес бутылку и предложил выйти за него замуж. Она во второй раз подумала - какой кошмар: мне - 63. Ему - 23. Но было поздно - она влюбилась. Юная душой шоу-вумен и молодой музыкант недавно поженились. Наши поздравления!

Если сравнить эти две публикации, то можно заметить, что несмотря на то, что они рассказывают о совершенно разных людях, их объединяет одно — они ограничены

пределами событий (или события) чьей-то личной жизни, не имеющих каких-то заметных общественных последствий.

Основное назначение публикаций типа «мини-история» заключается прежде всего в том, чтобы развлечь читательскую аудиторию, дать определенный материал для удовлетворения так называемого «человеческого интереса», для обсуждения с родными и знакомыми.

Мини-совет. Информационные публикации такого типа представляют собой заметку, основным содержанием которой является программная информация.

*Из публикации «Читатели советуют читателю»
(Лиза. № 2. 2000)*

Поможет холод. Карандаши для подводки губ и век очень мягкие, поэтому часто ломаются при затачивании. Перед тем как затачивать, положите карандаши в морозилку, получится острый кончик почти без отходов.

M. Крамников

Оживляющая вода. Если тушь для ресниц высохла до истечения срока годности, не надо добавлять в нее ни спирт, ни воду, просто подержите в стакане с теплой водой.

Л. Макеева

Как черепахе гулять. Не разрешайте черепашке свободно перемещаться по квартире. Во-первых, вы можете случайно наступить на нее или прихлопнуть дверью. Во-вторых, она может куда-нибудь упасть, а падение даже с табуретки грозит ей смертельной травмой позвоночника. Черепахи не такие медлительные, как порой кажется: за считанные минуты они иногда успевают добраться до таких опасных мест, как перила балкона или раскаленная плита. Поэтому лучше всего держать черепаху в просторном терриории, из которого она не сможет совершить побег.

И. Лапин

Мини-советы относятся к публикациям информационного жанра постольку, поскольку они служат целям извещения аудитории о возможном порядке действий, приводящих к желаемой цели, но отнюдь не претендуют на анализ, на развернутое обоснование, на серьезное аргументирование правильности излагаемого совета. Доверие к подобного рода текстам обеспечивается лишь авторитетом тех лиц, которые их дают. Анализ печатных изданий показывает, что авторами публикаций в жанре мини-совета чаще всего выступают специалисты из разных сфер деятельности. Именно они владеют наиболее ценной информацией в указанном отношении.

Хотя нередко, как и в приведенных выше примерах, советы публикуются без какого бы то ни было указания на степень компетентности (предположим — обозначения специальностей, которыми владеют авторы). Прежде всего так происходит тогда, когда советы, которые публикуются изданием, носят бытовой характер. Авторы советов, которые могут повлечь более-менее серьезные последствия для читателя, решившего их применить, как правило, представляются с указанием профессионального статуса «советчика».

СТРУКТУРА ЗАМЕТКИ

О структуре заметки (независимо от ее жанровой разновидности) можно говорить в разных отношениях. Один из наиболее общих планов — это рассуждение о структуре заметки с точки зрения особенностей использования в ней так называемого базового факта, т.е. того факта, который, собственно говоря, и стал причиной подготовки заметки. Исходя из этого положения, можно выделить два основных ее структурных типа.

Структура заметки **первого типа** представляет собой последовательное изложение ответов на вопросы: Что произошло? Где? Когда? Почему? Как? В зависимости от цели выступления и объема информации, которой владеет журналист, эти вопросы могут выстраиваться в каком-то ином порядке, их может быть больше или меньше. Но в любом случае они служат для описания того явления (события, действия, суждения), которое стало известно журналисту. В том случае, если суть события описывается очень кратко, появляется тип текста, называемый хроникой. Если содержанием заметки является не изложение факта (или предположения), а оценки, нормы, программы (плана) действия, то структура ее отображает структуру оценки, нормы, программы.

*Из публикации «В столице появилось собственное казначейство»
(Россия. № 50. 1999)*

В составе московского департамента финансов образовано городское казначейство. В ведении нового ведомства, в частности, будут находиться организация исполнения муниципального бюджета, управление средствами на бюджетных счетах, разработка графиков финансирования текущих расходов, а также взаимодействие с государственными и коммерческими банками и московским управлением Министерства по налогам и сборам. Начальником городского казначейства назначен первый заместитель главы департамента финансов Москвы Серафим Ярных.

Как видим, структура данной заметки складывается из ответов на вопросы: Где произошло? Что? (Что создано?), Каково значение события? (С какой целью создано?), Кто участвует в событии? Полученные ответы характеризуют (называют) лишь основные стороны базового события.

Второй тип — это заметка, в которой базовый факт (исходное явление) каким-либо образом комментируется. Чаще всего оно связывается в таком случае с каким-то более общим явлением. Содержание такой заметки уже включает в себя не только описание конкретного события, ставшего предметом выступления в прессе, но и связь этого описания с иной информацией, с, возможно, уже известной аудитории мыслью. Соответственно логическая структура подобного рода заметки выглядит более сложной.

Часто основная «несущая часть» этой структуры представляет собой эпизод обоснования общего суждения конкретным фактом. То есть факт, который становится известен журналисту, «подается» им аудитории как очередной аргумент в пользу какой-то общеизвестной истины. В этом случае автор не только описывает сам факт, но и напоминает аудитории о существовании такой истины, в той или иной форме излагая ее в тексте. При этом общезначимое суждение может высказываться либо в начале заметки, либо в конце ее. В первом случае факт выступает в качестве аргумента по отношению к высказанному в начале общему утверждению. Во втором случае факт выступает в качестве посылки по отношению к последующей общей мысли автора, которая как бы вытекает из этого факта.

*Из публикации «Сама виновата»
(Московская правда. 1 февраля. 1999)*

Похоже, чужим горьким опытом никому и никого не научить: москвичи и гости столицы продолжают относиться к личным и общественным материальным ценностям весьма легкомысленно.

В воскресенье днем в милицию обратилась 40-летняя гостья столицы, менеджер по профессии, приехавшая в Москву из Нальчика. Женщина поведала милиционерам очень печальную историю: 20 минут назад на 13-й Парковой улице к ней подбежал неизвестный мужчина, вырвал из рук целлофановый пакет и убежал... Все бы ничего, но в пакете лежали 300 тысяч рублей. Пока грабителя не нашли.

Первый абзац этой заметки — общая мысль (тезис) о том, что чужой опыт мало кого учит. А второй абзац выступает как аргумент в пользу этого общего утверждения автора.

Надо иметь в виду, что в повседневной журналистской практике строгое разграничение между аргументом и посылкой не проводится, они обычно употребляются как синонимы. В учебных же целях такое разграничение вполне оправдано, поскольку оно является одним из многих моментов, помогающих более четко представить себе логику изложения (построения) информации.

Очевидно, возможность использования ставших известными журналисту оперативных сведений подобным образом (т.е. не только самих по себе, но и во взаимосвязи с какой-то иной информацией) и позволяет говорить о том, что пресса публикует не только «факты», т.е. сообщения о событиях, действиях и пр., но и «аргументы», т.е. излагает эти сообщения в качестве иллюстраций (примеров, аргументов, посылок) в пользу каких-то, чаще всего уже известных

аудитории утверждений (т.е. тезисов). Очевидно, это и стало основанием для формулирования названия известного ныне еженедельника «Аргументы и факты».

ТРЕБОВАНИЯ К ЗАМЕТКЕ

Поскольку заметки являются главным видом информационного «сканирования» действительности, средством оперативного извещения аудитории о происходящем в мире, т.е. важнейшим средством сообщения о «новостях», то основными требованиями, которые должны выполнять журналисты, готовящие заметки, выступают требования **оперативности и актуальности**. Заметка о событии, которое мало связано с интересами аудитории, т.е. неактуальная заметка, вряд ли привлечет ее внимание. Заметка о событии, которое уже известно читателям, т.е. неоперативная заметка, тоже окажется незамеченной.

Поскольку событий совершается очень много, то существует необходимость давать максимально полную картину происходящего в мире. Но «безразмерных» изданий не существует. Поэтому возникает потребность в «малогабаритных» публикациях, которых на газетной полосе можно было бы поместить побольше. Заметки существуют именно в силу этой потребности. Отсюда очередные непременные требования к заметке — это требования **точности, краткости и ясности изложения**.

К сожалению, стремление некоторых авторов, так сказать, не «сковывать» себя подобными стандартными требованиями и попытаться написать заметку нетривиально не всегда удается. А часто приводит и к нежелательному результату.

*Из публикации «В полном шоколаде»
(Московские вести. 14 января 2000)*

В полном шоколаде оказались вновь испеченные депутаты А. Буратаева и В. Комиссаров.

Теперь «моя семья» будет Калмыкия в Государственной Думе.

Ничего удивительного не будет, если у читателя этой заметки возникнут, например, такие недоуменные вопросы: что означает выражение: «В полном шоколаде»? Бывает ли «неполный шоколад»? Возможно, этот жаргонизм означает: «оказались в хорошем положении?» А может быть — «в плохом положении?» А может быть, автор имел еще что-то в виду? И что значит фраза: «Теперь "моя семья" будет Калмыкия в Государственной Думе?» В чем сокровенный смысл этих замысловатых выражений? И почему автор не открыл его читателю? Подобные вопросы при чтении заметки у аудитории возникать не должны.

Заметку можно назвать «исходным» информационным жанром, т.е. типом материала, из которого «вырастают» другие информационные жанры. Такой рост происходит либо за счет большего «развертывания», «проявления» в тексте одного из жанрообразующих факторов, либо их совокупности. Это, как правило, имеет внешние признаки: увеличение размера информационного материала, более заметное своеобразие формы его (например, «фиксация» в тексте хода интервью, с помощью которого была получена информация, придает публикации диалогический характер). Но независимо от степени «развернутости» жанрообразующих факторов в информационной публикации она всегда нацелена лишь на информирование аудитории о наиболее заметных, характерных внешних чертах отображаемого предмета, но не на проникновение в сущность его внутренних взаимосвязей, их анализ.

Ниже рассмотрим информационные жанры, которые являются более «развитыми», чем заметка.

[в начало](#)

ИНФОРМАЦИОННАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Информационная корреспонденция отличается от заметки более детальным и более широким освещением предмета. Таким предметом обычно выступает какое-то единичное событие, явление, действие. Причем публикация такого жанра может включать в себя не только фактологическое описание предмета, но и некоторые элементы оценки, предписания, прогноза и пр. Вместе с тем автор информационной корреспонденции не ставит перед собой задачу выявить

взаимосвязи описываемого предмета, проникнуть в суть его. Основное для него — сообщить некоторые лежащие на поверхности параметры отображаемого явления.

*Из публикации «Из учеников хотели сделать спички»
(Московская правда. 1 февраля. 1999)*

Чего только ни придумывают столичные школьники. То из газового баллончика посредине урока прыснут, то «бомбу» под дверь класса подкинут, то кран туалета не закроют. Но порой дело принимает действительно серьезный оборот.

Вчера утром два молодых человека, на вид которым не больше двадцати лет, подкараулили учеников школы № 509, расположенной в 6-м Кожуховском переулке. Парни подкрались к ребятам и обсыпали их каким-то желтым порошком, после чего довольные своей злой шуткой бросились наутек. Жертвы злодеев, прия в себя, пошли на уроки. Все бы ничего, но буквально через десять минут двое школьников пожаловались учителю на неприятный зуд. Вскоре возле дверей медпункта собрались еще И детей от 7 до 12 лет.

Руководство школы немедленно позвонило в милицию и «скорую». На место происшествия прибыли также и спасатели ПСО-4, помочь которых, к счастью, не потребовалось. Осмотрев учеников, медики сочли нужным госпитализировать их в 33-ю больницу. Как рассказали нашему корреспонденту в отделении милиции токсикологи, на момент поступления в приемный покой «ребята себя чувствовали хорошо».

В дирекции школы нам поведали, что, несмотря на ЧП занятия полностью решили не прекращать. На момент подписания номера в печать 10 госпитализированных детей после тщательного медицинского осмотра педагог развел по домам. По словам директора, причин для беспокойства и тем более паники нет никаких.

В настоящее время начато разбирательство. Дело передано в руки сотрудников милиции. По предварительным данным, вещество, которым посыпали учеников, не что иное, как обыкновенная сера. Однако заключение дадут специалисты после экспертизы. Сейчас ведется поиск хулиганов. Стражи порядка считают, что у двух злоумышленников нет шанса укрыться от правосудия.

A. Рафаенко

Информационная корреспонденция близка по своей сути к репортажу, однако таковым не является в силу ряда причин. Дело в том, что автор корреспонденции (как и автор рассмотренного выше материала), как правило, не присутствует на месте события в момент его совершения. Кроме того, он не ставит перед собой задачу Дать подробное эмоционально насыщенное описание предмета отображения (часто это и невозможно сделать, не побывав на месте события). Кроме того, репортаж более приспособлен для описания именно событий, происшествий (чаще всего необычных). Корреспонденция же чаще описывает обычные события, но и не только их, а также какие-то локальные ситуации, процессы. Для корреспондента главное — изложить суть дела, для репортера же — изложить суть дела экспрессивно, наглядно, эмоционально, чтобы при чтении репортажа у аудитории возникал эффект присутствия на месте события.

[в начало](#)

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТЧЕТ

Причина отнесения типа публикаций, обозначенных как «информационный отчет», к самостоятельному жанру заключается в особом характере предмета отображения. В качестве такого в отчетах выступают события, совершающиеся в форме обмена информацией. Это — всевозможные конференции, заседания, симпозиумы, семинары, собрания и пр. Именно в ходе их вырабатывается «продукция», представляющая собой различные планы, заявления, намерения, решения и т.д., и воспроизводящая потенциальный объект интереса аудитории СМИ (хотя, разумеется, ее могут интересовать и различные стороны хода самих конференций, собраний и прочих мероприятий).

*Из публикации «Раскрутим колечко!»
(Метро. 15 сентября. 1999)*

На заседании правительства Москвы 14 сентября 1999 года были рассмотрены вопросы:

1. О проекте детальной планировки внутригородской кольцевой магистрали (3-го кольца) от Московского международного делового центра «Москва-Сити» до Волгоградского проспекта (западный, северный и восточный участки).

2. О создании общегородской системы сбора и переработки автотранспортных средств, подлежащих утилизации. Итак, правительство Москвы одобрило в целом проект деятельности планировки участков второй и третьей очереди, предусматривающий:

- строительство вдоль Малого кольца МЖД 39 км магистральной улицы общегородского значения 1-го класса с 4-5-полосной проезжей частью в каждом направлении и с организацией пересечений на разных уровнях со всеми магистралями, железнодорожными путями и пешеходными переходами;

- организацию внутригородских пассажирских перевозок электрифицированным транспортом по существующим путям Малого кольца МЖД с сооружением на этих участках 20 остановочных пунктов, в том числе пересадочных узлов;

- размещение вдоль трассы гаражей, АЭС, пунктов техобслуживания с мойками для автомобилей, комплексов для подразделений ГИБДД.

Ну а потом, когда все это будет сделано, движение по Садовому кольцу, по словам столичного мэра, «раскрутят в одну сторону». Это - бессветофорный режим, разгрузка центральной части города...

...По второму вопросу было отмечено, что организация и финансирование названных работ ведутся пока не на должной высоте.

Количество автотранспортных средств, состоящих на учете в ГИБДД ГУВД г. Москвы, приближается к 3 млн. единиц. Более трети из них старше 8 лет. Ежегодно в столице выбывает из эксплуатации и нуждается в утилизации почти 130 000 автотранспортных средств. В связи с этим необходима модернизация действующих и создание новых перерабатывающих мощностей.

Основа этого материала — перечисление и краткое изложение сути тех вопросов, которые рассматривались на заседании правительства Москвы. Это дает представление о том, какие меры предпринимаются, планируются правительством города по строительству одной из важнейших городских автомагистралей. Автор не ставит своей задачей, скажем, красочно описать зал заседаний или ход дебатов, которые могли иметь место при обсуждении вопросов, рассказать о поведении депутатов (что могло быть важным при подготовке репортажа). У него иная цель — точно, хотя и не вдаваясь в подробности, не комментируя увиденное и услышанное, изложить основные итоги заседания, что вполне соответствует задачам и возможностям информационного отчета.

Автор любого отчета, упоминающий людей, принимающих участие в описываемых в текстах мероприятиях, обязательно должен проверить и точно назвать их имена, фамилии, должности. Если в публикации излагаются формулировки принятых решений или задач, то они должны быть точными и, по возможности, данными не в пересказе автора публикации, а в дословном изложении. Такая точность страхует автора от возможных неприятностей, связанных с искажением информации.

[в начало](#)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Выделение жанра «интервью» произошло в результате того, что ряд публикаций, в ходе создания которых (при сборе материала) был применен метод интервью, фиксирует собой реальный процесс интервьюирования или же специально строится в вопросно-ответной форме (форме интервью). В том случае, когда автор такой публикации ставит своей задачей лишь сообщение аудитории сведений, полученных от интервьюируемого лица, никак не пытаясь их комментировать, можно говорить, что он создает информационный материал. Однако в полной мере интервью получится информационным, если и в ответах его собеседника акцент будет сделан на вопросах: что? где? когда? Если же интервьюер или его собеседник начнут «разворачивать» ответы на вопросы: почему? каким образом? что это значит? и пр., то в результате может появиться аналитический материал.

*Из публикации «Знакомьтесь: Павел Бородин»
(Мир за неделю. № 1. 2000)*

Знакомьтесь: Павел Бородин.

— Ваше любимое блюдо?

— Рыба.

— Ваш любимый алкогольный напиток?

— Водка.

— Наличие дачи?

— Нет.

— Наличие автомобиля?

— «Газ 2410».

— Хобби?

— Работа.

— Любимая телепрограмма?

— «Футбольное обозрение». А также обязательно смотрю «Время» и «Вести».

В данном тексте интервьюер не вышел за пределы одного вида вопроса: что? (т.е. он, а вместе с ним и аудитория, узнали, что в наличии у Павла Бородина (машина), что он любит есть и пить (рыбу и водку), что является его хобби (работа), что он любит смотреть по телевизору (футбол и информационные программы)).

Конечно, в прессе чаще встречаются не столь лаконичные, а более развернутые информационные интервью, содержащие гораздо больше разных по типу вопросов, дающих более подробные ответы. Но в любом случае, независимо от объема и количества вопросов и ответов, информационное интервью ставит перед собой цель лишь проинформировать читателя о предмете авторского интереса, но отнюдь не проанализировать этот предмет.

[в начало](#)

БЛИЦ-ОПРОС

Напомним, что опрос — это схожий с интервью метод получения информации, обладающий рядом самостоятельных характеристик. В отличие от интервью, цель которого — получение ответов на несколько (порой — множество) различающихся по своему характеру вопросов от одного человека, в ходе опроса журналист пытается получить ответы на один и тот же вопрос (или на несколько одних и тех же вопросов) от множества людей. Если автор опрашивает только одного человека, то такой опрос превращается в интервью. Те публикации, которые представляют собой фиксацию хода опроса, могут быть отнесены к самостоятельному жанру опроса. Схема образования данной жанровой группы та же, что и при образовании жанровой группы интервью. Встречающиеся на страницах современной прессы публикации, построенные на изложении хода опроса, цель которых — краткое извещение аудитории о существовании каких-либо мнений, суждений, предпочтений, часто появляются под рубрикой «Блиц-опрос». Такая рубрика вводится для отделения подобных публикаций от развернутых опросов, нацеленных на более глубокое исследование предмета и относящихся по своим характеристикам к аналитическим жанрам.

*Из публикации «Блиц-опрос студентов ИМПЭ»
(Вестник ИМПЭ. № 1. 2000)*

Что бы Вы хотели взять с собой в XXI век?

- Все самое лучшее, что было в XX веке.

- Трезвость (ума) и молодость (души).

- Друзей. Слишком они у меня замечательные. Других таких в XXI веке не найти.

- Жизнерадостность. Людей, которым можно доверять.

- Удачу — пригодится. Пару любимых книг.

- Себя, друзей и все хорошее вокруг.

- Компьютер, так как я думаю, что в XXI веке будут работать в основном компьютеры.

- Своих друзей. Без них скучно.

- Счастье.

- Зачетку и студенческий. Хочу учиться.
- Знания. Потому что знания - это наше будущее.
- Я хотел бы взять с собой только лучшую свою половину. Потому что всем от этого станет только лучше.

«Веер» ответов, полученных в ходе данного опроса от 12 студентов, дает довольно четкое представление о том, что именно готовы были бы «взять с собой в XXI век» студенты данной учебной группы. То есть данная публикация обладает чисто информативным характером.

[в начало](#)

ВОПРОС — ОТВЕТ

Публикация данного типа возникает в результате соединения вопроса читателя и ответа на него либо самого журналиста, либо какого-то компетентного лица. Можно ли считать материал, в котором под одной «крышой» (заголовком) объединены два разных текста, и, как правило, двух разных авторов? Ответы на этот вопрос, наверное, последуют разные. Ведь многие работники СМИ хорошо знают, что подобного рода публикации существуют на страницах прессы с незапамятных времен. Существуют они в журналистском обиходе под определением «Ответы на вопросы». Однако речь о выделении таких публикаций в один из информационных жанров не заходила. Они, при необходимости, заносились в разряд заметок. Но если последовательно идти таким путем, то в разряд заметок можно включить любые журналистские публикации. В то же время если у «ответов на вопросы» существуют некие специфические черты, то их вполне можно отнести к самостоятельному жанру. А такие черты существуют. Главная из них — неразрывное единство вопроса и ответа.

*Из публикации «"Дело" Олега Сысуева»
(АиФ. №49. 1997)*

В одном из номеров вы писали, что депутаты Госдумы обратились в Генпрокуратуру РФ с обвинением вице-премьера Олега Сысуева в «попытке уголовным элементам» и грубых финансовых нарушениях во время его мэрии в Самаре. Расскажите, ведется ли следствие по этому делу?

A. Петровский, г. Тула

В пресс-службе Генпрокуратуры РФ нам сообщили, что дело бывшего мэра Самары закрыто после расследования, проведенного прокуратурой Самарской области. «Факты не подтвердились», — ответил нам по телефону главный прокурор Самарской области Александр Ефремов.

Если нет вопроса, то не следует и ответ на него. Иначе говоря, тип публикаций «вопрос—ответ» — это своего рода «сиамские близнецы» в ряду информационных жанров современной периодической печати. Друг без друга они на газетной полосе обычно становятся ущербным явлением. Вместе же ответ и вопрос образуют некое информационное единство, объединяющее достоинства вопроса и ответа на него. Причем такой ответ, возможно, мог бы быть опубликован и в виде самостоятельной заметки, но интерес читателя к ней в этом случае мог бы быть только ниже.

Настоящий бум публикаций вопросно-ответной формы продемонстрировал в наше время еженедельник «Аргументы и факты». Можно даже сказать, что в известной мере своей славой, популярностью у читателей эта газета обязана именно активному использованию материалов данного типа. У этой активности есть вполне четкое объяснение — редакция угадала, что именно эти тексты в наибольшей мере соответствовали информационным ожиданиям ее аудитории. Будучи краткими по форме, они в то же время были более выигрышными, нежели информационные материалы других жанров. Выигрышность эта заключается в их «сфокусированности» на тех проблемах, которые больше всего занимают внимание наиболее активной части аудитории, не жалеющей сил на то, чтобы обратиться в редакцию за получением необходимой актуальной для них (а также и для многих им подобных читателей) информации.

Как известно, первая часть «вопросно-ответного» текста, т.е. вопрос, задает границы предмета, о котором должна идти речь в ответе. Поэтому ответ всегда отличается своей «принужденностью», заданностью. Иначе говоря, отвечающий должен строить свой ответ адекватно вопросу. При всей кажущейся простоте дать ответ, соответствующий сути вопроса, журналисту удается не всегда. Так происходит в силу того, что в его распоряжении отнюдь не всегда имеется необходимая информация. Поэтому во многих случаях «ответная часть» публикаций данного типа не всегда, так сказать, стыкуется с «вопросной». Чтобы избежать содержательной и логической разобщенности двух частей публикации, журналисты иногда корректируют вопрос, изменяя его таким образом, чтобы имеющаяся у них информация представляла полный на него ответ.

К вопросно-ответной форме текста журналисты обращаются не только тогда, когда их принуждают к этому вопросы читателей, поступившие в редакцию. Порой возникает такая ситуация, что журналист имеет информацию, которую необходимо опубликовать. Но если бы, скажем, газета ни с того ни с сего вдруг взяла бы и опубликовала тот же (представленный выше) ответ по поводу расследования дела Сысуева в виде самостоятельной заметки, то ее (газету) могли бы заподозрить в предвзятости. Ведь в журналистике есть закон: для любой публикации, а тем более оперативно-информационного плана, необходим «информационный повод». В подобном случае существует возможность создать такой повод с помощью специально «организованного» письма читателя (т.е. с помощью просьбы к какому-либо человеку, например, нештатному корреспонденту, прислать в редакцию соответствующее письмо). Часто проблема решается другим «ньюсмейкерским» способом: журналист самостоятельно придумывает вопрос и выдает его за поступивший в редакцию со стороны, а потом сам же на него и отвечает. Конечно, данный путь является достаточно предосудительным, но тем не менее он используется современными журналистами.

[в начало](#)

РЕПОРТАЖ

Понятие «репортаж» возникло в первой половине XIX в. и происходит от латинского слова «*reportare*», означающем «передавать», «сообщать»^{15[5]}. Первоначально жанр репортажа представляли публикации, извещавшие читателя о ходе судебных заседаний, парламентских дебатов, различных собраний и т.п. Позднее такого рода «репортажи» стали называть «котчетами». А «репортажами» начали именовать публикации несколько иного плана, а именно те, которые по своему содержанию, форме похожи на современные российские очерки. Так, выдающиеся западные репортеры Джон Рид, Эгон Эрвин Киш, Эрнест Хэмингуэй, Юлиус Фучик и др. были, в нашем понимании, скорее очеркистами, нежели репортерами. И сейчас, когда европейский журналист говорит что-то о репортаже, он имеет в виду то, что мы называем очерком. Как раз западные очерки, с точки зрения их «имени», и являются генетическими предшественниками и ближайшими «родственниками» нынешнего российского репортажа. Это, разумеется, необходимо учитывать в случае использования в отечественной теории репортажа теоретических размышлений западных исследователей.

Репортаж является одним из наиболее излюбленных жанров отечественных журналистов. История российской журналистики помнит десятки имен выдающихся репортеров и прежде всего имя В.А. Гиляровского («дядюшки Гиляя», «короля репортеров»), прославившегося в конце XIX — начале XX в. своими талантливыми рассказами о мрачных трущобах московского Хитрова рынка, о страшном событии на Ходынском поле, о жизни рабочего люда на промышленных предприятиях Москвы и т.д. Многие репортеры стали известными писателями, но слава их выросла прежде всего на репортаже. И это в немалой степени объясняется возможностями, которыми обладает данный тип материала.

Свообразие публикаций, относящихся к жанру репортажа, возникает прежде всего в результате «развернутого» применения метода наблюдения и фиксации в тексте его хода и результатов.

*Из публикации «Золотые руки»
(Московская правда. № 2. 1999)*

Репортаж из зубоврачебного кабинета, лучшего из всех, которые доводилось посещать автору.

В толчее у станции метро «Университет» не сразу заметишь желтую вывеску подле арки дома № 23 по Ломоносовскому проспекту. Но, как говорят, ищущий да обрящет. А еще - у кого что болит, тот о том и говорит. У меня нещадно болел зуб. Вывеска же гласила: «Стоматолог». И я последовал за указующей стрелкой во двор и оказался в частном стоматологическом кабинете доктора Старцева.

В небольшом холле мило щебетали две пациентки, будто и не ведали, какие адские муки их ожидают. Сквозные открытые проемы вели в кабинет, где в известном кресле, заимствованном из «галереи маркиза де Сада», удобно расположилась девушка. Но станов смысльно не было. Врач, орудуя блестящими инструментами, которые ловко вкладывала в его руки ассистентка, что-то говорил сквозь хирургическую маску, пациентка непринужденно ему отвечала, голоса тонули в мягких, обволакивающих звуках морского прибоя, доносящихся из стереодинамиков.

«Здесь зубов, даже самых безнадежных, не дерут, - сказал я себе. - Здесь их лечат, причем без боли». И я не ошибся... Короче говоря, мой зуб, теперь как новый, крепко сидит в десне, и я спокойно грызу им орехи.

А вот о том, что я видел и ощущал в чудо-кабинете, стоит рассказать подробнее. Во-первых, анестезия. Сначала доктор смазал мне воспаленную десну ароматическим гелем. «Это предварительное обезболивание», - пояснил; затем взял со стола нечто вроде авторучки, вставил в нее розовую капсулу и нитевидную иглу, которую при мне извлек из герметичного пакетика, и быстро что-то сделал во рту. «А это шприц высокого давления. Я сделал укол прямо в десневой карман, заморожен только больной зуб. Анестезия абсолютно безвредная, но во много раз мощнее ликодиона», - продолжал просвещать меня доктор. Потом мелькали разные инструменты, по-комариному пищала бормашина («Американская. Алмазный самоочищающийся бур вращается струей воздуха»). Боли не было. Впрочем, о зубах я уже забыл, убаюканный шумом прибоя. А доктор продолжал говорить: «Теперь, когда все чисто, поставим титановые анкеры, будем наращивать зуб». В мой рот засновала лопаточка с пастой («Светоотверждаемый композитный материал»), за ней следовал крошечный ультрафиолетовый фонарик («Композит твердеет за 20 секунд, поэтому я кладу его слоями»). Прикус на копирку. Ручная полировка нового зуба... Финал известен.

На все про все ушло 40 минут и весьма скромная по нынешним деньгам плата.

Впрочем, мой случай для доктора довольно банальный. Позже узнал, что пару лет назад пользовал он женщину, потерявшую в автокатастрофе две трети зубов. Ей грозили протезы бабушкиных времен. Покинула же кабинет с улыбкой голливудской кинозвезды.

И еще узнал я, что золотые руки перешли к доктору по наследству - родители его тоже стоматологи. Сам он окончил стоматологический институт, 10 лет практиковался протезистом в хорасчетной поликлинике, а там требования жесткие. Словом, прошел все «зубные» университеты. И добрая молва о его таланте - вполне заслуженная. Лечит зубы совершенно безболезненно. Даже обреченные. Изготавляет красивейшие металлокерамические протезы из самых современных материалов, микропротезирование без обточки, для чего применяет кевларовую нить, из которой делаются бронежилеты... И еще очень важное. У доктора инвентарь импортный, одноразовый - от шприцев до машиншек и стаканов.

Инструмент стерилизуется дважды - холодной обработкой и в сухожаровом шкафу, или в кавоклаве. Полная защита от инфицирования СПИДом, туберкулезом, гепатитом, герпесом... Поверьте, я нахваливаю заведение Старцева не из корыстных интересов; да и в рекламе он не нуждается. Просто считаю своим долгом сообщить, что есть такой стоматолог, чей талант доступен (по деньгам тоже) людям любого возраста и достатка. Поэтому и даю его телефон: 930-72-14. Стоматолог ждет клиентов каждый день с 10 до 18 час., а если надо — задержится. Он работает для нас.

Как видим, основное событие — посещение зубоврачебного кабинета показано в тексте крупным планом. Этот план возникает за счет изложения некоторых подробностей технологии зубопротезирования, описания деталей той обстановки, в которой оно происходит, сообщения автора об ощущениях, возникавших у него во время лечения и за-

мены зуба, и т.д.

Задача любого репортера заключается прежде всего в том, чтобы дать **аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), т.е. создать «эффект присутствия»**^{16[6]}. А это становится в наибольшей мере возможным только в том случае, если журналист будет рассказывать о предметных ситуациях, событиях (и лучше всего — быстро развивающихся). (В этом отношении в приведенном выше примере автор описывает все, что увидел в зубоврачебном кабинете, — и девушку в кресле, и блестящие инструменты, и алмазный бур, и кевларовую нить, и белоснежные халаты и т.д. Все это позволяет читателю как бы самому побывать в этом кабинете.)

Для репортера важно не только наглядно описать какое-то событие, но и описать его так, чтобы **вызвать сопереживание читателя** того, о чем идет речь в тексте. Это возможно осуществить разными путями. Наиболее часто данная цель достигается двумя способами. Первый — **изложение динамики события**. В том случае, если отображаемое событие быстро развивается, автору остается только показать это развитие. Однако бывают события, ситуации, развитие которых протекает вяло, неопределенно, является довольно статичным. В этом случае автора может выручить «вывод на поверхность» события его внутренней динамики или изложение динамики **авторских переживаний**, вызванных его знакомством с событием. (В нашем примере репортажа из зубоврачебного кабинета его можно было бы при необходимости усилить за счет более яркого и подробного описания переживаний автора, связанных с лечением зуба.)

Репортаж роднит с некоторыми другими жанрами (особенно художественно-публицистическими) использование метода наглядного изображения действительности. Однако в репортаже наглядность несет чисто информативную функцию, функцию сообщения о вполне конкретном событии, произшествии и пр. А скажем, в очерке наглядное отображение преследует прежде всего цель обобщения, типизации. Наглядные детали в аналитических жанрах применяются для «украшения», «оживления» серьезных, а потому трудных для восприятия определенной части аудитории размышлений автора.

[в начало](#)

НЕКРОЛОГ

Многие газеты публикуют такие информационные материалы, которые выглядят достаточно специфическими, хотя на страницах газет и журналов они присутствуют довольно часто и, пожалуй, с первых дней зарождения периодической печати. Это — некрологи. Жанровое своеобразие некролога определяется, что вполне очевидно, предметом отображения, каковым является факт смерти какого-то человека. Смысл публикаций этого рода в отличие, скажем, от криминальных сообщений, как известно, заключается прежде всего в том, что они просто извещают аудиторию о смерти людей (прежде всего — известных данной аудитории). Кроме того, некрологи, как правило, содержат краткую биографию умершего, сообщают о том, где и как он работал, о его достижениях, наградах. Иногда в некрологе говорится о причине смерти, месте похорон. Завершается некролог обычно прощальными словами, выражением скорби по умершему.

*Из публикации «Памяти друга»
(Метро. 11 января. 2000)*

Жил рядом с нами человек. Исправно ходил на работу. Писал в газету статьи и репортажи. По выходным играл в баскетбол. По вечерам, если случались редакционные пи-рушки, был душой кампании. Человеку было почти шестьдесят, но по неписаной газетной традиции все его звали просто Славой. А начальство знало, что Слава не подведет. И вот его нет. Умер.

Мы потеряли друга, замечательного журналиста Вячеслава Ивановича Трушкова. В газете он вел спортивный раздел и делал это профессионально и добросовестно. В его работе сказывалась та старая школа, которая сегодня почти уже не встречается, — она основывалась на огромной ответственности перед читателем, на абсолютной точности и верности добру. Славу нельзя было заставить рыться в чьем-то грязном белье или вытаскивать на свет божий непроверенные факты. Он ценил и свою безупречную reputа-

цию, и авторитет газеты. Не случайно он занимал высокий пост в Федерации спортивной прессы.

Без малого сорок лет он отдал спортивной журналистике. Работал в уфимской молодежной газете, в ЦК ВЛКСМ, спортивной редакции ТАСС, журнале «Обозреватель», вел свои репортажи со многих Олимпийских игр, чемпионатов мира и Европы, публиковался в самых авторитетных изданиях страны. Последние годы Слава был с нами, в «Метро». Еще летом он делился грандиозными планами по организации массовых футбольных соревнований на призы газеты. А в августе слег. Он долго и упрямо боролся с недугом. Говорил нам: «Вы на меня не обижайтесь, потерпите еще немного, я вот-вот поправлюсь». Мы верили и ждали. Увы...

Больше его подпись не появится под статьями и заметками. Но в нашей памяти он останется навсегда. И скорбя мы вспоминаем слова Беллы Ахмадулиной:

Давайте будем же к своим
друзьям причастны,
Давайте верить, что они
прекрасны,
Терять их страшно, -
Бог не приведи...

Глава 3. ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ (часть I)

- ★ [Аналитический отчет](#)
- ★ [Аналитическая корреспонденция](#)
- ★ [Аналитическое интервью](#)
- ★ [Аналитический опрос](#)
- ★ [Беседа](#)
- ★ [Комментарий](#)
- ★ [Социологическое резюме](#)
- ★ [Анкета](#)
- ★ [Мониторинг](#)
- ★ [Рейтинг](#)

Одной из наиболее примечательных черт отечественных СМИ традиционно является нацеленность их не столько на сообщение новостей, сколько на анализ, исследование, истолкование происходящих событий, процессов, ситуаций. В силу этого СМИ выработали достаточно эффективную систему аналитических жанров. Система эта не является чем-то раз и навсегда данным — она постоянно развивается, адаптируясь к тем задачам, которые встают перед аналитической журналистикой. Особенно заметные изменения произошли в ней в последние годы: некоторые известные жанры «модифицировались», а кроме того, появились новые устойчивые типы аналитических публикаций. В предлагаемой главе как раз рассматривается «срез» аналитических жанров, присущих современной периодической печати.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Как уже говорилось выше, отчет как тип публикаций является одним из наиболее древних жанров журналистики. Прежде всего это касается именно той его разновидности, которая называется информационным отчетом. Существовавший долгое время в форме устных сообщений, докладов императорам, царям или населению о каких-то форумах, заседаниях парламентов, собраниях и других явлениях, с появлением газет такого рода отчет перекочевал на их страницы (он, например, представлен в первой российской газете — петровских «Ведомостях»). Первоначально публикации, называемые ныне отчетами, носили имя «репортаж» (т.е. сообщение), но со временем репортажами стали именовать публикации, похожие на современные очерки и репортажи.

Жанр отчета активно используется в сегодняшней журналистике. Это утверждение существенно и для той его разновидности, которая называется аналитическим отчетом. Что объединяет и что различает его со «старшим собратом» — информационным отчетом?

Предметом журналистского аналитического отчета, как и отчета информационного, выражаясь языком современной науки, является результат вербальной деятельности специально собравшейся группы людей, а проще говоря — выступления, доклады, речи участников всевозможных собраний, заседаний, съездов, слетов, конференций и т.п. Этот же предмет, разумеется, может быть отображен журналистом и в жанре заметки, репортажа, корреспонденции присущими этим жанрам способами, языком и пр. Но данное обстоятельство отнюдь не мешает вести речь об аналитическом отчете как о самостоятельном жанре журналистики.

Так, если публикации информационных жанров главным образом констатируют ход собрания, конференции и т. п., сообщают, кто выступил, что сказал (или даже показывают, как сказал и как это было воспринято аудиторией), т.е. отображают внешнюю сторону предмета, то аналитический отчет «берет» в предмете другое, а именно отображает внутреннюю связь выступлений, докладов, речей. Свой угол отображения предмета в публикациях разных жанров задает цель выступлений. Как известно, цель информационного отчета — известить аудиторию о ходе собрания, конференции и т.д.

Цель аналитического отчета иная. И заключается она в том, чтобы показать взаимосвязь тех или иных суждений, оценок, выводов, предложений, содержащихся в речах выступавших, с реальными проблемами, ситуациями, процессами, существующими в данный момент в жизни города, района, страны. И, уже исходя из такого соотнесения, вынести оценку выступлениям участников того или иного форума, определить их значимость для города, района, страны.

Иными словами, выступления участников предстают как бы «мостиком» для переключения внимания аудитории данного СМИ с конкретного съезда, собрания, конференции на то, что происходит в жизни самой аудитории. Такой переход помогает уже самим читателям, слушателям, зрителям судить об описываемом съезде или собрании, об отдельных его участниках с позиции тех реальных проблем, ситуаций, процессов, в которые включены сами эти читатели, слушатели, зрители. При этом автор аналитического отчета в отличие от автора информационного отчета может не ставить перед собой цель сообщить обо всех выступлениях или выступивших, но может сконцентрировать внимание на некоторых из них, наиболее интересных с точки зрения взаимосвязи речей с реальными делами, которую он анализирует.

Отбор может производиться, например, на основе тематического единства ряда выступлений. И в этом случае автор получает возможность рассмотреть какую-то одну сторону актуальной действительности с позиций разных докладчиков. Он может сосредоточить внимание на каком-то одном, наиболее значительном выступлении и с его позиций осветить разные проблемы реальной жизни. В любом случае анализ выходит за рамки прозвучавших выступлений самих по себе.

Однако это не может восприниматься автором аналитического отчета как повод для искажения содержания и формы выступлений участников. Он может трактовать, интерпретировать, объяснить эти выступления, но это должно быть сделано так, чтобы аудитория смогла легко отличить мысли самого автора от мыслей, прозвучавших в выступлениях участников форума, и представить себе объективную картину происшедшего.

В зависимости от сложившейся реальной ситуации, реальной проблемы, реального процесса, с которым соотносятся выступления участников форума, журналист может сосредоточить свое внимание в аналитическом отчете либо на объяснении причин данной ситуации, проблемы, процесса, либо на оценке их актуального состояния, либо на прогнозе их развития, либо на плане, программе действий в связи с ними. В соответствии с этим он будет обращать внимание либо на объяснения, либо на предложения, содержащиеся в выступлениях и относящиеся к обсуждаемым проблемам, ситуациям, процессам, происходящим в реальности. Это в значительной степени и определит вид аналитического отчета — будет ли это отчет-объяснение, отчет-оценка или отчет-программа.

*Из публикации «Полицейский "спрут" против мафиозного»
(Новые Известия. 18 декабря. 1999)*

В Хельсинки прошла конференция ЕС и России по борьбе с организованной преступностью. Объединенную Европу представляли координатор Европола (европейского ФБР, как иногда называют эту организацию) Юрген Шторбек и министр внутренних дел Финляндии Кари Хякямяес, большую российскую делегацию возглавлял министр

внутренних дел Владимир Рушайло.

В течение двух дней более двухсот европейских и российских экспертов - следователи, работники прокуратуры, налоговые полицейские и таможенники обсуждали возможности совместной борьбы с организованной преступностью, которая, как подчеркивали участники конференции, Далеко обогнала власти своих стран в процессе интеграции.

Чеченская тема стала настолько традиционной для всех международных встреч, где собираются представители Запада и России, что министр внутренних дел Финляндии даже распространил специальное заявление «О невключении Чечни в повестку дня конференции». И тем не менее Чечня снова всплыла — на этот раз с подачи российской стороны.

Владимир Рушайло выступил с декларацией о политике России по отношению к Чечне, а во время переговоров предложил включить в число главных направлений преступной деятельности, выделенных европейцами, — коррупции, отмывания денег, наркоторговли и переправки нелегальных эмигрантов, — еще одно: торговлю людьми. Инициатива Владимира Рушайло стала логическим продолжением состоявшегося в среду 45-минутного телефонного разговора между премьер-министром Финляндии Пааво Липпоненом и Владимиром Путиным. Российский премьер напомнил своему финскому коллеге, позвонившему, чтобы высказать в очередной раз возмущение ЕС ситуацией в Чечне, что в этой республике страдают не только беженцы, но и более 200 заложников, россиян и иностранцев, похищенных с целью получения выкупа. Но европейцы посчитали, что заложники — специфический кавказский бизнес, а Чечня находится слишком далеко от Европы, чтобы стоило включать борьбу с этим видом преступности в программу совместных действий. Реальной причиной, заставившей Европол отказаться от внесения торговли людьми в число важных направлений преступной деятельности, в кулуарах конференции называли нежелание западных политиков «размывать» общественное внимание в своих странах, рисуя слишком сложную картину происходящего на Кавказе. Многолетняя практика похищений людей в Чечне, так же как и нападение боевиков на Дагестан, давшее старт войне, старательно отводится на второй план, чтобы не ослаблять воздействие главной мысли западной информационной кампании — о «плохой» Москве и страдающем чеченском народе.

Совещания экспертов проходили за закрытыми дверями, а заключительный документ конференции пестрит общими фразами типа «усилить» и «активизировать», но некоторая конкретика все же проглядывает за тщательно приглаженными формулировками.

Конференция показала, что европейским полицейским и их российским коллегам надоело ждать, пока политики и чиновники подтянутся с соответствующими законами и инструкциями, которые позволяют эффективно ловить международных преступников. В тексте рекомендации, составленной по итогам конференции, читаем такую любопытную фразу: «Даже в условиях отсутствия международных инструментов необходимо использовать практические возможности международного сотрудничества. Многие проблемы можно преодолеть, задействовав формальные и, если надо, неформальные механизмы кооперации».

Основа будущей кооперации — тайный обмен информацией, к которому призвал шеф Европола Юрген Шторбек, заявив в своем обращении к участникам конференции: буквально следующее: «Особую ценность Европола представляет собой безопасность — мы можем и должны гарантировать конфиденциальность чувствительной развединформации, что создаст между нами доверие, которое преодолеет барьеры государственного суверенитета».

Министр внутренних дел Финляндии в свою очередь также постарался напомнить аудитории, что профессиональная солидарность «копов» важнее их национальной принадлежности: «здесь собрались не политики, а люди дела». Тем, кто уже осудил про себя явное стремление международной полицейской братии наплевать на законодательную базу и перейти к полумafiозным методам работы, расскажу эпизод из своего разговора с одним из руководителей эстонской полиции, состоявшегося несколько лет назад.

О сотрудничестве на официальном уровне между Эстонией и Россией тогда не стоило и говорить. Кто кому сильнее навредит, тот и считался большим патриотом. И вот этот

эстонский правоохранитель, плотно закрыв дверь кабинета и запретив мне упоминать в публикации его имя, сообщает, что лично ему сотрудничать с Россией в деле борьбы с преступностью удается все же неплохо.

«Что, приняли закон о правовой помощи?» — спрашиваю.

«Нет, не приняли, — тщательно выговаривая слова, отвечает мне этот невозмутимый, шкафообразный прибалт. — Просто я еще не забыл русский язык и нашел старую записную книжку с телефонами ребят, с которыми когда-то учился в школе милиции».

Поскольку не всем в Европе так крупно повезло, как моему эстонскому собеседнику в его милицейской юности, неформальные контакты решено налаживать через российских и европейских офицеров связи в странах ЕС и в России. Они будут встречаться часто и регулярно — на страх всем мафиям. Европол уже сейчас имеет доступ в компьютерные полицейские регистры сорока стран. В течение двух лет Европа предлагает создать собственный компьютерный банк данных, куда будет заноситься все, что касается преступного мира: группировки, лидеры, сферы деятельности, последние оперативные данные и пр. Как сказано в заключительном документе конференции, решено обсудить возможность подключения российских милиционеров к этой бесценной копилке.

Отмывание денег, нелегальная эмиграция, угоны автомашин и наркотики — это меч, направленный из России в Европу, и все просьбы в этих сферах были обращены главным образом к российской делегации. В частности, Москва согласилась ускорить принятие закона, направленного против отмывания денег. Кроме того, участники конференции договорились о совместном давлении на офшоры, ставшие главными финансовыми «прачечными» мира.

Будут предприняты меры по преодолению еще одной общей беды ЕС и России: невозможности вернуть владельцам — частным лицам и странам — реквизированные у преступников ценности. Европейцы не могут получить из России угнанные автомобили уже после того, как факт преступления доказан и авто изъято, а наша страна тщетно старается вернуть средства, похищенные из России. «Новые Известия» уже приводили в одной из публикаций пример подобной бюрократической глупости: из бюджета России было похищено несколько миллионов долларов, предназначавшихся для закупки медицинского оборудования. Совместная шведско-российская полицейская операция привела к поимке преступников, но изъятые у них остатки средств — около миллиона долларов — ушли в шведский бюджет. «Нет законодательной базы для возвращения», — смущенно сообщил мне сотрудник шведской прокуратуры, руководивший расследованием.

Российская сторона обратилась к европейцам за помощью в борьбе с двойными фактами. Через Финляндию поступает основная часть европейского импорта в Россию, и обычной практикой стал ввоз грузов по фальшивым накладным. Финские и прочие западные фирмы выписывают два пакета документов. Первый, где указаны точные количество и цена товара, предназначен для финской стороны. Второй, где цифры значительно занижены, предъявляется на российской границе. Бюджетные потери от невыплаченных таможенных сборов составляют миллиарды долларов, но финские власти до сих пор не проявляли рвения в борьбе с этим явлением. Финские газеты объясняют это тем, что в данном случае возникает конфликт между законом и национальными интересами. Двойные фактуры помогают поддерживать импорт из Финляндии на высоком уровне, а потерянные деньги — российские проблемы.

На конференции было решено, что общие интересы все же важнее узконациональных (не пойди финны нам навстречу с фактами, мы Европу беженцами завалим и угнанные машины по-прежнему возвращать не будем). Совместная операция «Двойная фактура» Европола и российских правоохранительных органов будет проведена в самое ближайшее время и станет «пилотным» проектом в полицейском сотрудничестве ЕС и России. Первые результаты общих усилий Европы и России по борьбе с организованной преступностью будут проанализированы в мае 2000 года.

Если взглянуть на данную публикацию с точки зрения перечисленных выше особенностей аналитического отчета, то мы можем заметить, что ряд их как раз и присутствует в данном тексте. В частности, автора отчета интересует главным образом не

то, где происходит конференция, кто в ней участвует, какие вопросы на ней обсуждаются (хотя, разумеется, обо всем этом он пишет), а то, как именно обсуждаются различные вопросы, как темы обсуждения связаны друг с другом, что управляет теми решениями, которые выносят участники конференции, почему они поступают именно так, а не иначе. Пытаясь ответить на эти вопросы, автор отчета как раз и осуществляет анализ содержания данной конференции. При этом он обнаруживает и свою собственную позицию, что становится заметным прежде всего по суждениям, подобным, например, такому: «Совещания экспертов проходили за закрытыми дверями, а заключительный документ конференции пестрит общими фразами типа «усилить» и «активизировать», но некоторая конкретика все же проглядывает за тщательно приглаженными формулировками».

Хотя оценка, в частности, совещанию экспертов автором вынесена предельно сдержанно, тем не менее становится ясно, что, по мнению автора, эксперты, несмотря на желание сгладить остроту сложившейся ситуации, все же под давлением реальных обстоятельств вынуждены принимать конкретные решения.

«Присутствие» автора в тексте отчета становится еще более явным, когда, рассуждая о значимости международной солидарности блюстителей закона в борьбе с преступностью, он привлекает имеющийся у него «прошлый опыт», обращаясь к ассоциативному методу осмысливания деятельности конференции: «Тем, кто уже осудил про себя явное стремление международной полицейской братии наплевать на законодательную базу и перейти к полумafiaозным методам работы, расскажу эпизод из своего разговора с одним из руководителей эстонской полиции, состоявшегося несколько лет назад». (И далее последующие три абзаца.— А. Т.)

Данный факт, так сказать, извлеченный журналистом из своих «записных блокнотов», служит ему в качестве аргумента в пользу утверждения о том, что настоящие полицейские всегда могут найти общий язык в борьбе с преступностью, независимо от имеющейся международной юридической базы. В тексте отчета можно найти и другие примеры подобного рода.

Включение в текст развернутых рассуждений автора, как в данном случае, так и во многих других подобных публикациях (наряду с развернутыми рассуждениями иных, «фигурирующих» в отчетах лиц), как раз и делает их аналитическими.

[в начало](#)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Журналисты российской прессы понятие «корреспонденция» употребляли уже в XVIII в. Однако надо иметь в виду, что достаточно долго корреспонденциями называли любые публикации на страницах газет, журналов (заметки, письма читателей, отчеты и т.д.). Лишь в конце XIX в. это понятие стало связываться с определенным жанром. Сущность этого жанра становится понятной в результате выявления особенностей публикаций, «подводимых» под него^{17[1]}. Предметом аналитической корреспонденции могут быть какие-либо события, явления, феномены. В этом отношении она близка таким, например, жанрам, как репортаж, отчет, информационная корреспонденция.

Однако аналитическая корреспонденция отличается от названных жанров степенью «присутствия» в тексте других жанрообразующих факторов. Например, цель репортажа — дать наглядное, «живое» отображение «предметного» события (поэтому репортер использует главным образом при сборе материала метод личного наблюдения; нет наблюдения — нет репортажа). Цель отчета — точно отразить «информационное событие» (выступления, доклады, отчеты), изложив все происходившее в точной последовательности (или даже проанализировав происходящее), используя при этом фрагменты выступлений или сообщений. Цель информационной корреспонденции — сообщить нечто о «предметном» событии, используя при этом (в отличие от репортажа) не столько «живое» наблюдение, сколько «свернутый» пересказ происходившего.

Цели аналитической корреспонденции иные. Она также содержит в себе сообщение о событии, явлении. Это сообщение может включать в себя как «живое» наблюдение, фрагменты каких-то выступлений, так и «свернутый» пересказ происходившего. Однако само сообщение не является самоцелью. Оно лишь дает представление о событии, предваряющее его истолкование. Именно это истолкование отличает в первую очередь аналитическую корреспонденцию от репортажа, отчета, информационной корреспонденции.

Истолкование представляет собой выяснение причин события, явления, определение его значимости, ценности, прогнозирование его развития и т.д. В силу этого автор аналитической корреспонденции неизбежно использует теоретические методы познания — анализ, синтез, индукцию, дедукцию и др. Двусоставность современной аналитической корреспонденции (сообщение о явлении плюс его истолкование) сближает ее с другим жанром — комментарием. Но между аналитической корреспонденцией и комментарием есть существенное различие.

Оно заключается в том, что «первоисточником» сообщения для аудитории о каком-то явлении, событии (которое затем истолковывается) в корреспонденции всегда является автор публикации. Именно он «корреспондирует» с места события, он же интерпретирует произошедшее, опираясь при этом на мнения участников и свидетелей события, на свои собственные непосредственные наблюдения. Комментарий же всегда публикуется по следам уже известного данной аудитории (например, из оперативного информационного сообщения) события. При комментировании истолкование события основывается в большей мере на других известных фактах или относительно общих мнениях, предположениях, оценках, которые чаще всего высказывает авторитетное для аудитории лицо, специалист-эксперт.

Аналитическая корреспонденция отличается также и от статьи.

Цель статьи — обосновать суждение (суждения) по поводу какого-то общезначимого явления, процесса, ситуации, имеющих место в жизни общества, в каких-то сферах деятельности. Причем такие события, процессы, ситуации, как правило, имеют большие последствия для общества, отдельных социальных групп. Поэтому предметом статьи являются не отдельные факты (события), а те закономерные причинно-следственные отношения, которые порождают такие (обычно однородные) факты, события. В ходе доказательного рассуждения автор как раз и устанавливает связи между отдельными фактами, возникшими на «поверхности» жизни, событиями, явлениями и теми закономерностями, теми причинами, которые их порождают и остаются скрытыми от прямого наблюдения.

При этом приводимые факты, обсуждаемые события, явления служат аргументами в пользу общего суждения об их причинах, о закономерностях, их породивших. В аналитической же корреспонденции речь идет о каком-то одном событии. Оно всесторонне обсуждается, выявляются его качества, ему выносится оценка, прогнозируется его развитие, указываются его причины.

Таким образом, центральным предметом аналитической корреспонденции является один значительный факт, все остальные детали, примеры, суждения служат «вспомогательным» материалом для его всестороннего освещения. Названные обстоятельства четко разграничивают жанр аналитической корреспонденции и жанр статьи. Присущие аналитической корреспонденции характерные признаки отличают ее и от других жанров.

Из публикации «Поцелуй молнии»

(Комсомольская правда. 8 сентября. 1999)

«Иди домой, иди!» - весь вечер уговаривала Даю мама. Та только отмахивалась: некогда. Работы на огороде невпроворот, лето нынче в Литве стоит жаркое, только успевай поливать. И как на небе вдруг громыхнуло! И далеко-далеко впереди одиноко сверкнула молния. Это был последний «кадр» из жизни молодой литовской женщины Даля Ралене. Из ее первой жизни.

Что было дальше, ей потом рассказали соседи. Словом, никто толком так ничего и не понял: на землю не пролилось ни капли дождя. Все слышали, как замычала корова (просто вприсядку сплясала — рассказывали мужики), и видели, как с огорода Довидайтисов взметнулся к небу пыльный столб. А потом мама Даля Доната поворачивается и видит: лежит ее дочка на земле белая-белая, а одежда на ней вся порвана и кроссовки на ногах — будто собаки драли...

Но чудо вовсе не в том. Чудо будет потом, когда Доната закричит над полумертвым дочкиным телом. Во-первых, с соседних грядок моментально прибежит медсестра Рома

Гидрайтене и быстро начнет делать массаж сердца. Во-вторых, соседи сообразят тут же позвонить в городскую больницу — и через три минуты (!) на поле влетят сразу две машины «скорой помощи». Потому что (это уже в-третьих) хорошо знал дорогу шофер — у него у самого огородик там же. В общем, фельдшер Альдона Лякавичене прикрикнула на Далину маму, которая, мешая, простодушно пыталась прикрыть дочкину наготу, и без промедления начала делать искусственное дыхание... Сама же Даля не была в тот момент ни на том свете, ни на этом. Наконец она в первый раз вздохнула. «В машину!» - скомандовала Альдона. И тут Далина сердце, будто засомневавшись, стоит ли ей возвращаться в этот мир, остановилось еще раз... Даля рассказывала потом, как было ей хорошо-хорошо, как не бывает, а где-то вдалеке ласково и нежно светился незнакомый добрый свет...

«Может, выживет, а может, и нет», — неопределенно сказали Далинным родителям в реанимации. Молнии в Литве этим летом охотились за многими. Вот так же точно убило двух женщин примерно того же возраста, что и Даля. Но чтобы после такого мощнейшего удара человека удавалось вернуть к жизни, медики не помнят. Родители Станиславас и Доната Довидайтисы, в ту ночь так и не заснули... Отец приходил в себя от радости — ему-то прокричали с улицы, что дочку убило, а она хоть и не шевелится, но вроде бы жива. Мать, наоборот, плакала от ужаса и без конца вспоминала утренний сон, вдруг оказавшийся пророчеством: приснились ей умершие родители. И с ними Даля в разорванной одежде — точь-в-точь, как она несколько часов спустя лежала на поле.

А утром Даля неожиданно для всех открыла глаза. «Наверное, умирать мне еще было не время, — философски объяснила она потом свое воскресение. — Что со мной, где я?» — спросила она медсестер, напряженно вслушиваясь в их слова, — уши у нее как будто бы были заложены ватой. «Не может быть! Это просто солнечный удар!» — категорически отрезала после их рассказа. Потом посмотрела на безобразное красное пятно на шее, от которого тянулась, опутывая тело и выныривая где-то под коленкой, длинная кровавая веревочка, на опаленные волосы, на перепуганную дочку и постаревших родителей — и только тогда по-настоящему испугалась.

Божья кара? Или отметина?

Вообще говоря, гром и молния в литовских поверьях означают больше, чем просто стихию. Помните сказку про русалку Юрата и рыбака Каститиса? Будто бы полюбили они друг друга, а самый главный литовский языческий бог Перкунас разгневался, напустил на них молнию и разрушил янтарный замок — вот почему Балтийское море кусочки янтаря на берег и выбрасывает. Шутки шутками, но в литовских поверьях до сих пор считают, что если в твой дом ударила молния, значит ты круто нагрешил — просто так небо тебя наказывать не будет. Молний боялись, а маленьких детей в деревнях заставляли креститься, как только с неба неслись первые громовые раскаты. Мне рассказывали историю одной реально существовавшей в Литве женщины по прозвищу Московчиха, которая в несчастном 1924 году написала донос на своего двоюродного брата Савелия Малиновского — на имущество позарилась. Того сослали в Сибирь, а алчную сестрицу всю жизнь потом преследовали молнии. Сначала во время грозы сгорел дом — она переселилась в хлев. Через полгода молния ударила и туда. Переехала в баню — еще через некоторое время небо испепелило баню. И умерла она страшно: прокляв все на свете и распродав имущество, поехала к дочке в Ленинград.

Тело вернули на родину с полдороги. Поэтому Даля Ралене теперь страшно мается: ну что она сделала в своей жизни не так? Не цеппелины же с котлетами, рядом с которыми проходит ее профессиональная жизнь в школьной столовой! А может наоборот, Бог таким странным образом хочет намекнуть, что есть у нее в жизни какая-то важная миссия, кроме борщей и щей, если вопреки всем законам природы небо оставил ее жить?

Врачи-материалисты считают, что небо тут ни при чем, а спасло Далю Ралене стечние обстоятельств. Во-первых, то, что перед самым выходом из дома она упрямо искала на чердаке резиновые кроссовки — хотелось ей пойти на поле именно в них, и все тут. А во-вторых, то, что рядом оказалось железное ведро — молния, выпрыгнув из Далинного тела, нашла объект поинтереснее да там и затихла. Ну а Далина мама Доната, женщина набожная, верит своим святым и молится теперь сразу трем женщинам — деве Марии, медсестре Роме и фельдшеру Альдоне.

Просто небу понравилась эта семья.

Тридцатишестилетняя Даля — человек молчаливый и застенчивый, теперь вроде как местная знаменитость. Во всяком случае, найти ее в аккуратном городке Кяльме, где тихие улочки криво разбегаются в стороны от роскошного католического собора, не представляет труда: дом ее родителей знают все. То журналисты разыскивают эту улицу, то паломники: почему-то считается, что после возвращения к жизни Даля должна стать провидицей, ведьмой, или, на худой конец, — экстрасенсом. Сама Даля такого внимания к себе стесняется. Поскольку никаких чудодейственных сил в себе не ощущает, наоборот, спит все время, как маленький ребенок, и плачет по пустякам и без. Единственное — чувствует себя при этом на десять лет моложе, чем раньше. Наверное потому, что раньше ей казалось, что жизнь наполовину прошла, а теперь — что стрелки опять в самом начале циферблата. До того злополучного вечера думалось: все мечты сбылись (они, кстати сказать, были нехитрыми: окончить школу, выучиться на повара и выйти замуж), а теперь: ну нет, мы еще поживем, если так!.. В общем, вторая жизнь Дале Ралене нравится куда больше, чем первая. И дней рождения теперь у нее будет два: один — 6 июня, вместе с Пушкиным, второй — 19, вместе с молнией, которая столь необычным образом разукрасила ее тело и биографию.

Через несколько дней после того, как ее выписали из больницы, небо над городом вновь затрепетало под ударами грома, Даля сжалась вся, а потом успокоилась: это не к ней. На поле в первый раз тоже немножко боялась идти — на том месте, где она упала, мама вбила колышек и крестится на него сейчас, как на церковь. А вот разорванную одежду и кроссовки они сразу выбросили — закопали от греха подальше.

Между прочим, семейная легенда хранит воспоминания Далиной бабушки, как та, будучи ребенком, смотрела на грозу у открытого окна, и шаровая молния, влетев в комнату, обожгла ей живот, надолго оставив на теле след в виде вишневой загогулинки. «Так, может, молниям просто нравятся женщины вашего рода? И они теперь будут бегать за вами всю жизнь?» — обрадовалась я сенсации.

Даля вздрогнула. — Может, все-таки больше не будут? — тоскливо прошептала она. И опасливо покосилась на красный шрамик на шее.

Кстати, как объяснили нам в Санкт-Петербургской Главной Геофизической обсерватории им. Войкова, на сегодняшний день наука не знает причину привязанности молнии к человеку. Что касается конкретного дома, сарая или сада, в которые Зевс с завидным постоянством посыпает небесный огонь, — с этим как раз все ясно: молнии выбирают места повышенной проводимости почвы. Так что, судя по всему, на огород Дали Ралене они теперь будут прилетать регулярно. Но почему некоторых людей молнии не оставляют в покое даже после смерти, разрубая надгробия и сжигая кресты, преследуя бабушку и внучку или поочередно убивая всех мужей болгарки Марты Майкия, — наука пока объяснить не в силах. Единственный способ уберечься от этого огненного поцелуя — присесть во время грозы на корточки. Молния любит выбирать самую высокую точку и ставить на место того, кто не склоняет перед ней головы.

В основе этой публикации лежит описание достаточно необычного события — спасения человека, пораженного ударом молнии. Именно этому событию посвящена основная часть публикации. Описывая его, журналист использует информацию, полученную от самой пострадавшей, ее родителей, ее спасителей, других людей. Описанием самого события дело не ограничивается. Автор осуществляет причинно-следственный анализ случившегося, ищет ответ на вопросы, которые мучают Даю Ралене, ее родителей, их знакомых: почему молния угодила именно в эту женщину? Почему она все-таки оказалась живой?

На пути этого поиска журналист обращается к воспоминаниям семьи Довидайтисов о том, что в их роду уже были пострадавшие от ударов молнии. Возможно, причина происходящего — на небесах? — спрашивает себя журналист вместе с жителями провинциального литовского городка. Может, боги рассердились за что-то на Ралене? Или же хотят намекнуть, что она занимается в этом мире не тем делом, каким надо? В конце публикации приведен комментарий специалистов, который дополняет попытки мистического объяснения события отчасти известными, реальными физическими

законами.

Причинно-следственный анализ в публикации сопровождается оценочными и прогностическими суждениями, рекомендациями, как вести себя при встрече с молнией. Все это — методы истолкования предмета отображения, присущие именно аналитической журналистике.

Особенностью данной публикации является то, что она написана живым эмоциональным языком и, кроме всего прочего, дает наглядное представление о событии.

Возникает вопрос: а нельзя ли в связи с этим отнести текст к разряду репортажа? Вероятно, подобное можно было бы сделать, если бы автор лично наблюдал все происходившее и ограничился бы при этом только описанием события, не углубляясь в причинно-следственный анализ. Хотя следует сказать, что в практической журналистике не всегда обращают внимание на такие «тонкости» и живо написанные корреспонденции нередко публикуются под рубрикой «репортаж» (часто это происходит и в силу того, что настоящих репортажей изданиям обычно не хватает).

[в начало](#)

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Жанр интервью является результатом «закрепленности» в журналистском тексте формы получения автором этого текста определенных сведений о действительности с помощью метода интервью. Как известно, сам по себе метод интервью относится не к теоретическим, а к эмпирическим методам^{18[2]} (о чем говорилось выше). Очевидно, по этой причине и жанр интервью часто относят к информационным жанрам, базирующемся именно на информации, полученной в результате применения эмпирических методов исследования.

При этом как бы остается в тени тот факт, что интервью, как и другие эмпирические методы, применяется для получения исходных сведений, необходимых для подготовки не только информационных выступлений, но и аналитических. Информация, полученная методом интервью, может быть трансформирована и представлена, например, на газетной полосе в виде корреспонденции, отчета, реплики, статьи. Это значит, что использование данного метода при сборе информации еще не порождает автоматически жанр интервью. Лишь, как было сказано выше, в случае яркой проявленности в тексте «хода» применения этого метода он может определять форму такой публикации как диалогическую, вопросно-ответную.

По этому доминирующему признаку текст может быть назван жанром интервью. Однако то, к какой группе жанров можно причислить конкретное интервью — информационным или аналитическим, зависит уже от содержания текста, изложенного в форме интервью. Если информационное интервью несет в себе лишь сообщение о факте, отвечая на вопросы: кто? Что? Где? Когда?, то аналитическое интервью, кроме того, содержит и анализ факта, отвечая при этом на вопросы: почему? Каким образом? Что это значит? и т.д. Роль автора аналитического интервью заключается прежде всего в том, что своими вопросами он задает прежде всего направление анализа, который обычно осуществляет само интервьюируемое лицо.

С этой целью вопросы формулируются таким образом, что они требуют освещения узловых моментов какого-либо события, явления, процесса, ситуации.

Если журналист берет интервью у мэра по поводу внезапного нашествия крыс на город, он может «запрограммировать» аналитический характер своего выступления, поставив вопросы таким образом:

- Как вы думаете, что значит это событие для нашего города?
- Во сколько миллионов рублей оно обойдется налогоплательщикам?
- Что явилось причиной этого события? Какие факты, цифры, документы подтверждают ваше мнение по этому поводу?
- Кто понесет за это ответственность и какую?
- Как будет развиваться это событие дальше? Какие основания имеет ваш прогноз? Какие срочные меры предпринимают и еще будут предпринимать власти? И что должны делать простые горожане?

Подобные вопросы побудят собеседника излагать свои знания, представления, мнения о предмете будущей публикации таким образом, что выявят причинно-следственные связи обсуждаемого события, будут вынесены определенные оценки, сформулирован прогноз развития события, приведены необходимые аргументы в пользу излагаемой позиции. Подобным образом содержание текста интервью «насыщается» элементами анализа действительности, что и делает его аналитической публикацией.

Конечно, вполне возможны случаи, когда интервьюируемый осуществляет анализ событий, ситуаций, процессов, не ожидая наводящих вопросов. Однако это чаще всего бывает в том случае, когда он сам заинтересован в наиболее подробном, детальном освещении предмета разговора, что, конечно же, облегчает задачу автора будущей аналитической публикации.

Из публикации «Чечня ничего не спишет»

(Общая газета. № 5. 2000)

В минувший понедельник жена Андрея Бабицкого отнесла в отделение милиции по месту жительства заявление о том, чтобы ее супруга начали разыскивать как пропавшего без вести. У нее есть веское основание: уже месяц она не слышала голоса мужа и не знает, где он находится. О подоплеке происшедшего обозревателю «ОГ» рассказывает адвокат Андрея Бабицкого Генри Резник.

— *Давайте договоримся принять на веру официальную версию задержания Бабицкого. Как выглядит эта ситуация с точки зрения права?*

— Трудно комментировать абсурд. В Чечне идет война — не названная, не введенная в рамки правовых отношений, не сопровождаемая вводом чрезвычайного положения, но все же война. Но есть Конституция России, которая гарантирует гражданам права, которые не могут нарушаться ни при каких обстоятельствах, даже в условиях введения военного положения. К таким правам относится право на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь.

Здесь все предельно ясно. **Как только Бабицкий был задержан, ему должны были предоставить право на один звонок — своим близким. Право на звонок гарантировано федеральным законом. И уже на первом допросе у человека должен быть защитник.**

Теперь о самом задержании. Даже на трое суток можно задерживать не всякого. Закон на этот счет дает категорические указания — тот, кто задержан на месте преступления; если на нем, на его одежде есть следы преступления; если очевидцы прямо укажут на него, как на лицо, совершившее преступление.

Что касается выяснения личности — то можно задерживать только на три часа. Этот срок продляется, если человек не имеет постоянного места жительства. В случае Бабицкого это абсурдно.

Третье. На днях начальник Главного управления по Северному Кавказу Бирюков в телентервью заявил, что мера пресечения Бабицкому не изменена на подписку о невыезде, а отменена. Для юриста это серьезный знак. Подписка о невыезде связывает не только самого подозреваемого, но и органы следствия — они должны его куда-то проводить и предупредить: сиди здесь и без нашего разрешения — никуда. А не отдавать его в обмен на солдат. Но если мера пресечения отменена, то Бабицкий — свободный человек, дальнейшая судьба его прокуратуре не интересует.

— *Сейчас вас пытаются убедить, что никакого обмена не было?*

— Мне кажется, власть уже поняла, в какую историю она вляпалась с этим обменом. И теперь пытается нас убедить, что это был акт свободного волеизъявления журналиста. Да и что такое обмен в принципе? В военных условиях можно обменивать военнопленных или преступников (на уровне государств). Но не мирных людей, журналистов — на солдат. И здесь согласие человека никакого юридического значения не имеет. Потому что в таком случае государство как бы берет на себя порочную задачу оценивать своих граждан: кто более важен?

— *Ситуация сложилась дикая: власти объявили, что они не несут ответственности за судьбу журналиста. И в то же время вызывают его на допрос, грозя всеми мыслимыми карами в случае неявки. Существует ли какое-то внятное объяснение этому у прокуратуры?*

— В Конституции записано — приоритет личности, гражданина, его безопасности выше других ценностей. То есть государство не только не имеет права, потрясая

просьбой Бабицкого, передать его боевикам и заявить, что не несет ответственности за его судьбу. Наоборот, органы должны озабочиться судьбой каждого гражданина, местонахождение которого неизвестно. И, подав наше заявление на розыск Бабицкого как пропавшего без вести, мы проверяем готовность властей исполнять законы страны.

Что касается следствия, то происходит нечто загадочное. У меня даже начинает складываться мнение, что никакого «дела Бабицкого» нет. По закону, нам, адвокатам, должны были быть предъявлены все материалы, относящиеся к задержанию. А также протоколы следственных действий, которые проводились с участием Бабицкого, — допросы, очные ставки, изъятие вещей...

Эти материалы нам представлены не были. Более того, мы не можем даже узнать, кто ведет это дело? Сначала Бирюков назвал мне следователя Чернавского. Где его искать? В Ханкале, это пригород Грозного. Что-то более определенное? Поспрашивайте на месте. Как ему позвонить? Там только спецсвязь. Через пару дней выясняется, что г-н Чернавский уже не ведет дело Бабицкого, он назначен и.о. прокурора какого-то района. Дело, по неофициальной информации, передано следователю Ткачеву. Но и его мы не можем найти.

— *Но все же какие-то действия следствие производило?*

— Убедительными могут быть только документы. А не сюжет, где министр внутренних дел потрясает фотографиями и письмами в Думе. Эти бумаги должны быть в деле, как вещественное доказательство. Причем снабженные протоколом изъятий. Разве министр этого не знает? Или другой момент. С чего начались действия следствия после задержания Бабицкого? Срочно в Москву была отправлена икона, которая была найдена у Андрея. На экспертизу в музей Рублева. Оказалось, что это мазня какого-то местного энтузиаста ценой в 10 рублей. Стали бы они возиться с иконой, если бы против Бабицкого были серьезные доказательства сотрудничества с боевиками?

Адвокаты все же должны ознакомиться с материалами следствия и добиться того, чтобы в этой истории была поставлена точка, соответствующая всем нормам закона. Ведь это пятно на человеке — он был задержан, подозревался в чем-то, чуть ли не в розыск объявлен...

А выход из этой ситуации я вижу лишь один. Руководители нашей страны должны признать те нарушения, которые были допущены в истории с Бабицким, обозначить конкретных виновников. В противном случае придется признать, что демократии в России брошен вызов... Проверочный...

Собеседник журналиста, готовившего это интервью, известный адвокат, разумеется, заинтересован в том, чтобы дать аудитории «Общей газеты» как можно более широкую картину произошедшего с его подзащитным Андреем Бабицким. Ему также важно как можно аргументированнее изложить свою позицию, проанализировать причины задержания Андрея и всего другого, произошедшего с ним впоследствии, сделать прогноз возможного развития событий. Таким образом, автор интервью на свои вопросы получает не короткие однозначные ответы (что привело бы к созданию информационного интервью), а развернутый, достаточно глубоко обоснованный комментарий, что и делает данное интервью аналитической публикацией.

[в начало](#)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОПРОС

Аналитический опрос как жанр имеет некоторые сходные черты с жанром информационного опроса. Это сходство состоит прежде всего в том, что источником содержания публикаций, относимых к этим жанрам, являются ответы на вопрос журналиста. При этом, как в том, так и в ином жанре, структура текста образуется в ходе изложения «веера» полученных журналистом ответов «респондентов».

Но в отличие от публикаций, относимых к жанру информационного опроса, публикации, составляющие жанр аналитического опроса, обретают черты развернутого комментария, который обычно относится к аналитическим жанрам. Это становится возможным в результате «кумулятивного эффекта», возникающего при объединении в одном тексте нескольких подробных ответов на один и тот же вопрос. Но аналитический опрос нельзя относить к жанру комментария, так же как нельзя к этому жанру относить, например, интервью, содержанием которого может быть, скажем, комментарий какого-то интервьюируемого журналистом лица по поводу определенных событий. Отнесение публикации в данном случае к жанру интервью происходит по методу получения журналистом информации, изложенной в ней, но не по содержанию этой информации, которое может быть оценочным, комментирующим по своей сути. Подобное можно наблюдать и при рассмотрении публикаций некоторых иных жанров.

Аналитические опросы очень часто появляются на страницах «Литературной газеты». Журналисты обращаются к этому жанру, когда надо, например, выявить мнение известных артистов по поводу какой-то новой пьесы или мнение писателей по поводу современной художественной литературы и т.д. Охотно публикуют аналитические опросы и многие другие газеты и журналы.

Из публикации «Понравится ли Борису Ельцину новая Дума?»

(Профиль. № 50. 1999)

Пожалуй, впервые думские выборы прошли под столь жестким контролем и при столь явном участии администрации президента. На первый взгляд, опыт оказался удачным: позиции Кремля в нижней палате явно усилились. В связи с этим на вопрос, вынесенный в заголовок, отвечают руководители регионов РФ:

Геннадий Дюдяев, председатель Кемеровского областного совета народных депутатов: «Я считаю, что результатами голосования президент приятно удивлен».

Валерий Сердюков, губернатор Ленинградской области: «Борис Николаевич еще во время голосования сказал, что Дума будет хорошей и работоспособной».

Евгений Савченко, губернатор Белгородской области: «Безусловно, понравится. Ельцин признался в этом еще в момент своего голосования, и удивляться подобной оценке не приходится. Еще несколько месяцев назад, в Госдуме-99, даже не просматривалось, кроме, может быть, ЛДПР и НДР, проправительственной фракции. А теперь их фактически три с довольно приличным числом мандатов. В принципе цель, которуюставил перед собой Кремль, достигнута. Теперь страна выходит на президентские выборы по схеме 1996 года, что обеспечивает преемственность нынешнего политического курса».

Минтимер Шаймиев, президент Татарстана: «Президент России свое мнение на сей счет уже высказал. На мой взгляд, главный итог этих выборов в том, что основной костяк Госдумы составит центристское и правоцентристское большинство. Если бы в Думе по-прежнему остался единоличный лидер — КПРФ, мы не смогли бы дать ответы на те вопросы, которые ставит перед нами дальнейшее развитие».

Александр Попов, председатель Законодательного собрания Ростовской области: «Новая Дума должна понравиться президенту. Коммунистов ведь в ней меньше, чем в прошлой».

Анатолий Попов, вице-губернатор Курской области: «С этой Думой Борису Ельцину практически не работать: скоро президентские выборы. Так что новая Дума для Ельцина будет как чужая невеста и, конечно, понравится».

Равиль Гениатулин, губернатор Читинской области: «Борису Ельцину должна понравиться новая Дума. Наверняка президенту и правительству будет работаться все-таки легче. Прошлую-то Думу была заранее, как бы по природе своей объективно ориентирована на конфронтацию с президентскими структурами и всей исполнительной властью. Вновь избранная Дума будет толерантна, что ли. Она будет говорчивее, фракции чаще

будут находиться в одной упряжке, чем в разных. Ведь сейчас опыт показал, что какой-никакой — но есть бюджет. И будь ты хоть коммунистом, хоть фашистом — из этого бюджета не выпрыгнешь».

Борис Говорин, губернатор Иркутской области: «Вопрос не в том, нравится кому-то Дума или нет. Это из разряда вкусовых ощущений. Состав Государственной Думы — это выбор народа. А выбор народа надо уважать. Тем не менее надо заметить, что впервые за три избирательные кампании с 1993 года в Думе складывается такая многочисленная проправительственная партия».

Эдуард Россель, губернатор Свердловской области: «Думаю, что понравится. Можно будет наконец-то создать конструктивное большинство. Нам в Думе явно не хватает единства». **Владимир Яковлев**, губернатор Санкт-Петербурга: «Выбираем тех, кого хотели избрать. Ни один социолог не угадал, как пройдут выборы. Жизнь подтвердит правильность полученных блоками процентов. А понравится это президенту или нет, спросите президента. Поживем — увидим»

Юрий Дюкарев, вице-губернатор Липецкой области: «Это просто какой-то рок, что коленопреклоненная поза «чего изволите?» сгибает Россию во все времена. Не только при царях и вождях. Не только при диктаторах и узурпаторах. Не только при белых и красных. Но и при демократах. При голубых и розовых. При самых записных вольнодумцах и правострадальцах. Как только на дворе потянет чем-то свеженьким, так сразу — точь-в-точь по Грибоедову: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна?» Нынешней нашей всероссийской Марье Алексеевне трудно угодить. Но, полагаю, новый состав Думы ей по душе. Во всяком случае, он устраивает ее гораздо больше, чем предыдущий... Но вопрос-то уже стоит иначе. Кому нравится сама Марья Алексеевна? Или Грибоедова сменил Крылов? «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»

Как видим, в данном случае роль автора свелась к тому, что он задал один и тот же вопрос нескольким политическим деятелям и записал их ответы. Однако данный материал можно отнести к аналитическим публикациям, что становится очевидным, если оценивать содержание ответов, последовавших на вопрос журналиста, как единое целое. Именно в этом случае можно заметить, что содержание выступления представляет единое целое, возникающее в ходе сопоставления разных точек зрения, объединенных одним и тем же вопросом. При этом разные позиции имеют свое обоснование, свою аргументацию, хотя степень ее развернутости колеблется от минимальной (нулевой), как в ответе Геннадия Дюдяева, до максимальной (в данном случае), как в ответе Юрия Дюкарева. А демонстрация доказательного рассуждения — это уже верный признак использования авторами ответов исследовательских действий, определенного анализа ситуации, о которой идет речь, что и позволяет относить некоторые публикации подобного рода к группе аналитических жанров.

Степень аналитичности опроса во многом предопределяется правильной формулировкой вопроса. Если журналист, предположим, задаст своим респондентам вопрос: «Любите ли Вы поесть?», то вполне вероятно, что он получит большинство ответов, которые будут звучать так: «Да». Конечно, из таких ответов аналитический текст не возникнет. Поэтому при подготовке материала следует избегать вопросов, предполагающих однозначный ответ. В данном случае можно было бы задать вопрос, дающий отвечающему возможность обоснованно изложить свою позицию, проанализировать предполагаемые возражения возможного оппонента и т.д. Разумеется, что для обсуждения стоит выбирать такой предмет, который пробудил бы интерес респондентов и позволил «включить» их наиболее важный информационный ресурс, которым они владеют (скажем, спортсменов лучше спрашивать о спорте, чем о способах добычи угля в шахтах).

[в начало](#)

БЕСЕДА

Беседа наряду с интервью, опросом является важным аналитическим жанром журналистики, опирающимся на использование диалогического, вернее, «полилогического» метода получения информации. Беседа достаточно широко использовалась на страницах прессы на протяжении

многих лет. Искушенному знатоку журналистских жанров хорошо известны, например, «Беседы за «круглым столом», которые многие годы велись на страницах (еще советских) «Литературной газеты», «Известий», других изданий. В настоящее время мы тоже можем встретить этот жанр в прессе.

Иногда жанр беседы отождествляется с жанром интервью. Однако это отождествление необоснованно, хотя у названных жанров и есть общие черты. Прежде всего — двусоставность текста. Одна часть его «принадлежит» одному участнику беседы (интервью), другая — другому. И в беседе и в интервью есть обмен мыслями, репликами. Однако между жанрами существует очень важное различие. И заключается оно прежде всего в той роли, которая отводится журналисту-интервьюеру и журналиstu-собеседнику, что оказывает существенное влияние на содержание самих текстов интервью или беседы. Если в роли интервьюера журналист может ставить только вопросы, а отвечает на них интервьюируемый, то именно последний и формирует основное содержание публикации, ее характер (в частности, позитивный или критический).

Журналист-собеседник является равноправным, наряду со своим партнером по коммуникативному акту, создателем содержания будущего текста. Поэтому вопросно-ответной форме обмена мыслями, присущей интервью, в беседе будет соответствовать обмен «равноправными», равнозначными репликами, суждениями, размышлениями. Когда журналист берет интервью, то он может лишь задать направление размышлений интервьюируемого. А то, будет ли реально содержание публикации фактологическим, оценочным или каким-то иным отображением обсуждаемого предмета, предопределят главным образом ответы интервьюируемого.

Как бы ни старался интервьюируемый быть объективным, он в любом случае будет рассматривать предмет обсуждения со своей позиции, с позиции имеющихся у него знаний, представлений, стереотипов, установок. Поэтому он произвольно или непроизвольно будет вести речь о тех сторонах предмета, которые положительно коррелируются с этой позицией, и опускать то, что ей противоречит. Другой участник беседы также имеет свою позицию и рассуждает о предмете будущего выступления, исходя именно из нее. Однако то, что в беседе участвуют два равноправных партнера (или несколько), повышает шанс объективного освещения предмета разговора. Это происходит в силу того, что журналист (или другие участники беседы) может находиться на своих особых позициях, которые будут ориентировать его на освещение иных аспектов, иных качеств, достоинств, недостатков, связей обсуждаемого предмета.

Таким образом, в отличие от неизбежно одностороннего «монистического» освещения предмета обсуждения в интервью в беседе будет проявлено многостороннее, полифоническое видение предмета обсуждения, что, несомненно, повышает объективность его освещения.

Из публикации «К вопросу о сексуальности гномов»

(Всеобуч. № 1. 1999)

Насущные вопросы обсудил с Машей Мокровой Ник Перумов, наделавший много шума своим продолжением «Властелина колец». Кроме того, он выдумал свой собственный мир, Хьервард, населенный злобными хоботярами, стеноломами, ногогрызами и брюхоеедами. Сейчас на его счету несколько серий («Кольцо тьмы» - продолжение Толкиена, «Летописи Хьерварда», «Теномагия»...) и отдельных книг («Не время для драконов», «Планета Армагеддон», «Русский меч»...).

Маша: У Вас нестандартное понимание Света и Тьмы. По ходу чтения возникает сочувствие Тьме, а свет, наоборот, выступает как нечто эгоистичное и жестокое. Вы такой умный или выпендриваешьесь?

Перумов: В традиционной фантазии правило «свет = добро, тьма = зло» укоренилось оченьочно, главным образом благодаря «Властелину колец» Дж. Р.Р. Толкиена. Признаюсь, мне довольно быстро наскучил этот стандарт. Кроме того, я люблю темноту и звезды. Как Блейк. Или Уайльд. Это упрощение, но в каждой шутке есть доля шутки. Мой принцип, которому я стараюсь следовать в своем творчестве, — нет изначально плохих, нет изначально хороших. Добро не может быть с кулаками, иначе оно перестанет быть добром. Поэтому Свет и Тьма у меня это скорее Сохранение и Развитие — которое, как известно, может быть весьма болезненным, как, например, роды. Должен сразу

сказать, что я не принадлежу к поклонникам сатанизма, я атеист.

Маша: Но ни во что не верить нельзя. Во что же верите?

Перумов: В справедливость силы.

Маша: Вы очень реалистично описали характеры гномов, эльфов и прочих персонажей. Они были придуманы вами из головы?

Перумов: Все, что мы способны помыслить — так или иначе, продолжение нас самих. Эльфы — может быть, отражение какой-то возвышенной части нашей души, которая боится смерти, которая стремится к консервации, к сохранению существующего порядка вещей. «*You want to live forever?*», — как пел «Queen». Но, попутно, это и осознание того, что эта мечта бесплодна, что бессмертные существа, расплодившись, очень быстро заполнили бы нашу Землю. И они вынуждены были принимать какие-то драконовские меры по ограничению рождаемости.

Гномы — это, наоборот, то, что наше земное, плотское, разгульное, основательное, Здравый смысл. Гномы дружественны людям в отличие от эльфов, которые всегда считались непознанными, непознаваемыми, необычными и опасными. С гномами больше торговали...

Маша: Вы пишите в «Земле без радости»: «...Гномы, хотя ростом и не вышли, зато лучше их в постели никого нет, и даже самый здоровый хуторянин-бугай самому захудалому гному в подметки не годится». Не гномы, а какие-то сексуальные спецназовцы... Идея суперсексуальности гномов основана на интуиции или на научных данных?

Перумов: Отчасти на научных. Как известно, избыток половых гормонов ингибитирует рост костной ткани. В народной смеховой, скоморошьей культуре это нашло отражение: «Ростом мал, да в удал».

Маша: Люди, которые отзываются о ваших книгах, часто замечают какие-то ошибки в описаниях, например в описаниях боев...

Перумов: Бывает. Предположим, в начале книги какого-нибудь второстепенного героя зовут одним именем, а когда он появляется второй раз, его имя слегка изменено, просто потому, что я его уже забыл. А редакторы сейчас работают спустя рукава...

Заметив меня и фотографа с кружками пива, Перумов возмутился:

— Господа девушки пьют пиво! Во времена моей молодости... девушки не пили пиво. Предложить девушке пиво было смертельным оскорблением.

Маша: Вы полагаете, так было правильней?

Перумов: Мы не оцениваем обряды, в которых выросли, тем более если они не подавляют очень сильно личность. Это по типу «оранжевые штаны» — три раза «ку!». Цитата не точная, но примерно, да? Это вот некое «ку!» того времени. Это некий обычай такой, этикет. Как при королях дамам положено было делать реверанс разной степени глубины, в зависимости от положения дамы в обществе. А у нас положено было, если ты ухаживаешь за девушкой, ты должен был ее поить, в идеальном случае — коньяком, в реальном случае — хорошим сухим вином. Марочным, не крепленым, но ни в коем случае не пивом! Предложить пиво — это было все! Развод и девичья фамилия!

В данной публикации журналистка и писатель, с которым она общается, выступают, что вполне очевидно, как относительно равноправные, компетентные в обсуждаемом предмете собеседники. Здесь нет, так сказать, «авторитетного подавления» со стороны того, к кому обратилась за информацией журналистка. Ее реплики, хотя во многом лаконичнее высказываний Перумова, выглядят вполне достойными уровня проводимой беседы.

Беседа как аналитический жанр может оказаться незаменимой в том случае, когда обсуждаемый предмет не поддается моментальному и однозначному истолкованию, но требует спокойного всестороннего, глубокого своего рассмотрения, аргументированного и квалифицированного «препарирования». При этом чем контрастнее будут позиции собеседников, чем выше будет их стремление «докопаться до истины», тем интереснее может получиться публикация. К тому же очень важно, чтобы собеседники с уважением относились к точке зрения друг друга, не стремились принизить весомость доводов оппонента. В противном случае беседа превратится в безрезультатный спор.

Жанр беседы требует достаточно высокой квалификации, компетентности журналиста в вопросе, который обсуждается в ходе беседы. Ведь он не может обойтись в отличие от интервьюера одними только вопросами, адресованными «источнику информации», но должен еще и продемонстрировать соответствующее понимание того предмета, который обсуждается.

[в начало](#)

КОММЕНТАРИЙ

Комментарий может быть, как и интервью, методом и жанром журналистики. Как метод комментарий применяется во всех формах публикаций: в заметке — в виде цитируемых выражений чужого мнения или различных примечаний. В корреспонденции, статье, очерке, обозрении, обзоре, рецензии — в формах авторской интерпретации предмета отображения, в виде заключительной мысли, вывода. Метод комментирования даже может быть положен в основу, например, газетной полосы, теле- и радиопередачи. Это проявляется в том, что различные публикации, расположенные на ней, взаимно «комментируют» одна другую.

Для обозначения самостоятельного жанра журналистики слово «комментарий» стало применяться в нашем столетии. Публикации, подходящие под это определение, «комментировали» (объясняли, обсуждали, разъясняли) важные события. В настоящее время в комплексе основных журналистских форм комментарий занимает свое важное место. С его помощью автор выражает отношение к актуальным событиям, формулирует связанные с ними задачи и проблемы в форме сжатого анализа недостатков или достижений, а также выражает их оценку, прогноз развития и т.д. Комментарий разнится от информационных жанров именно наличие анализа. От статьи, обозрения, обзора и прочих аналитических жанров комментарий отличается тем, что в нем обычно анализируется какое-то явление, уже известное аудитории, и в этом анализе превалирует отношение к предмету отображения.

Как жанр комментарий выкристаллизовался во второй половине XIX — начале XX в. из широко распространенного тогда краткого аналитического сообщения типа корреспонденции^{19[3]}. Этот процесс протекал параллельно с образованием разных жанров информации в ее сегодняшнем понимании. И комментарий, и информационные жанры были и остаются высокоопреративными жанрами, отражающими ежедневные события и даже опережающие их.

Современный комментарий преследует следующие цели:

- направлять внимание аудитории на важные новые факты, выходящие на первый план общественной жизни, оценивать их;
- ставить комментируемое событие в связь с другими, выявлять причины этого события;
- формулировать прогноз развития комментируемого события;
- обосновывать, как правило, с помощью примеров, необходимые способы поведения или решения задач.

Следует подчеркнуть, что комментарий представляет собой не только реакцию на новые явления. В комментарии активно обрисовываются проблемы, обсуждаются относящиеся к ним актуальные факты. И как отмечалось выше, комментарии могут быть превентивными, предвосхищающими события, готовящими общество к их неизбежности.

Функции жанра комментария неразрывно связаны с его предметом. Вопрос о предмете комментария не следует относить к академическим — он возникает из повседневной журналистской практики. Определение цели будущего выступления предполагает ясность в установлении его предмета. Комментарий рассказывает о взаимосвязях обнаруженного предмета. Вопросы, решаемые с его помощью, нацелены на познание сути явлений, на оперативное решение задач, на побуждение к действию. Бесконечное многообразие конкретных комментируемых проблем может быть в большой мере охвачено рядом типичных вопросов, сведенных в группы: об особенностях или новых качествах факта, его ценности; о причинах, условиях, предпосылках существования фактов; это связано с вопросами о прецедентах, параллелях; о целях, мотивах, планах действий участников комментируемого события (факта); о порядке развития комментируемого явления; о тенденциях, закономерностях развития общества, которые проявляются в комментируемом факте, о противоречиях внутри этого факта; о задачах, которые вытекают из комментируемого факта, о путях и методах их решения в конкретной ситуации; о достоверности комментируемых фактов. Аналогично известным вопросам, присущим

информационному сообщению: что? Где? Когда? Как?, комментарию присущи вопросы: что (кто) действительно? При каких обстоятельствах? Почему? Кому выгодно? Какова ситуация? Что делать? Как лучше? Какие существуют различия, противоречия? Как проявляется направление развития? Какова его стратегия и тактика?

Первым шагом при подготовке комментария, как и при подготовке любого иного материала, является выбор цели. Поэтому автор должен четко ответить себе на вопросы:

— какое явление я хочу осветить? Что я должен рассказать читателю, какое знание дать ему? Какие чувства пробудить?

— какие знания, представления о предмете будущего выступления у меня уже есть?

— какие могут возникнуть возражения у моего оппонента? Как их учесть в публикации?

Чем яснее замысел автора, тем точнее его решение о постановке определенных вопросов, на которые надо ответить. Чем яснее цель и постановка вопросов, тем целенаправленнее собирается информация, тем глубже продумывается взаимосвязь предмета, тем легче и увереннее в конце концов пишется материал. При всей эластичности формы комментарий обладает относительно прочной структурой. Комментарий представляет собой в этом плане (за исключением кратких форм комментария) структуру доказательного рассуждения по поводу какого-то одного основного вопроса. Это предопределено содержанием, функциями, предметом жанра. В ходе рассуждения комментируемое новое событие связывается с более широкими общими процессами, ситуациями и задачами, как правило, уже известными аудитории. Таким образом, осуществляется интерпретация новых явлений, их объяснение, оценка. Удачный комментарий имеет всегда хорошее логическое заключение. Комментируемые и комментирующие факты, их детали, подробности служат аргументами в пользу выдвигаемого автором тезиса или посылками его умозаключения.

Комментирование осуществляется с помощью следующих приемов:

— разработка взаимосвязей между исходными и комментирующими фактами (например, обсуждение предыстории события);

— детализация основных комментируемых событий (восстановление подробностей), признаков, которые важны для постановки вопросов (например, можно обсудить заседание Городской Думы, подчеркивая и взаимосвязывая разные высказывания, умозаключения депутатов);

— сравнение фактов, разработка аналогий, например, с прецедентами;

— проведение параллелей, которые могут быть привлечены в качестве демонстрационных моделей обнаруженных связей актуального события (предмета) комментария;

— противопоставление, конфронтация различных или противоположных способов осуществления обсуждаемых действий;

— интерпретация текста (разъяснение документов, «перевод» доводов оппонентов на ясный язык).

Эти и другие аналитические способы применяются по отдельности или комбинированно. Их выбор проистекает из конкретной цели доказательного рассуждения и постановки необходимых вопросов. Независимо от того, какой способ используется, комментарии содержат ряд типичных структурных элементов (основных частей комментария):

— сообщение о комментируемом событии и формулировка задачи комментария;

— формулирование возникших в связи с этим событием вопросов;

— изложение комментирующих фактов и мыслей, деталей;

— формулировка тезисов, отражающих отношение автора к отображаемому событию, изложение их или в начале текста, или непосредственно вслед за постановкой вопросов, выявляющих суть комментируемого явления.

Построение комментария вытекает из сущности жанра, и все его структурные элементы обусловливают один другой. Поэтому все они должны присутствовать в комментарии. Иначе он может оказаться неудачным. Так, если в тексте отсутствует исходный (комментируемый) факт, если он неизвестен аудитории, то постановка вопросов повисает в воздухе и речь в лучшем случае может идти лишь о проявлении общей точки зрения по поводу неких, неизвестных аудитории событий. Это же происходит и тогда, когда комментатор начинает с факта, приведенного для привлечения внимания аудитории, но не являющегося фактом, подлежащим комментированию.

Ошибка в комментировании возникает и тогда, когда постановка вопросов, связанных с комментируемым фактом, не проявлена в teste. В этом случае проблема, которую обсуждает автор, аудитории не ясна или она узнает о ней слишком поздно. Поэтому следует сделать все

возможное, чтобы текст содержал все структурные элементы, и тем самым включить аудиторию в активный мыслительный процесс. Если же автор сам не понимает цели комментария, плана постановки вопросов, то может случиться, что он вообще не будет комментировать что-то, а будет просто сообщать определенные факты.

Особую роль играют качество поставленных вопросов, их актуальность, проблемность, точность. Они влияют на качество аргументов, комментирующих мысли и факты. От качества комментирующих фактов, мыслей зависит возможность небанального, обоснованного вывода (хотя в коротком комментарии следствие может вытекать непосредственно из исходных фактов). Как правило, в полновесных комментариях комментирующие мысли и факты необходимы для оценки исходных фактов и основания заключения.

Хороший комментарий должен иметь ясный вывод. Если он отсутствует, тогда последовательность мысли автора может быть не уловлена аудиторией. Целенаправленный, исходящий от комментария к аудитории импульс будет слабым. Конечно, это не значит, что вывод должен быть изложен в дидактичной форме. Он может как бы сам по себе вытекать из логики размышлений автора и взаимосвязи приведенных им фактов, примеров, позволяющих аудитории (при соответствующей подготовке) самостоятельно сказать последнее слово: «вывод очевиден» или «комментарии излишни».

В рассмотрение технологии комментария включается и характеристика признаков его заголовков. Удачный заголовок комментария, как и заголовок любого иного текста, сигнализирует о характере публикации. Он находится в тесной связи с построением и способом комментария. Часто при этом речь идет о кратком оформлении вопроса; характерным представляется частое использование вопросительных предложений или тезисов (выводов). Иногда заголовок включает в себя главный аргумент, реже — интересную деталь. Он может также проявлять один из главных способов комментирования, примененный автором, например противопоставление.

Содержательно заголовок комментария отражает прежде всего событие или связанную с ним ситуацию, процесс, тенденцию, задачи, пути их решения, оценку. Он может обозначать и взаимосвязи или отражать полемическую направленность комментария. Итак, описанные основные положения подготовки комментария обусловлены функционально. Они прямо вытекают из задач этого жанра, определяются внутренней его логикой, заключенной в основе доказательного рассуждения. Это предъявляет высокие требования к логике мышления, логике действий комментатора. Принимая во внимание скорость, с которой должны готовиться комментарии, этот жанр требует от автора высокого самоконтроля, оперативности, профессионального самосовершенствования.

Успех комментария во многом зависит от того, насколько правильно он построен. Вариантов построения комментария существует множество. Но принцип его должен быть одним — построение публикации должно способствовать ясности, понятности комментируемой проблемы. Читателю дается возможность без особых усилий увидеть, о чем собственно идет речь, какие аргументы комментатор приводит в пользу своей позиции, какие решения предлагает и т.д. Классическим построением публикаций данного жанра является расположение материала по схеме «факт — комментарий».

Из публикации «Зарплата — хорошо, а пенсия — лучше»

(*Российские вести. № 17. 1999*)

Задолженность по зарплате в России на 1 апреля 1999 г. уменьшилась до 9,5 млрд. рублей. Об этом заявила, выступая в Совете Федерации, вице-премьер правительства РФ Валентина Матвиенко. По ее словам, долги по зарплате составляют в среднем примерно полтора месяца, хотя более чем в 20 регионах этот показатель составляет три и более месяцев. Задолженность же по пенсиям сократилась с 30 млрд. до 18 млрд. рублей и к 1 октября, как предполагается, все долги перед пенсионерами будут погашены.

Ситуацию с выплатой зарплат, пенсий и пособий комментирует председатель Комитета по труду и социальной политике Госдумы Владимир Лисичкин: «На сегодня задолженность по зарплате, действительно, сокращается. Если сравнить нынешнюю ситуацию с положением на 1 марта, то она улучшилась сразу в 74 субъектах Федерации. А с январем сравнивать даже не стоит — настолько кардинальны произошедшие изменения.

Приведу один пример. К 1 января 1999 года только пять регионов не имели почти никаких долгов перед бюджетниками. А на сегодня свои долги практически ликвидировали уже 50 регионов. Правительству Примакова, которое многие упрекают в бездействии, все-таки удалось переломить критическую ситуацию в области зарплаты. И это большой ему плюс.

А вот с выплатой пособий положение, увы, ухудшается. Ежегодно задолженность по ним удваивается. По состоянию на 1 января 1997 года она составляла менее 8 млрд. рублей, к 1998 году увеличилась до 15,2 млрд., а на начало нынешнего года достигла 25 млрд. рублей! При этом платежеспособными остались только 4 региона, а в 27 уровень задолженности чрезвычайно высок. Кто проводил эту политику разрушения социальной сферы? Я считаю, что одним из виновников является Минфин...»

Комментарий отдела экономики «Российских вестей»: «Как известно, Владимир Лисичкин является одним из наиболее рьяных оппонентов нынешнего министра Министерства финансов Михаила Задорнова. И инициатором подготовки проекта постановления Госдумы о признании деятельности Задорнова не соответствующей занимаемой должности. Сам министр финансов комментировать эти обвинения отказался, ссылаясь на их очевидную необоснованность. Однако не исключено, что скандальный проект «всплынет» на одном из ближайших заседаний. Потому что сторонников у него предостаточно: уже сейчас за отставку министра финансов готовы голосовать коммунисты, аграрии и либеральные демократы. Они найдут поддержку у тех губернаторов, кто стремится перевести стрелки «народного гнева» в сторону центра.

Ведь подавляющая часть средств на выплату пособий выделяется как раз из бюджетов территорий, которые в этом году «просели» чуть ли не на треть, поскольку в отличие от федерального не могут подпитываться за счет эмиссии. О неподъемности для бюджета подобной социальной нагрузки правительство стало говорить еще года два назад, когда внесло законопроект о переходе к адресной социальной помощи. Летом 97-го года он был принесен в жертву Налоговому кодексу (тогда Кабинет еще надеялся, что сможет провести этот документ через Госдуму). Летом же 98-го закон о государственной социальной помощи, предусматривающий ликвидацию всей системы безадресных льгот по категориям, был все-таки принят в первом чтении. Вместо нынешних пособий, большая часть которых приходится на достаточно благополучные семьи, предполагалось самим беднейшим выдавать пособие по нуждаемости.

Но в процессе доработки законопроект претерпел поистине загадочные изменения. В итоге все категории льготников сохранились, а к ним добавились еще пособия по нуждаемости, которые даются семьям с доходами ниже прожиточного минимума! О чем говорят подобные метаморфозы, произшедшие, кстати, в недрах Госдумы, а отнюдь не в Министерстве финансов? Только об одном: депутаты (читай — мы с вами) еще не созрели для коренного пересмотра всей системы социальной помощи. А раз так — поиски виновных могут затянуться. Если, конечно, действительно, не назначить виновным Минфин. В конце концов, деньги-то у него...»

Особенность построения данного комментария заключается в том, что в нем присутствуют все основные «компоненты», позволяющие читателю включиться в суть вопроса. Причем расположены они в тексте сообразно с логикой познания человеком любого предмета: сначала ему важно составить общее впечатление о предмете, а потом уже попытаться проникнуть внутрь его, выяснить его взаимосвязи. В данном тексте, в частности, следует по порядку изложение автором:

1) основного факта, подлежащего комментированию (сообщение В. Матвиенко);

2) позиции известного экономиста — критика современной политики правительства Владимира Лисичкина;

3) собственной позиции редакции «Российских вестей».

Это — простая схема построения. Но она дает аудитории возможность без особых усилий вникнуть в суть дела и более-менее объективно взглянуть на затронутую в публикации проблему. Рассмотрим пример иного рода.

(Рост. 20 ноября. 1997)

Здание Новосибирского Государственного театра оперы и балета строилось во время войны. Жители затерянного в сибирской провинции Оборонграда были уверены, что Победа обязательно придет и тогда наши девушки «сменят шинели на туфельки». Открытие Большого театра Сибири состоялось в мае 1945-го. Зал был заполнен не столько местной элитой, сколько теми, кто работал у станка по двенадцать часов в день и связывал с этой новостройкой мечты о светлой послевоенной жизни, где тяготы и лишения сменятся праздниками высокого искусства, а на площади у театра будут расти розы и мимо ездить троллейбусы... С тех пор в театре был поставлен практически весь репертуар, а специалисты так и не перестали удивляться уникальности самого сооружения. Самодержащийся свод над сценой и залом пару лет назад был отремонтирован общими усилиями областной администрации, федеральных властей и НАПО имени Чкалова, предоставившего специальную черепицу для серебристого купола.... Недавно знакомое всем новосибирцам с детства здание было упомянуто в сообщениях ведущих СМИ России. Правда, не в связи с торжеством архитектурной мысли и не по поводу какой-нибудь громкой премьеры. Шестого ноября неизвестные хулиганы «кукрасили» театр флагом со свастикой. По словам заместителя директора НГАТО Семена Иосифовича Каплуна, никаких звонков с угрозами (или объяснениями этого действия) в театр не поступало. После инцидента выход на крышу был незамедлительно закрыт на железные затворы. Вопрос, на какие чугунные болты была намертво задраена совесть людей, решившихся на такой акт, не зависит от их целей, не поддается ответу.

Авторы данной публикации избрали «свой» путь построения текста. Сначала рассказали о театре, его истории, реконструкции, а потом, в конце, вскользь упомянули о том, что собственно и послужило поводом подготовки комментария — о флаге со свастикой, установленном хулиганами на здании театра. В результате основной «горящий» факт как бы затерялся в тексте, а на первое место вышли воспоминания о прошлом, способные затронуть внимание отнюдь не всякого нынешнего читателя газеты, особенно молодого, которому собственно и предназначена новосибирская газета «Рост».

[в начало](#)

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

Основной причиной активного использования в отечественной периодической печати жанра, определяемого как «социологическое резюме», стала бурная политическая жизнь в России в последние десять лет, сопровождающаяся перманентными опросами населения, его анкетированием, интервьюированием и т.д.

Социологическое резюме представляет собой тип публикации, которая содержит краткое изложение итогов каких-либо социологических исследований, на которые авторы резюме обычно не указывают («выжимку» из них). Аналитическое начало в публикациях такого рода обеспечивается прежде всего содержанием самих исследований, которые, как это понятно, нацелены на анализ действительности. Кроме того, автор резюме может не просто публиковать их в той последовательности, в которой они изложены в самом исследовании, но и определенным образом соотносить те или иные социологические данные и таким путем дополнительно комментировать их, что также выступает одной из ступеней аналитического осмысления предмета отображения в резюме.

Из публикации «"Медведь" в думской берлоге»

(АиФ. № 4. 2000)

Союз КПРФ и фракции «Единство» («Медведь»), временно раскололший депутатов на большевиков и меньшевиков, вызвал повышенный интерес к новому думскому «зверю». Из кого же состоит «медвежья» фракция, представляющая почти 20 миллионов избирателей и ставшая парламентской опорой для и.о. президента В. Путина?

Из 81 члена фракции 64 избраны по списку, 17 — в одномандатных округах, в том числе трое прибывших к «Единству» членов НДР (В. Черномырдин, В.Рыжков и В.

Язев). Большинство фамилий неизвестны широким массам. Исключение составляют олимпийский чемпион по греко-римской борьбе А. Карелин и теледива ОРТ А. Буратаева. К слову, женщин во фракции набралось всего 7.

Средний возраст: 46 лет. Самый пожилой «медведь» 67-летний Р. Храмов, самый юный - 27-летний В. Семенов.

Образование: у 98% - высшее. Половина по профессии — инженеры, у 10 чел. — военное образование, у 9 — юридическое, у 6 — экономическое. Встречаются также филологи, врачи, физик, математик и биолог.

Социальный статус: больше всего в «Единстве» бизнесменов — 24 чел., а также чиновников и депутатов всех уровней — 32 чел. Следующие по численности — функционеры различных общественных организаций — 14 чел. и фондов — 6 чел. До избрания занимались наукой, культурой, образованием и здравоохранением. Богато представлено телевидение — 3 чел. Замыкают список спортсмен и пенсионер.

Место жительства: среди «медведей» 22 москвича и 6 питерцев. Относительно много представителей Кемеровской, Ростовской и Ивановской областей (в сумме 12 чел.).

Материальное положение: самым богатым оказался эндээрвец В. Язев. В 1998 г. он заработал, согласно декларации, 4,3 млн. руб., при этом имеет 5 квартир общей площадью 485 кв. м. Другие миллионеры — В. Резник (годовой доход 1 млн. 670 тыс. руб.), В. Кузнецов (1,04 млн. руб.). Несколько скромнее обеспечен В. Карелин. В 1998 г. чемпион заработал только 255 тыс. руб., зато он может гордиться своим движущимся имуществом — «Мерседесом-Бенц», «Мицубиси-Паджеро» и мотоциклом «Харлей-Дэвидсон». На этом фоне лидер Российской союза ветеранов Афганистана Ф. Клинцевич (14,5 тыс. руб.), телевизионщики А. Буратаева (32,4 тыс. руб.) и В. Комиссаров (6,6 тыс. руб.) выглядят бедняками.

Идеология: pragmatism, если это можно назвать идеологией. Некоторые эксперты также называют «медведей» центристами и государственниками.

Происхождение: «крестным отцом» «Единства» считается Б. Березовский, который сам, однако, не вошел в состав фракции. Список составлялся при участии администрации президента и губернаторов (Л. Горбенко, А. Тулеева, Д. Аяцкова, А. Руцкого и др.). Из-за спешки не обошлось без накладок. Так, членом партии власти едва не стала «русская Чиччолина» — скандально известная журналистка Д. Асламова, но в последний момент ее вычеркнули из списка. Впрочем, доля политической экзотики в «Единстве» осталась — в лице трех молодых депутатов, лидеров «Поколения свободы» (В. Коптев-Дворников, В. Семенов, А. Баранников). По слухам, эта молодежная организация создавалась на деньги шоу-бизнеса и в числе прочего проповедует свободу однополой любви.

Схема принятия решений: замыкается на Кремль. Внутрифракционная демократия почти отсутствует. Позиция «медвежьих» депутатов вырабатывается на встречах руководителя фракции Б. Грызлова (кстати, знакомого В. Путина еще по Питеру) и зам. главы администрации В. Суркова. Иногда в консультациях участвует лидер «Единства» С. Шойгу.

Перспективы: зависят от воли Кремля и готовности депутатов «Единства» играть роль лояльной фракции (а только в этом качестве она нужна отцам основателям). Не исключено, что «Медведь» не захочет оставаться вечно ручным и начнет показывать зубки своему дрессировщику. Тогда его ждет печальная судьба предшественника — НДР. Впрочем, у «Единства» есть шанс превратиться в нормальную правоцентристскую партию, которая станет основой будущей двухпартийной системы власти в России.

И последнее: Можно предположить, что союз «Единства» с коммунистами не станет долговечным. Он развалится, как только Дума начнет решать принципиальные вопросы — принимать Земельный кодекс, Закон о государственной символике (гербе, гимне), ратифицировать договор СНВ-2.

Что отличает данный материал от аналитических публикаций иных жанров? Во-первых, предмет отображения. Таким предметом в нем выступает так называемое массовидное явление — новое политическое движение в послевыборный период своего развития. Во-вторых, цель публикации, которая заключается в том, чтобы дать аудитории краткую, но достаточно всеобъемлющую (многоаспектную), теоретически

выверенную характеристику нового феномена. В-третьих, методы получения информации (ими стали, судя по всему, методы социологического исследования, из которого сделана «выжимка»). В данном материале активнейшим образом использована группировка данных, статистика, характеризующая наиболее важные стороны нового политического феномена. Однако, при всем при этом, данная публикация не является (в представленном виде) научной публикацией (какой может быть публикация того исследования, на основе которого создано резюме, в его полном виде).

Резюме дает адаптированное к информационным ожиданиям аудитории газеты изложение результатов научного исследования, причем в нем часто не указывается, какими методами оно осуществлялось (что присуще и данному резюме), насколько сложным было по содержанию. Можно заметить, что социологическое резюме в какой-то степени приближается к научно-популярным жанрам. Однако научно-популярное выступление служит пропаганде научных достижений, но не целям выяснения расстановки политических сил или характеристике какой-то политической силы (что, например, является целью проанализированной публикации). По степени своей «развернутости», сложности конкретные резюме могут значительно отличаться одно от другого. Но это все же не мешает объединению их в единую жанровую группу.

[в начало](#)

АНКЕТА

В журналистике наряду с такими методами сбора информации, как наблюдение, интервьюирование, опрос и пр., применяется метод анкетирования. Данный метод пришел в журналистику из социологии и применяется для получения сведений по определенным вопросам от широкого круга людей. В результате обработки данных анкетирования создаются публикации, обладающие своеобразными чертами, позволяющими объединить их (публикации) в самостоятельную жанровую группу.

Название этого жанра может быть образовано от названия метода получения информации, выступающего главным жанрообразующим фактором. Иначе говоря, этот жанр может быть назван «анкетой» по образцу жанра «интервью», тоже получившему свое название от наименования соответствующего метода.

Анкетирование дает в распоряжение журналиста достаточно сложный и разнообразный материал. Такой характер его объясняется, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что анкета, как правило, включает в себя достаточно много разных вопросов, нацеленных на выяснение тех или иных сторон явления, которое становится центром внимания анкетируемых. При этом организатора анкетирования (или журналиста) могут интересовать как характеристики самого предмета (т.е. сведения о сущности предмета, его количественных и качественных характеристиках), так и отношение анкетируемых лиц к тому предмету, который они рассматривают.

Во-вторых, в результате анкетирования журналист получает множество ответов на каждый из нескольких (порой десятков) вопросов. В итоге создается большой объем разнообразной информации, которая требует своего упорядочения. Именно в ходе этого упорядочения и возникает оригинальное по содержанию и структуре конкретное журналистское произведение.

Из публикации «Дикий запад»

(Вечерняя Москва. 1999)

«Вечерняя Москва» регулярно проводит в столичных школах анкетирование и опросы на разные волнующие темы. Сейчас весь мир следит за трагическими событиями в Югославии. Ученикам 8-го «А» класса школы № 1233 они также далеко не безразличны. Подтверждение тому ответы двадцати трех ребят на следующие вопросы «ВМ»:

1. Из-за чего самолеты НАТО начали бомбить Югославию?
2. Кто прав, а кто виноват в этой войне?
3. Задела ли ситуация на Балканах вас лично?
4. Пошли бы вы сражаться на эту войну, а если да, то на чьей стороне?
5. Изменилось ли ваше отношение к США в связи с военной операцией на Балканах?

6. Как вы оцениваете позицию России?

7. Стоят ли так называемые принципы государств — членов НАТО человеческих жертв?

Далее излагается основной материал.

«Американцы вытерли ноги о югославцев»

Если не считать одного экстравагантного мнения, согласно которому война началась из-за того, что раньше Югославия была территорией США и теперь американцы хотят возвратить ее себе, в целом восьмиклассники проявили в первом вопросе солидную осведомленность. Девять ребят причиной войны назвали конфликт между сербами и косовскими албанцами, в котором страны блока приняли албанскую сторону. Шестеро восьмиклассников убеждены в другом. «Мне кажется, что США хотят испробовать свое усовершенствованное войско и оружие на слабой стране, где этот вид промышленности очень слабо развит, а потом перейти на более сильную страну»; «НАТО нападает, а Югославия защищается. Америка искала козла отпущения и причину для нападения. С таким же успехом они могли напасть и на Россию из-за Чечни»; «Мне кажется, что Америка лезет не в свое дело. Она думает, что она самая главная в мире. Видимо, американцев что-то не устроило в Югославии и они вмешались в гражданскую войну, хотя никакого права на это не имели»; «Кто-то из властей Америки захотел еще большей власти в мире. И этот кто-то начал с наименее сильной страны»; «Американцы всегда считали себя самыми крутыми»; «Америка хочет показать свою силу и доказать, что она есть жандарм мира. Еще Америка хочет развязать ядерную войну и использует Югославию как полигон для испытания оружия, по силе почти равного ядерному».

Четыре восьмиклассника ответили на первый вопрос приблизительно так: «Президент Югославии Милошевич не захотел, чтобы на территорию его страны были введены натовские войска, а это не понравилось Америке и она начала бомбить Югославию».

А вот еще одно эмоциональное мнение: «Американцы вытерли ноги об югославцев».

Сила есть, ума не надо.

Кто виноват и кто прав в войне между НАТО и Югославией?

Ответы на второй вопрос анкеты разделились таким образом: 13 восьмиклассников категорически обвиняют в войне НАТО и Америку. 3 ученика, наоборот, их считают правыми, а оставшиеся 7 человек считают, что в этой войне нет правых и виноваты обе стороны.

«Зачем применять силу? После бомбовых ударов конфликт только обострился. Сколько пострадало мирных жителей! Сколько беженцев! Македония уже не в состоянии принять всех бегущих от войны...»; «Америка обвиняет Югославию в кровопролитии, а сама убивает мирных жителей. США пришли в чужую страну и развязали войну»; «Америка не имеет права вмешиваться во внутренние дела Югославии»; «Это территория Югославии, и американцы не имеют права ее бомбить»; «США, конечно, виноваты».

Оставили бы они Югославию в покое, всем было бы только лучше. А то еще Россия туда вмешается, если не вмешалась»; «Теперь уже никто не поверит в цивилизованность Америки. Она бомбит ни в чем не повинных мирных жителей»; «В конце XX века решать политические вопросы таким доисторическим способом — проливать кровь невинных людей! Нет, Америка не права!»; «США однозначно виноваты, они развязали войну, втянув в нее и ряд европейских стран»; «Наглость из Америки так и прет!»

Теперь прислушаемся к сторонникам НАТО и Америки, у них тоже есть свои аргументы: «Американцы правы, потому что они преуспевают всегда и везде»; «Мне кажется, что правы американцы, они предупреждали югославов, те отказались».

Третья группа — «взвешенные» восьмиклассники — высказывается следующим образом: «США от имени НАТО действует по принципу «сила есть, ума не надо», а Югославия, вернее Милошевич, просто глупо и упрямо не соглашается на переговоры»; «Обе стороны не правы. Югославия могла бы пойти на уступки и прекратить гражданскую войну. А Америка могла бы не начинать эту войну, а попробовать решить эту проблему другим способом»; «В этой войне правых нет, есть только жертвы и агрессоры. Действия США и НАТО нарушают устав ООН о международном праве. Действия Милошевича тоже нельзя назвать правильными, так как он никого не слушает»;

«Правых в этой войне нет. Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы гибли невинные люди, вне зависимости от национальности».

Обидно, что с мнением России не считаются.

Только одну девочку из 8-го «А» война на Балканах никак не задела. Остальные двадцать

два ее одноклассника не скрывали своей тревоги, озабоченности. «Возмущаюсь не-

дальновидной позицией НАТО. Значит, за любое несогласие можно идти войной на любое

государство?»; «Я эту войну еще не понимаю, но почему-то я ее боюсь»; «Чувствую себя

задетым, потому что все люди братья»; «Мы с Югославией одна семья, поэтому мне за нее

больно»; «Россия будет помогать Югославии, и прольется кровь русских солдат»; «Жалко

невинных людей, но разве можно что-то сделать?»; «Югославы тоже славяне, тоже

православные, и вообще так американцы и до нас доберутся, если вовремя их не поставить

на место»...

Многие ребята считают, что балканский кризис рано или поздно коснется России, и очень переживают по этому поводу. В ответах сквозит обида за державу: «Особенно задевает то, что с мнением России не считаются!»; «Если Америка навязывает свою волю одной стране, то почему это не может произойти с Россией? И разве можно принять то, что более сильный без всякого на то права командует более слабым?»

Лучший из всех, наверное, этот ответ: «Поскольку я живу на этой планете, то меня волнует все, что на ней происходит».

В данном отрывке — примерно половина текста журналистки Марины Мацкевичене, но и он дает возможность судить о публикации как об особом жанре печати, который мы обозначили именем «анкеты». В чем своеобразие представленной публикации?

Во-первых, она представляет собой совокупность мнений разных людей по важным, с точки зрения составителя анкеты и журналиста, вопросам. И в этом плане публикация является не чем иным, как комментарием, но комментарием достаточно своеобразным, поскольку свое мнение высказывают двадцать три человека (т.е. это «массовый комментарий»).

Во-вторых, публикация имеет сложную и своеобразную структуру. Она состоит из энтилем (так в логике определяются сокращенные формы умозаключений, которые обычно применяются в повседневном обыденном мышлении), иначе говоря — логических отрезков, каждый из которых содержит ряд высказываний «реципиентов» (т.е. ответов школьников на вопросы анкеты), и эти ответы служат либо аргументами в пользу какого-то тезиса, либо посылками, из которых вытекают определенные умозаключения. И тезисы и умозаключения едины в одном, а именно в том, что они являются суждениями самой журналистки. Таким образом, из отдельных энтилем создается цепь силлогизмов, возникает то, что называется доказательным рассуждением. А это уже — свидетельство осмысления предмета отображения (войны в Югославии), его причинно-следственный, оценочный анализ, что и позволяет относить данную публикацию к аналитическим жанрам (и в частности — к жанру «анкеты»).

Публикации в жанре «анкеты» в настоящее время появляются на страницах многих газет и журналов («Независимой газеты», «Литературной газеты», «Вечерней Москвы» и т.д.). Популярность этого, относительно трудного с точки зрения подготовки жанра объясняется тем, что он позволяет удовлетворять потребность аудитории в знании того, как реагируют на те или иные общественные ситуации, процессы, явления определенные социальные группы, поскольку именно такое знание позволяет выбирать правильные ориентиры в собственном поведении и оценке действительности.

[в начало](#)

МОНИТОРИНГ

Тип публикаций, появляющихся на страницах современной периодической печати под рубрикой «мониторинг», получил свое название от активно используемого в настоящее время при изучении процессов, протекающих в обществе, одноименного вида социологического исследования. Мониторингом называется определенное «слежение» за каким-либо явлением, систематически повторяющийся «замер» одних и тех же параметров в определенной сфере деятельности. Предметом мониторинга выступают конкретные характеристики (выбор их зависит от цели мониторинга) различных явлений непосредственно в момент исследования.

В ходе мониторинга активно применяются разные методы, особенно статистические, контент-анализ (например, подсчитывается, сколько раз на протяжении определенного времени на страницах какой-то газеты появляется имя определенного политика) и т.д. Мониторинг дает возможность увидеть, так сказать, «срез» какого-то явления, прежде всего в виде совокупности статистических данных, которые «обнаруживают» сиюминутную тенденцию развития этого явления. Указанные особенности предмета, цели, методов отображения действительности при подготовке публикаций, определяемых понятием «мониторинг», и становятся основой, определяющей характер этих публикаций как «представителей» самостоятельного жанра журналистики.

Из рубрики «Мониторинг»

(**Мир за неделю. № 12. 1990**)

На 16 ноября количество упоминаний политических персон и партий в центральной прессе, занесенных в базу данных Отдела мониторинга центральных СМИ, достигло 40 189. На долю «Трибуны» приходится 1170 записей, что составляет 2,9% от общего количества упоминаний политиков и партий в центральной прессе.

Рейтинг партий по количеству упоминаний на страницах «Трибуны» выглядит следующим образом: в центре внимания оказалось «Единство» с 34 упоминаниями (18,1% от общего числа упоминаний партий на страницах газеты), из которых 7 поданы негативно, 5 — позитивно и 22 — нейтрально окрашены. Далее, в порядке убывания по количеству упоминаний, следуют: ОВР с 28 упоминаниями, или 14,9% от общего количества упоминаний партий на страницах «Трибуны», из которых 2 — негативных, а 9 — позитивных; КПРФ — 21 упоминание (9,6%), из которых 5 — негативных и лишь одно — позитивное; 16 упоминаний — у «Отечества». У остальных партий и движений — менее 15 упоминаний.

Из политических персон чаще всего на страницах газеты упоминаются Борис Ельцин (88 раз), Владимир Путин (57), Борис Березовский (42), Юрий Лужков (38), Сергей Степашин (31). У трех из них идет преобладание негативной составляющей над позитивной. Особенно здесь выделяются Ельцин с 49 негативными упоминаниями (что составляет более половины всех упоминаний о нем в газете) и Березовский (27 из 42 и к тому же ни одного позитивного).

Если в прессе в целом за отслеживаемый период нейтральной информации — 71%,

негативной — 20%, а позитивной 9%, то для «Трибуны» эти позиции распределились как

53, 35, 12%.

*Отдел мониторинга центральных СМИ
исследований по заказу газеты «Мир за неделю».*

Центра региональных прикладных

Нетрудно заметить, что данная публикация по своим характеристикам напоминает так называемую событийную заметку, излагающую какие-то итоги (об этом речь шла в главе 2). Однако «мониторинг» отличается от такой заметки как высокой степенью

«развернутости» содержащихся в нем сведений, так и специфическим характером этих сведений. Специфичность эта заключается в том, что они представляют собой результаты социологических исследований, проводимых по особой, научно обоснованной методике.

Кроме того, такие сведения обычно подаются в определенных соотношениях, они сравниваются, обобщаются, оцениваются. То есть в тексте превалирует не фактографическое, а аналитическое начало. Так, в представленном выше тексте присутствует ярко выраженный статистический анализ «пребывания» разных политических партий и персон на страницах прессы.

Именно нацеленность мониторинга на изучение определенного состояния какого-то явления и позволяет относить такого типа материалы к исследовательским, аналитическим жанрам.

Поскольку мониторинг является достаточно трудоемким и требующим специальной социологической подготовки видом исследования действительности, то квалифицированно проводить его могут, разумеется, прежде всего социологи. Тем не менее и журналисты также принимают участие в таких исследованиях. Но в основном им приходится выполнять при подготовке мониторинга для своего издания прежде всего редакторские функции.

[в начало](#)

РЕЙТИНГ

Название данного жанра происходит от английского «rating», что переводится как «оценка», «классификация». Основным жанрообразующим фактором, определяющим своеобразие публикаций периодической печати, относимых к жанру рейтинга, выступает целевая установка. Цель публикации подобного рода заключается в том, чтобы осуществить определенную «ранжировку» сходных явлений по какому-то конкретному признаку. Эта цель достигается прежде всего за счет применения традиционных методов — аналогии и сравнения. Явления, относительно которых составляются рейтинги, относятся к самым разным сферам деятельности — экономике, финансам, политике, культурной жизни, спорту и т.д. Рейтинги часто публикуются как в специализированных, так и в общественно-политических изданиях. Их можно встретить на страницах газет и журналов, в теле- и радиопередачах. Популярность такого жанра объясняется тем, что аудитория СМИ хочет знать приоритеты, существующие на сегодняшний день в той или иной важной для них сфере. Избирателям, например, важно знать, какой политический деятель лидирует, какой является аутсайдером политической жизни. Вкладчикам важно знать, какие банки наиболее надежны, какие могут «рухнуть». Любители музыки стремятся узнать, скажем, какая музыкальная группа пользуется наибольшей популярностью у населения. И т.д.

Рейтинг — понятие, появившееся на страницах отечественных периодических изданий в период перестройки, в начале 90-х гг. Но это отнюдь не значит, что российская пресса не публиковала раньше нечто подобное современному рейтингу. В советской прессе ему предшествовали, например, публикации, посвященные социалистическому соревнованию. Те же, к примеру, сельскохозяйственные сводки, распределявшие места, занятые, скажем, в соревнованиях по севу зерновых культур, постоянно присутствовавшие на страницах многих районных и областных газет, были по сути дела ничем иным, как рейтингами.

Другое дело, что рейтинг в настоящее время «проник» в самые разные сферы, в том числе и туда, где говорить о каких-то сравнениях публично было просто невозможно, в частности — в политику и пр. Сейчас рейтинги подобного рода практически не сходят с полос изданий.

Из публикации «Самая стильная — "старая гвардия"»

(АиФ. № 19. 1998)

XI церемония вручения «Ники» и другие, менее престижные, но не менее приятные шоу дали возможность звездам «прогулять» свои вечерние туалеты, а нам обсудить их умение одеваться.

Церемонию вручения «Ники» с полным правом можно назвать самым «серым» телезрелищем месяца. Плачевное состояние нашего кинематографа отразилось и на шоу. Создается впечатление, что всех приглашенных предупредили, что церемония все-таки

состоится, буквально в последний момент и они надели то, что висело в шкафу и могло быть названо «выходным костюмом». Кстати, мужчины, которые в этот вечер собирались в зале или поднимались на сцену, выглядели более элегантными, чем их дамы.

«Старая гвардия» — актеры поколения 30-50-х годов — в умении выглядеть дали сто очков вперед всем современным красавцам иекс-символам. Пара Зельдин-Ладынина стала самой элегантной парой месяца. Он — в безукоризненном смокинге с красной бабочкой (один из немногих, решивших надеть яркий аксессуар), с ухоженными волосами и усами. Она — с маникюром и идеальным макияжем, отличной укладкой, в длинной юбке, на каблуках.

Великолепно смотрелась и вышедшая вручать «Нику» в одной из номинаций поэтессы Белла Ахмадулина - маленькое черное болеро и узенькие брючки, аккуратно причесанная головка, точеная фигурка делали ее похожей на изящную статуэтку эbonитового дерева. И звание «Самая элегантная женщина месяца» принадлежит ей по праву. Ну а оперную приму Галину Вишневскую, гостью «Субботнего вечера» у Урмаса Отта, можно назвать просто — «Королева месяца». Прямая спина, прическа — волосок к волоску, красивые жесты, элегантное платье (которое, по ее признанию, она сама себе никогда не покупает - все это подарки Ростроповича).

Дмитрий Дибров дебютировал в роли нового ведущего «Старого телевизора». Он проделал обратный путь от классического ведущего, чей костюм был продуман от галстука до ботинок, к «неформалу». Сперва он освободился от галстука, затем — от костюма, потом заимел милые кудряшки (с которыми ранее безжалостно боролся), свитерочек и рубашку в сеточку (на молнии — авангард!). На этом пути он заметно посвежел, но подрастерял свой имидж, свой истинно мужской шарм.

Михаил Шуфутинский, сражавшийся на «Музыкальном ринге» с блистательной Лаймой, победил в номинации «Самый неудачный концертный костюм». Для звезды того уровня, на который претендует господин Шуфутинский, одевается он слишком «дешево». Не в смысле цены, а в смысле безвкусицы. Ярко-желтый костюм и черная прозрачная рубашка стареющему мужчине ни сексуальности, ни элегантности, ни шарма какого-то нечеловеческого не дали.

Бывает, что элегантность из плюса превращается в минус, как в случае с Артуром Крупениным, который теперь ведет новое ток-шоу «Один дома». Он стал «Самым сладким мужчиной апреля». И костюм всегда дорогой, и платок шелковый всегда на шее, и платочек-паше в кармашке ему в тон, и прическа — шик, и гамма продумана до малейших оттенков. Но все вместе это вызывает чувства, что все это — напоказ, чтобы все им полюбовались любимым.

Вот Ален Делон прилетел в Красноярск: пальто внакидку, без галстука, волосы на ветру

растрапаны, но смотришь на него и понимаешь — какой мужчина! А ведь он оттуда же, из «старой киногвардии», только французской.

Звезд оценивали Юлия Шигарева, стилисты Московского клуба визажистов Наталия Черкасова, Лариса Выборнова.

Представленный выше рейтинг условно можно назвать «простым», поскольку он не требует особо тщательных измерений, использования математических методов и т.д., в отличие рейтингов «сложных», в основе которых часто лежат серьезные научные исследования, на которые и опираются эксперты, осуществляющие классификацию (оценку) интересующих их явлений. Такие рейтинги могут включать в себя как качественные, так и статистические показатели и быть достаточно сложными для восприятия обычного читателя (да и рассчитываются такие публикации на ту часть аудитории, которая обладает специальной подготовкой в той сфере, к которой относится рейтинг).

Рейтинги в периодической печати различаются и по своему объему. Они могут быть размером в десять-двадцать строк, а могут занимать и целую газетную полосу или даже больше (см., например, публикацию «Горячая осень. Итоги» под рубрикой «Рейтинг предвыборных PR-

мероприятий» в журнале «Компания» за 27 декабря 1999 г.). Надо заметить, что рейтинг стал очень важным средством манипулирования массовым сознанием в предвыборной борьбе. Показывая, как растет рейтинг того или иного претендента на место в Госдуму или президентское кресло, СМИ тем самым подталкивают психологически неустойчивых или политически не определившихся избирателей к поддержке данного претендента, к голосованию за него.

Естественно, что подобное воздействие публикация рейтингов оказывает и в других сферах (например, любители спорта хотят увидеть того спортсмена, который является в данный момент лидером. Любители музыки под воздействием рейтинга больше покупают музыкальных дисков певца, объявленного лучшим в этом сезоне и т.д. и т.п.). То есть рейтинг в известной мере выступает как рекламный текст. Но отождествлять рейтинг с рекламой было бы неправильно. Ведь рейтинг в отличие от рекламы не пытается непременно навязать аудитории свой товар. Рейтинг печатается один раз, а реклама может появляться на одном и том же месте (например, в газете) ежедневно или в течение длительного промежутка времени. Реклама пропагандирует товар, пока он производится, а рейтинги (например, разных политических деятелей) могут быстро изменяться (кто был на первом месте, может оказаться на последнем и т.д.).

На чем основывается отнесение рейтинга к аналитическим жанрам? Во-первых, на том, что «ранжировка» явлений, осуществляемая в ходе составления рейтинга, представляет собой не что иное, как их сравнительный анализ. В ходе этого анализа исследуются разные стороны явлений, прогнозируется их развитие и т.д. В результате появляется материал, обладающий своеобразными и четкими характеристиками, о которых мы уже говорили выше.

Составление рейтингов — дело ответственное. Поэтому занимаются ими в первую очередь люди, которые обладают специальными знаниями, необходимым объемом оперативной информации в соответствующей сфере деятельности и постоянно следят за ходом дел в ней. Серьезные рейтинги, как правило, составляются не отдельными специалистами, а экспертными группами или соответствующими центрами и институтами.

Глава 3. ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ (часть II)

- ★ [Рецензия](#)
- ★ [Статья](#)
- ★ [Журналистское расследование](#)
- ★ [Обозрение](#)
- ★ [Обзор СМИ](#)
- ★ [Прогноз](#)
- ★ [Версия](#)
- ★ [Эксперимент](#)
- ★ [Письмо](#)
- ★ [Исповедь](#)
- ★ [Рекомендация \(совет\)](#)
- ★ [Аналитический пресс-релиз](#)

РЕЦЕНЗИЯ

Слово «рецензия» латинского происхождения («recensio») и в переводе означает «просмотр, сообщение, оценка, отзыв о чем-либо». Можно сказать, что рецензия — это жанр, основу которого составляет отзыв (прежде всего — критический) о произведении художественной литературы, искусства, науки, журналистики и т.п.^{20[1]} В какой бы форме ни был дан такой отзыв, суть его — выразить отношение рецензента к исследуемому произведению. Отличие рецензии от других газетных жанров состоит прежде всего в том, что предметом рецензии выступают не непосредственные факты действительности, на которых основаны очерки, корреспонденции,

зарисовки, репортажи и т.п., а информационные явления — книги, брошюры, спектакли, кинофильмы, телепередачи.

Рецензия, как правило, рассматривает одно-два произведения и дает им соответствующую оценку, не ставя перед собой других, более сложных задач. В том же случае, когда журналист на основе глубокого анализа произведения выдвигает какие-то общественно значимые проблемы, его произведение будет скорее не рецензией, а литературно-критической статьей, обозрением или искусствоведческим исследованием (вспомним статьи «Что такое обломовщина?» Н. Добролюбова, «Базаров» Д. Писарева).

Вопрос о том, что рецензировать, имеет первостепенное значение для автора. Ясно, что охватить своим вниманием все явления культурной или научной жизни рецензент просто не в силах, да это и невозможно из-за ограниченных возможностей СМИ. Поэтому рецензируются в основном наиболее выдающиеся спектакли, книги, фильмы, в том числе и «скандальные», т.е. задевшие чем-то внимание публики произведения. Рецензия, разумеется, должна преследовать какую-то важную цель — рассказать аудитории о том, что действительно заслуживает ее внимания, и о том, что внимания ее недостойно, помочь ей лучше разбираться в вопросах той сферы, которой касается рецензируемое произведение.

Рецензия должна быть ясной по содержанию и форме, доступной для адресатов разной категории читателей, слушателей, зрителей. Для этого рецензенту надо глубоко изучить рецензируемое произведение, учитывая те принципы и правила, которыми руководствовался писатель, ученый или художник, уметь использовать методы анализа и свободно владеть языком рецензируемого произведения.

Но основная задача рецензента — увидеть в рецензируемом произведении то, что незаметно непосвященному. А это трудно сделать, не обладая специальными знаниями в определенной сфере деятельности (литературе, театральной жизни, искусстве и пр.). Эти знания не может заменить обычный жизненный опыт или интуиция. Чем большим запасом специальных знаний обладает журналист, тем больше у него шансов подготовить действительно профессиональную рецензию.

Основу рецензии составляет анализ, поэтому необходимо, чтобы он был всесторонним, объективным. Автор рецензии должен уметь заметить в анализируемом произведении то новое, что может стать «центром», вокруг которого будут «вращаться» его мысли, его суждения. Очень часто рецензенты сосредоточивают свое внимание на пересказе сюжетных линий произведения, поступках персонажей. Это не должно быть самоцелью. Только в том случае, если такой пересказ органично вплетен в канву анализа, он становится оправданным. Особенно неудачным такой путь рецензирования будет тогда, когда аудитория хорошо знает произведение, о котором идет речь.

В современной прессе наиболее распространены рецензии, авторы которых разбирают только какую-то одну сторону произведения, например только тему или только мастерство автора, или исполнителей, или работу режиссера и т.п.

Из публикации Антона Степанова «Зритель Наумова жив»
(Новая газета. № 5. 1999)

В Доме кино состоялась премьера фильма классика отечественного кино режиссера Владимира Наумова «Тайна Нардо, или Сон белой собаки», снятого по сценарию Тонино Гуэрры, Владимира Наумова и Григория Кущнира. Помещенный в перегруженное метаморфозами пространство криминальный сюжет об убийстве крупного политического и финансового деятеля, расследованием которого занялась убитая горем вдова (этую роль, естественно, играет Наталья Белохвостикова), не является в фильме главным. Владимиру Наумову было важно вместить в картину художественные рефлексии о бренности бытия, нескончаемое количество цитат из своих же с Аловым фильмов, перемешать времена и стили, а также выдать множество загадочных символов, связанных с собственным творчеством и кинематографом Федерико Феллини, к последователям которого Наумов причислен. Философским лейтмотивом фильма можно считать классическую и вполне простодушную мысль о том, что человечество — это слепцы, обреченные на гибель. Библейская притча непременно проиллюстрирована брейгелевскими «Слепыми» из давнего фильма Наумова о Тиле Уленшпигеле. Из кинофильма «Белый праздник» режиссер переместил сюда персонаж Армена Джигарханяна, получившего все полномочия киллера и вполне кинематографическую кличку Ворошиловский стрелок.

В первых кадрах фильма появляется Иннокентий Смоктуновский, сыгравший в предыдущей картине Наумова, — режиссер использовал старые съемки. Персонаж Смоктуновского впоследствии перевоплощается в Леонардо да Винчи (в этой роли, разумеется, снимается другой актер). Персонаж по имени Нардо — из записок Леонардо да Винчи, который и становится в фильме обобщающим, зашифрованным образом художника, живущего в пространствах разных времен. Уютнее всего он чувствует себя, конечно, в эпохе Возрождения. В сегодняшнем хаосе он — бомж, молчаливый философ, знающий ответы на все вопросы, но никому не раскрывший своей тайны. У него есть белая собака, которой он приделывает бумажные крылья. Беспомощное животное пытается взлететь, как какой-то перепончатый птеродактиль, но усилия эти тщетны, поэтому ему приходится ограничиться перебежками по символическим просторам. Вероятно, это образ несбыточной мечты, а возможно, и призрачной Музы, может даже, что эта сюрреалистическая собачка является неким материализованным идеалом, который существует в сознании художника и который ему виятен, но недостижим для простого смертного. Есть здесь и знаменитый Дом на набережной с его безумными, деградирующими обитателями, есть рельсы, проложенные на первом этаже Дома и ведущие в никуда. Есть эпизод, в котором Леонардо да Винчи беседует с Питером Брейгелем на могиле Федерико Феллини, часы без стрелок, картины Босха, заснеженные поля и баня, где все ходят в пальто с зонтиками и мобильными телефонами... Одним словом - это Сон белой собаки, как сказано в названии.

Фильм получился длинным, тягучим и подробным. Персонажи, похожие на призраки, как и положено во сне, передвигаются медленно, будто перетекают из одного эпизода в другой. Скрупулезно выстроенный каждый кадр — многозначительный символ, пробиться к смыслу которого весьма нелегко. Самоцитирование режиссера только затрудняет догадки. Картина смотрится архаичной и громоздкой, как паровоз, пробивающий в одном из эпизодов фильма стену Дома на набережной. Однако наверняка и у него найдутся зрители, которым такой кинематограф близок и виятен. Так что Владимиру Наумову, к счастью, пока не придется повторить печальную фразу великого Феллини: «Мой зритель умер».

Вполне очевидно, что автор этой публикации А. Степанов сосредоточил свое внимание на режиссерской работе рецензируемого им фильма. Однако авторы вполне могут и расширять предмет своего исследования и рассматривать в комплексе совокупность проблем, связанных с обсуждаемыми ими произведениями, в том числе и выходящих за рамки содержания рецензируемых текстов.

Уместно вспомнить положение В. Г. Белинского: «Каждое произведение искусства непременно должно рассматриваться в отношении к эпохе, к исторической современности и в отношении художника к обществу; рассмотрение его жизни, характера также может служить часто уяснению его создания. С другой стороны, невозможно упускать из виду и собственно эстетических требований искусства. Скажем более: определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики».

И действительно, искусственное сужение рамок анализа в ряде случаев резко снижает общественный вес рецензии. При подготовке публикации рецензент может активно привлекать элементы исторического, психологического, социологического анализа, что, несомненно, сделает его выступление более актуальным, более весомым.

Независимо от того, каким путем идет рецензент, основу его выступления будет составлять какая-то вполне определенная мысль (идея). Поэтому рецензия в известном смысле — это доказательное рассуждение, аргументирование главной идеи автора. В основе этого рассуждения лежит схема внешней оценки, о которой уже говорилось в начале этой книги. Напомним, что внешняя оценка строится по типу следующего высказывания: «**B** хорошо потому, что помогает достичь **D**» или «**B** плохо потому, что рождает **D**».

Рассуждая о произведении художника или писателя, рецензент может оценить его как хорошее или плохое, опираясь на определенные следствия, которые имеет такое произведение. Эти следствия могут быть самыми разными, например: создание неправильного представления о реальности, формирование у читателя, зрителя дурного вкуса, возбуждение низменных

интересов и т.д. Все такие следствия и есть то самое «D», которое присутствует в логической схеме внешней оценки.

Первую часть внешней оценки («B хорошо...») в логическом плане выступает тезисом рецензии — его еще могут называть главным тезисом, что является вполне оправданным, если рассуждение имеет достаточно сложную форму и включает в себя некие дополнительные (второстепенные) тезисы. Содержание тезисов — это результат того исследования, которое провел автор рецензии. Одновременно в них отражается и мировоззрение автора, и его осведомленность в данной проблематике, понимание ее. Не все тезисы обычно развернуты, наполнены новым смыслом, не все они могут даже восприниматься как тезисы, поскольку в тексте есть главный тезис, на который все остальные «работают». В силу этого дополнительные тезисы могут выступать в роли аргументов по отношению к главному.

Вторую часть внешней оценки, лежащей в основе рецензии («...потому, что помогает достичь D»), называют аргументацией в пользу главного тезиса рецензии. Обоснованность главного тезиса зависит от полноты, достаточности, достоверности аргументации. Что же может быть аргументом в рецензии? Это — знания, опыт, жизненные наблюдения автора; содержание рецензируемого произведения, отрывки из него и его форма, отношение к этому произведению других людей, специалистов, экспертов; логические следствия публикации произведения.

Если взглянуть, скажем, на представленную выше рецензию «Зритель Наумова жив» с точки зрения ее логического построения, то можно сказать, что главным тезисом ее является суждение: «Картина смотрится архаичной и громоздкой, как паровоз, пробивающий в одном из эпизодов фильма стену Дома на набережной».

А в качестве аргументов, «работающих» на эту главную мысль, в рецензии выступают описания различных фрагментов фильма, его режиссерского решения, впечатлений самого автора, связанных с просмотром фильма.

Излагая и обосновывая свою точку зрения (главный тезис), авторы часто стремятся привести как можно больше иллюстративного материала (аргументов). Казалось бы, это очень хорошо — чем богаче иллюстрации, тем обоснованнее идеи автора, тем интереснее сама рецензия. На самом же деле чрезмерное увлечение иллюстрациями способно нанести вред рецензии, поскольку они могут «затмить» те идеи, которые автор намеревался донести до аудитории. Нередко авторы совершают в ходе подготовки рецензии и другие логические ошибки.

Так, рассматриваемая рецензия А. Степанова заканчивается выводом, который перечеркивает все рассуждения рецензента и делает их ненужными. Звучит он так: «Однако, наверняка, и у нее (у кинокартины, — А. Т.) найдутся зрители, которым такой кинематограф близок и внятен. Так что Владимиру Наумову, к счастью, пока не придется повторить печальную фразу великого Феллини: «Мой зритель умер».

Эту мысль, но в более лаконичной форме автор выносит в заголовок материала, тем самым подчеркивая, что она является главной в его произведении.

Возможно, что это важная для А. Степанова мысль и что она отражает реальные возможности фильма. Но ведь она никак не следует из предложенной рецензии. А кроме того, если исходить из убежденности в том, что у любого фильма может найтись зритель (а это вполне возможно), то каков смысл в опубликовании рецензий (в том числе и данной рецензии?). Если же следовать логике доказательного рассуждения, которое является достаточно стройным вплоть до последнего абзаца (который приведен последним), то из него вытекает иной (но действительно обоснованный) заголовок (главная мысль) рецензии. Он может звучать примерно так: «Фильм получился неудачным».

Публикуемые в периодической печати рецензии могут быть объединены в определенные типологические группы по тем или иным основаниям. Вот примеры такой типологии:

1. По объему рецензии можно разделить на два типа: большие (гранд-рецензии) и маленькие (мини-рецензии). Большая, развернутая рецензия — «гвоздь» газетного или журнального номера — прерогатива прежде всего специализированных изданий. Большой объем дает автору возможность достаточно глубоко и всесторонне охватить исследуемую тему. Такие рецензии

обычно готовят маститые критики, обладающие авторитетом у публики, имеющие устойчивые общественно-политические и философско-нравственные взгляды.

Мини-рецензии распространены в настоящее время гораздо шире, чем развернутые. Объемом обычно до полутора машинописных страниц, такая рецензия может быть отнесена и в разряд информационных жанров, если содержание ее представляет собой всего лишь краткое извещение автором читателя о своих впечатлениях от увиденного фильма или прочитанной книги и не содержит обоснования их (этих впечатлений), анализа различных аспектов предмета отображения. Если же мини-рецензия представляет собой сжатый, насыщенный, аргументированный анализ того или иного произведения, то ее следует отнести к аналитическим жанрам. Разумеется, малый объем не позволяет автору развернуться, не оставляет места для отступлений, личных впечатлений, воспоминаний — всего того, что в гранд-рецензии служит прежде всего средством «предъявления» личности пишущего. В мини-рецензии мысль критика должна быть краткой, емкой, максимально точной.

Именно при этом условии небольшая рецензия прочитывается аудиторией, как говорится, на едином дыхании.

2. По числу анализируемых произведений все рецензии можно разделить на монорецензии и полирецензии. В публикациях первого типа анализируется одно произведение, хотя автор, разумеется, может производить какие-то сравнения и с этой целью упоминать другие произведения. Но объем сравнительного материала в монорецензии очень небольшой. В полирецензии производится разбор двух или более произведений, они обычно сравниваются одно с другим, и такой разбор занимает довольно большое место. В монорецензиях автор обычно сравнивает анализируемое новое произведение с уже известным аудитории. В полирецензии ведется сравнительный анализ только что созданных произведений, не известных или мало известных аудитории.

3. По теме рецензии делят на литературные, театральные, кинорецензии и т.д. В последнее время наряду с уже хорошо известными публике типами рецензии публикуются рецензии нового типа — рецензии на мультипликационные и неигровые фильмы, телорецензии, рецензии на рекламные и прочие клипы. Это объясняется тем, что значительно вырос объем анимационных и документальных фильмов, телепередач, насыщенных драматическими конфликтами, жизненным содержанием, а также резким ростом рекламной продукции.

Подготовка рецензии того или иного типа предполагает преодоление трудностей разной степени. Одним из самых сложных видов рецензии является кино- и театральная рецензия. Так, если в рецензии на литературное или изобразительное произведение критик имеет дело только с самим этим произведением, мастерством его автора, то в театре, в кино, на телевидении, в концертной деятельности, кроме автора, участвуют режиссеры, актеры, музыканты, оформители и т.д. Работу исполнительского коллектива в целом и каждого автора отдельно и должна оценивать в этом случае рецензия. В подобных работах перед критиком стоит трудная задача — совместить целенаправленный анализ авторского и режиссерского замысла с характеристикой творческого воплощения. Дело усложняется еще больше, когда автор рецензии ставит своей задачей сравнить литературный первоисточник с экранизацией или театральной инсценировкой. Согласовать все три или даже четыре «слоя» такой рецензии (первоисточник, пьесу по нему, режиссерскую интерпретацию пьесы, воплощенную в спектакле, авторское исполнение) бывает очень непросто. Создание хорошей рецензии на произведения синтетических жанров (театра, кино, исполнительского искусства) всегда определяется профессиональным умением критика оценить все стороны работы. Часто успех предопределяется правильным выбором какого-то одного аспекта. Так, например, нет смысла «растекаться мыслью по древу», оценивая содержание пьесы А.С. Грибоедова «Горе от ума», ведь она уже пережила десятки поколений зрителей и ее содержание известно любому школьнику. А вот оценить режиссерский замысел, актерское воплощение этой пьесы, скажем, во МХАТЕ, куда более важно и интересно и для читателя (зрителя), и для авторов самих анализируемых произведений, и для критиков, и для театра вообще.

Однозначного ответа на вопрос: для кого пишутся рецензии? — нет. С одной стороны, критический разбор нужен прежде всего художнику, чтобы помочь ему сравнить свое представление о собственном творчестве с представлением человека со стороны, каковым ему может представляться рецензент. С другой стороны, читатель и зритель тоже хотят разобраться в том, что ему предлагает художник. Как показывает опыт, писать для читателя и зрителя — одно дело, а для автора или для других критиков — другое.

Детальный профессиональный разбор часто бывает неинтересен и непонятен широкой публике. А разбор произведения, ориентированный на широкую публику, может оказаться слишком поверхностным для профессионального критика (да и для автора произведения). Умение писать просто о сложном, интересно и для широкой аудитории, и для критиков, и для авторов анализируемых произведений приобретается только на базе глубоких специальных знаний и опыта критико-популяризаторской работы рецензента.

По мнению многих ведущих деятелей культуры современной России, в последнее время критики не пишут ничего, что рождало бы новые идеи, рецензии часто облечены в жесткую ироничную форму, являются скорее личными опусами, нежели профессиональными публикациями. В то же время авторитет критики достигается прежде всего принципиальным отношением к рецензируемому труду, стремлением к объективному, аргументированному анализу, о чем помнить молодому журналисту необходимо.

[в начало](#)

СТАТЬЯ

Жанр статьи является главным в аналитической журналистике. Понятие «статья» произошло от латинского слова «*articulus*» и означало первоначально то же самое, что и «сустав», «член», «часть Целого». Это объясняет, почему в журналистской практике любая отдельная публикация, будучи частью, например, всего текста газетного номера, может быть названа «статьей». Не случайно также, что, пожалуй, за исключением коротких сообщений, статьями называют огромное число публикаций различных жанров. Но когда речь заходит о вполне определенном жанре «статья» (в узком смысле этого слова), то под ней понимают публикации, анализирующие некие ситуации, процессы, явления, лежащие в их основе закономерные связи с целью определения их политической, экономической или иной значимости и выяснения того, какие позиции следует занять, как себя вести, чтобы поддержать или устраниить такую ситуацию, такой процесс, такое явление.

Еще точнее можно определить статью как жанр, предназначенный прежде всего для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей^{21[2]}. Аналитическое обсуждение предмета в статье должно быть проведено так, чтобы читатели могли, используя публикацию, размышлять далее над интересующими их вопросами. Таким образом, можно говорить об особой функции статьи. Она состоит в том, что статья объясняет читателям как общественную, так и личную значимость актуальных процессов, ситуаций, явлений, их причинно-следственные связи и таким образом инициирует читательские размышления, действия, связанные с предметом отображения в публикации. Кроме того, она обращает внимание аудитории на те задачи, проблемы, которые возникают в связи с описываемыми ситуациями, показывает, какие стратегические или тактические интересы имеются у тех или иных участников этих ситуаций. Удачная статья создает реальное представление об актуальной ситуации, служит основой для выработки идей, импульсов, предваряющих принятие практических мер. «Правильная» статья всегда связана с отображением предмета вполне определенного характера.

Предмет жанра статьи можно увидеть как в тех противоречиях и проблемах, которые содержатся в актуальных ситуациях и процессах, так и в вытекающих из них задачах, в условиях их решения, упорядочения и в связанных с ними тенденциях, перспективах, закономерностях общественного развития.

В настоящее время в прессе существуют относительно устойчивые формы проявления жанра статьи. Основными из них можно считать такие.

ОБЩЕИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

К этой группе относятся публикации, в которых анализируются общезначимые, широкие вопросы. Например, автор такой статьи может вести речь о направлениях политического или экономического развития страны или рассуждать об уровне нравственности, существующем на сегодняшний день в обществе в целом, или о возможности союза церкви и государства, или о взаимоотношениях страны с зарубежными государствами, или о проблемах создания панславянской федерации и т.п.

Подобного рода публикации отличаются высоким уровнем обобщения, глобальностью мышления авторов. Цель общеисследовательской статьи заключается в изучении различных закономерностей, тенденций, перспектив развития современного общества. В практике советской журналистики современной общеисследовательской статье соответствовала теоретико-пропагандистская статья, рассматривавшая те же глобальные проблемы, но с диалектических позиций марксизма-ленинизма.

Из публикации «Интеллигенция и капитализм»

(Русская мысль. № 4283. 1999)

Была, помнится, в начале века такая классическая статья «Интеллигенция и социализм», в которой ставился вопрос о том, как, в каких формах интеллигенция принимает социалистические преобразования и участвует в них. Сейчас настало время рассмотреть противоположный случай: место интеллигенции в капиталистической системной трансформации России.

С одной стороны, все видные реформаторы - представители образованного класса, выходцы из, говоря словами Солженицына, «образованщины». Российская реформация — это реформация завлабов и мэнээсов. С другой стороны, контрреформация питается соками из той же среды, высшие учебные заведения представляют собой оплот интеллектуальной «Вандеи», сотрудники Академии наук смыкаются в своих требованиях с представителями КПРФ, писатели, музыканты и театральные деятели так и выются вокруг основательных ретроградов типа московского мэра Лужкова.

Представляется, что у этого феномена объяснение что ни на есть материалистическое. Движущей силой, толкнувшей вперед механизм реформации, стал консенсус, сложившийся на основе идей демократии и рынка. Эти идеи, как и невиданные прежде заморские товары и услуги, оказались для неофитов нерасчлененными, слились воедино и превратились в центр устремления как тех, кто по своей социальной сути и жизненному опыту ориентировался на демократические ценности (интеллигенции), так и тех, кто ориентировался на ценности рыночного капитализма (зарождавшийся бизнес, продвинутая часть бюрократии). Консенсус оказался недолговечным, хотя свою историческую роль сыграл успешно: идеи, овладев массами, стали движущей силой, движущая сила передвинула стены, разрушая их — от Берлинской до Китайской.

Рыночная действительность довольно быстро стала разрушать свойственные русской интеллигенции иллюзии. Выяснилось, что сам факт ума, образования, одухотворенности и творческих устремлений вовсе не создает общественного признания необходимости услуг, оказываемых носителями этих ценных качеств, тем более — обещаний, что эти услуги когда-нибудь будут оказаны. Ученым, твердо усвоившим, что наука есть способ удовлетворения своего любопытства за казенный счет, деятелям культуры, свято верящим в то, что государство обязано на корню скупить их высокохудожественные произведения, оказалось крайне нелегко осознать наличие жесткости бюджетных ограничений.

Прежде существовал гарантированный спрос на услуги ученых, деятелей культуры, образования и пр. Фактически это объясняло, что весь образованный класс был советским служащим. Отсюда огромное перепроизводство инженеров, врачей, физиков и лириков, которое продолжается до сих пор: избыточные преподаватели плодят избыточных инженеров.

Сокращение государственного спроса в сфере интеллектуальных услуг оказалось более значительным, чем в иных сферах. В одних отраслях (наука, культура) оно было несколькоократным. В других (образование, здравоохранение) монополия государственного спроса оказалась серьезно подорванной — доля софинансирования (формального, а большей частью — неформального) населением их услуг оказалась инфляционно наиболее уязвимой. Поскольку эти услуги практически полностью потребляются на внутреннем рынке, их производители имеют рублевые доходы. В той же мере, в которой они ориентируются на государственный спрос, это фиксированные доходы. Фиксированные рублевые доходы более всего обедняются инфляцией. Их получатели платят самый высокий инфляционный налог. Результатом становится снижение их относительных доходов.

Отмена гарантированного государственного спроса, необходимость фактической «самоприватизации» значительной части образованцев, перехода их в предпринимательскую категорию или категорию работающих по корпоративному найму породила очень серьезные социальные коллизии — вплоть до утраты большими их массами социального статуса. Причем в среде образованного класса пере - квалификация или пересоциализация принимается особенно болезненно.

Вероятно, дело в том, что это означает реальное обесценение инвестиций в человеческий капитал, который они делали в течение всей жизни, получая образование, защищая диссертации, публикуя статьи и книги и т.д. Обмен утраты долгосрочных инвестиций на повышение текущих доходов является для многих из них неприемлемым. Поэтому они остаются на прежних рабочих местах государственного найма, несмотря на то, что эти рабочие места не обеспечивают более ни привычных текущих доходов, ни социального статуса и престижа, ни даже собственно творческой работы — во многих случаях бюджетного финансирования науки и культуры хватает лишь на выплату минимальных заработных плат, но не на оборотные (не говоря уже об основных) средства, необходимые для запуска научных экспериментов, производства фильмов и пр. В этом случае зарплата становится формой социального вспомоществования, вызывающей отнюдь не чувство благодарности, а презрение к себе и ненависть к дающему, рука которого столь явно оскудевает.

Не надо забывать, что при социализме человеческий капитал использовался в значительной мере не производительно, а только для получения дохода в качестве ренты. Многие работники науки, культуры, образования (особенно женщины) фактически лишь чисились на своих рабочих местах, пили чай, беседовали, но никаких реальных интеллектуальных услуг не оказывали. Они просто получали ренту от предшествующих капиталовложений в свой человеческий капитал (грубо говоря, если я закончил институт и прочитал несколько книжек, то уже за это мне должны платить). В известном смысле нынешняя зарплата-пособие аналогична прежней зарплате-ренте. Отличие состоит в том, что раньше вы могли выбирать: хотите — получаете ренту, а хотите — плату за действительный интеллектуальный труд, а теперь выбора нет; во-вторых, зарплата-рента обеспечивала пристойный уровень жизни, а зарплата-пособие — нет.

С другой стороны, предпринимательство в сфере интеллектуальных услуг в значительной мере теряет свой специфический предмет и остается интеллектуальным лишь по вывеске: частные учебные заведения оказываются фабриками по производству сомнительных дипломов, театральная антреприза оказывается стриптиз-баром, а ежедневная газета — тупым орудием лоботомии и имплантирования предмета интереса своего патрона. Этой деградации способствуют и особенности российского законодательства, в частности ограничения на приватизацию производства сферы интеллектуальных услуг, которые заставляют устраивать частные предприятия внутри тела государственных учреждений, становящихся объектами высокодоходного паразитирования. Интеллектуальная услуга дуализируется: то, что остается интеллектуальным, не является услугой (в том смысле, в котором услуга оказывается в рыночном обществе), то, что является услугой, ориентируется на платежный спрос, перестает быть интеллектуальным.

Обесценивание любого капитала, деградация и пересоциализация присущи всякому кризису. Когда они происходят в сфере интеллектуального капитала, они просто виднее и слышнее. В базовом случае обычного экономического кризиса страдающей стороной является молчачий класс (преимущественно мелкое и среднее предпринимательство), в случае кризиса интеллектуального капитала страдает говорящий класс. Поэтому так слышны отзвуки его стенаний в политическом процессе.

Кстати, именно обесценивание человеческого капитала в ходе системной трансформации вкупе со снижением платежеспособного спроса (только тогда это был реальный спрос предприятий и домашних хозяйств) стало трудной причиной вхождения интеллигенции в социализм, несмотря на то, что идеологически русская интеллигенция в большинстве своем была левой (так же как и в начале нынешней реформации была или скорее числила себя правой).

Что же? Нынешнее поколение русской интеллигенции так и будет жить при социализме? На это определенного ответа нет. А вот последующее поколение, похоже, откроет

для себя капиталистический материк. Опять-таки, подобно тому, как в период социалистической трансформации решением проблемы стало создание «новой» пролетарской интеллигенции, так же и сейчас происходит становление новой буржуазной интеллигенции. Следует отметить, что уже идущая смена поколений явственно меняет систему приоритетов и оценок рисков при инвестициях в человеческий капитал. Инвестиционная активность здесь явно нарастает — увеличиваются конкурсы в высшие учебные заведения, стремительно растет спрос на услуги тех, кто может осуществить эти инвестиции в наиболее эффективной форме.

Всякий кризис обесценивает часть капитала, давая его структурным элементам возможность обновления и в результате повышая эффективность его функционирования. То же самое проделывает нынешний системный кризис с человеческим капиталом: обесценивая одни его элементы (и безжалостно разоряя их владельцев), он вызывает к жизни другие, более эффективные и динамичные, менее затратные и косные, их владельцами и носителями являются представители капиталистической интеллигенции, способные соединить «дум высокое стремление» с умением эффективно трудиться, «поверить алгеброй гармонию». Найдя свое место во всеобщей системе разделения и обмена труда, они, может быть, перестанут быть «властителями дум» (непонятно, почему наличие у дум властителей считается таким очевидным благом), зато окажутся крепкими профессионалами, умеющими оказать действительно услугу и действительно интеллектуальную.

В данной статье излагается теоретическая концепция места и роли современной российской интеллигенции в капитализации общества и в процессах становления рыночных отношений. По своему характеру эта концепция является социально-экономической. В чем предметная особенность этой публикации? Прежде всего в том, что статья рассматривает такой важный социальный феномен, каковым является российская интеллигенция в момент его трансформации под воздействием закономерностей, управляющих переходом от распределительной системы отношений в обществе — к рыночным. Цель данной публикации заключается в том, чтобы объяснить, почему российская интеллигенция, бывшая одной из важнейших сил, породивших перестройку, в настоящее время стала активной противницей ее. Такая чисто «объясняющая» цель — важнейший признак публикаций теоретической направленности (научных публикаций в первую очередь).

В ходе изложения своей концепции автор опирается не на конкретные примеры, а на обобщенные суждения, на представления, которые включают в себя совокупный прошлый опыт, на закономерности, лежащие в основе капиталистических отношений в обществе. Данная статья не предлагает какой-либо программы действий, связанной с обсуждаемым предметом. Во-первых, ее очень трудно сформулировать, во-вторых, если бы это удалось сделать, то она выглядела бы (в силу сложности рассматриваемых взаимосвязей) слишком обобщенной, абстрактной. Обычно в публикациях подобного типа рекомендации, как правило, отсутствуют.

Общеисследовательская статья — жанр трудный в том смысле, что он требует не просто знания какой-то конкретной проблемы, но предполагает теоретическое объяснение ее существования. А это под силу лишь опытному журналисту-аналитику. Начинающему журналисту важно сосредоточить свое внимание на некоторых аспектах подготовки общеисследовательской аналитической статьи. Первое, что должен сделать журналист, приступая к ее подготовке, — определить, что именно он хотел бы сказать о том вопросе, который, по его мнению, заслуживает рассмотрения в прессе как один из глобальных вопросов современного развития общества. Иными словами, **он должен сформулировать основные тезисы выступления**. С этой целью он использует имеющиеся знания об объективных законах и закономерностях, действующих в той сфере, к которой относится предмет будущего выступления. Именно суждения о них и будут основными тезисами статьи. Далее ему необходимо рассмотреть, как эти законы и закономерности проявляют себя относительно обсуждаемого в статье конкретного феномена, т.е. **соотнести сформулированные тезисы с актуальным современным опытом**. Суждения об этом опыте и станут в статье аргументами в пользу выдвинутых тезисов.

Общие структурные требования к статье данного типа таковы. Статья должна обладать ясной концептуальной линией. Нельзя, чтобы эта линия терялась в гуще фактов. Автор должен развивать четкую ясную мысль, чтобы разъяснить читателю политическую, экономическую или другую суть ситуации. Читателю должны быть понятны те методы, которые журналист применяет при оценке явлений. Это помогает аудитории правильно воспринимать значимость общих событий для себя, вырабатывать свою линию поведения, действий. В решении этой задачи молодому журналисту способствует соблюдение определенных методических установок. Одна из них заключается в том, что статья делится на три части: начало, главную часть, заключение.

К каждой из частей применимы определенные требования. Они состоят в следующем. **В начале статьи** в первой трети ее излагается экспозиция (своеобразное введение) — читателю дается актуальный повод узнать, почему данная ситуация анализируется, почему она важна для общества, почему ее надо разрешить. Поскольку понимание ситуации зависит от того, насколько ясно осознаются актуальные проблемы и задачи, которые порождаются ею, то надо показать эти проблемы, задачи, их связь с ситуацией. Познакомив аудиторию с проблемами, задачами, условиями их возникновения в данной ситуации, автор далее может поставить вопрос о том, каким образом эти задачи, проблемы могут быть решены и в интересах каких сил. (Например: «Как задача А может быть решена в интересах В, если условия Д еще не созданы?» Или: «Как задача А может быть реализована в интересах В так, чтобы не наступили последствия С?») Конечно, в статье нельзя стереотипно использовать эти формулы. В содержательном и в иных отношениях каждая конкретная статья должна быть полностью оригинальна.

Поскольку любая ситуация содержит в себе внутренние противоречия, то это может вызвать сомнения в правильности, полезности, необходимости постановки какой-либо цели, задачи, поиске путей их решения. Поэтому можно сформулировать в прямой или косвенной форме соответствующий вопрос-сомнение и адресовать его аудитории. Подобный вопрос может быть дан не только в свернутой, но и в развернутой форме (как несколько вопросительных предложений). При постановке вопроса автор может сослаться на опыт, который в схожих условиях чаще всего воспроизводится.

В главной части статьи автор может сосредоточить свое внимание на анализе тех факторов, которые помешали разрешить ситуацию, постараться выяснить, почему задача до сих пор еще не решена. Кроме того, он может показать, как, каким образом достичь цели или приблизиться к ней, какие конкретно шаги стоит предпринять для этого. Последовательность действий часто бывает довольно сложной, поэтому следует обратить внимание на то, чтобы не терялась нить рассуждений, чтобы публикация была понятна аудитории.

В сравнении с главной частью, в которой ситуация анализируется, заключительная часть имеет синтезирующий характер. В ней может поясняться, что несет с собой изменение ситуации, какие силы действуются, какие новые задачи и проблемы должны быть решены далее. В конце статьи могут быть также ссылки на то, что может сделать аудитория для изменения ситуации в лучшую сторону (т.е. могут быть изложены определенные предложения по решению проблемы). Разумеется, опытный журналист всегда находит свое творческое решение при подготовке проблемной статьи, тем не менее в большинстве публикаций доминирует именно логика изложения материала, представленная выше.

ТАКТИКО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

Она обращена прежде всего к актуальным практическим проблемам промышленности, сельского хозяйства, предпринимательства, культуры, науки, образования, бизнеса, финансов и т.д. В этих статьях анализируются конкретные проблемы, события, действия, ситуации, связанные с практическими задачами, решаемыми в той или иной сфере деятельности, отрасли производства и пр. Автор практико-аналитической статьи ставит перед собой цель выявить причины ситуации, сложившейся в той или иной сфере производства, на ряде предприятий, в социальной сфере и т.д., оценить эти ситуации, определить тенденции их развития, назвать проблемы, стоящие на пути решения тех или иных практических задач, по возможности найти пути эффективного разрешения этих задач, вынести на суд общественности какие-то конструктивные предложения.

Если автор общеисследовательской статьи мыслит такими категориями, как «страна», «мир», «планета», «общественное устройство», «политика», «экономика», «благосостояние народа», «цели правящей элиты», «парламентское решение», «международные договоренности», «тенденции развития взаимоотношения стран», «цивилизация», то автор практико-аналитической статьи обращается к категориям типа «задачи обрабатывающей промышленности», «парк машин»,

«взаимосвязи предприятий», «ситуация, сложившаяся в отрасли», «план реконструкции завода», «прибыли АО», «ценообразование», «учреждение», «предприниматели», «атмосфера в коллективе» и т.п.

Подготовка проблемной статьи начинается с изучения проблемной ситуации, конфликта, существующего в реальности между желаемым и возможным. Проблема встает перед журналистом через осознание им противоречия, существующего между имеющимся у него знанием о заинтересовавшем его явлении и непознанной стороной данного явления. Это противоречие отражается автором в формулировке проблемы.

Спрашивая: «Почему растут цены на продукты питания?», он демонстрирует, что: 1) знает, что цены на продукты питания растут; 2) но не знает, почему они растут. Именно на выяснение причин роста цен, т.е. на устранение незнания о явлении, он и нацеливает потом свое выступление.

Чем больше журналист знает о том предмете, который исследует, чем компетентнее он в той сфере, которую освещает и считает «своей темой», тем больше у него шансов выступить с интересным проблемным материалом. Правильная постановка проблемы возможна только на основе достоверного знания. Если журналист, не имея данных о современной ситуации в стране или опираясь на знания двадцатилетней давности, задаст вопрос: «Чем обусловлен рост населения России?», то в нем отразится неправильно понятая проблема. Выбор конкретной проблемы из той их совокупности, которая может существовать в интересующей журналиста области, первоочередное освещение ее обусловлены прежде всего наиболее актуальными потребностями аудитории, на которую «работает» данное издание.

Уточнение проблемы осуществляется в ходе анализа существующей проблемной ситуации. А для этого необходимо добыть соответствующую информацию. Начинается поиск с выявления конкретных действующих лиц ситуации. Определив их, далее следует узнать конкретные ответы на следующие вопросы: что было (будет) предпринято и кем? К каким социальным группам относятся участники? Какие цели они преследуют? При каких условиях они действуют? Какие противоречия есть между общественными требованиями и личными интересами участников? Какие проблемы возникают при этом? Как реагируют на это участники? Какие средства и методы применяют? С кем и против кого они действуют? Почему действуют так, а не по-другому? К чему это может привести? Что это значит для общества? Какие пути выхода из ситуации можно использовать? Получив подобную информацию, автор может сформулировать основную проблему для обсуждения в будущем выступлении.

В современной журналистике встречается достаточно много статей, претендующих на статус проблемных, однако по сути ими не являются: иногда речь в них идет о вопросах, не заслуживающих общественного внимания, или же рассматриваются «проблемоидные» ситуации. В этих случаях проблемы предстают в формулировках такого типа: «Как стать брюнетом?», «Почему Моисеев не нравится Жирику?», «Как взять автограф у Пугачевой?» и пр. Порой формулировки отражают псевдопроблемы: «Почему инопланетяне не идут на контакт с землянами?», «Как сделать человечество счастливым?», «Как построить вечный двигатель?» и пр. Подобного рода «проблемы» журналисты называют «проблемоидами». Увидеть такой «проблемоид» помогает доказательство неразрешимости поставленного вопроса (например, открытие закона сохранения энергии поставило за грань реальных проблем человечества вопрос о создании вечного двигателя).

Настоящая проблема всегда связана с потребностью в решении задач, важных для общества.

Чем большего числа людей касается проблема, тем она важнее, тем больше заслуживает внимания серьезного журналиста.

В журналистской среде существует ходячее мнение, что правильная постановка проблемы чуть ли не наполовину означает ее решение. Конечно же, это преувеличение. Точнее будет сказать, что решение проблемы обязательно обусловлено ее правильной постановкой. Решение проблемы журналистом — это ответ на тот вопрос, который содержится в ее формулировке. Получить необходимое для этого знание можно различными методами — как эмпирическими, так и теоретическими. Все они подчинены достижению основных целей проблемного выступления:

- 1) описанию и оценке проблемной ситуации;
- 2) выяснению причин возникновения проблемы (барьера, препятствия, задачи);

3) установлению программы и поиску путей устранения (т.е. решения) проблемы, т.е. формулирование действий.

Напомним, что под описанием в журналистике понимается фиксация результатов наблюдения, интервью, беседы, изучение журналистом документов, т.е. результатов эмпирического исследования, а при необходимости и их группировка, типологизация. Оценка — это отношение человека к анализируемому предмету. Часто именно с описания и оценки автор начинает свое проблемное выступление.

Из публикации «Как погибают самолеты»

(АиФ. № 12. 1998)

Старый, видавший виды «Икарус», доставляющий пассажиров от здания аэропорта к трапу самолета, лихо развернулся на полосе и взору пассажиров представил Ил - 18. На нем нам предлагалось лететь по маршруту Москва-Львов. На плохо покрашенном фюзеляже проступал герб города Берлина и флаг ГДР. Теперь самолет принадлежал компании «Украинские авиалинии», и на борту красовался жовтоблакитный флаг.

«Не боитесь летать на таком "гробе"?» - спросил я стюардессу.

«Что вы! Это наш лучший самолет. Все остальные гораздо хуже».

Те, что хуже, - это Ан-24 и Як-42, ресурс большинства которых давно уже выработан...

Как правило, описание проблемной ситуации существует в единстве с оценкой разных ее сторон. В приведенном выше отрывке оценочную нагрузку несут вопрос журналиста, обращенный к стюардессе: «Не боитесь летать на таком "гробе"?», и ее ответ: «Что вы! Это наш лучший самолет. Все остальные гораздо хуже», и последующее уточнение автором ее ответа.

В данной статье автор пытается также найти ответ на вопрос: почему так часто в последние годы разбиваются самолеты? Ему удалось выявить пять причин:

1) созданные на базе прежнего «Аэрофлота» 466 авиакомпаний стремятся выкачивать как можно больше денег из перевозок, но не выделяют средства на ремонт самолетов;

2) летчики очень плохо (в основной массе) подготовлены, так как учебные полеты сокращены до минимума;

3) все российские аэропорты, наземное оборудование, взлетно-посадочные полосы устарели;

4) диспетчерский состав, аэродромные службы подготовлены плохо, часто не выполняют инструкции;

5) отечественные авиадвигатели малонадежны.

У другого автора этот перечень, вероятно, был бы несколько иной и причины сформулированы были бы хотя и отчасти, но по-другому. Это Предопределено не только тем, что автор — «другой» человек, что он может получить другую информацию из других источников, но и тем, что он может нацеливать себя на другой уровень анализа причин авиакатастроф, его детализации.

Каждая из названных выше причин аварий российских самолетов при желании и возможности может быть «развернута». Так, говоря о первой причине, автор мог бы назвать те авиакомпании, скверность которых привела к наибольшему числу авиакатастроф. Кроме того, он мог бы, например, привести статистику, показывающую зависимость крушений от изношенности авиаляйнеров. Говоря о второй причине, мог бы назвать те денежные суммы, которые необходимы для хорошего обучения летчиков, и те, которые реально выделяются. Он мог бы также указать нормативы по налету часов курсантами и то количество часов, которое получается на практике.

Усугубляя причинно-следственный анализ гибели самолетов, автор мог бы попытаться установить:

1) по какой причине авиакомпании не стремятся и не могут обеспечить надежность авиаперелетов?

2) кем и почему не выделяются необходимые средства на обучение летчиков?

- 3) кто виноват в том, что не подготовлен и плохо работает диспетчерский состав?**
- 4) в чем причина плохого содержания аэропортов?**
- 5) почему не все самолеты снабжены радарами?**
- 6) почему сегодня в России не созданы надежные (по мировым меркам) авиадвигатели?**

Конечно же, автор должен определить конечную точку движения «в глубь» причин. Иначе истинную причину того же бедственного состояния российских самолетов он может увидеть в неправильных действиях Сталина или Николая II, или Петра I, или в российском менталитете, или в происках Запада и т.д.

Важно выявление тех причин, на которые в современных условиях можно повлиять так, чтобы изменить что-то к лучшему. Если же причины лежат за пределами воздействия на них, то они представляют скорее теоретический интерес. Для журналистики, занятой актуальными практическими проблемами, излишняя глубина анализа в известной мере противопоказана.

Очень часто бывает необходимо прогнозировать развитие проблемной ситуации. Ведь именно прогноз дает «модель» будущего состояния исследуемого явления.

Приведенная нами статья также содержит прогноз развития исследуемой ситуации: «И тем не менее нынешний «самолетопад» многие профессионалы старого «Аэрофлота» считают только «цветочками». В будущем по вине экипажей самолеты будут падать гораздо чаще, если не изменить систему подготовки личного состава...»

Практико-аналитическая статья нередко включает в себя и программу действий, которые могут изменить ситуацию в авиации. Конечно, серьезную программу могут составить только специалисты в соответствующей сфере деятельности. Дело журналиста в таком случае изучить программу и толково рассказать о ней аудитории. Но журналисты иногда выступают и со своими предложениями по обсуждаемым в статье вопросам. В этом случае журналист, как правило, ограничивается выражением краткого мнения «по поводу». Само же решение остается за соответствующими службами, учреждениями, организациями.

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

Некоторые издания печатают полемику довольно часто (например, «Независимая газета»). Но в большинстве из них полемические статьи обычно публикуются тогда, когда в обществе возникают споры по каким-либо значительным проблемам. В большинстве СМИ «пик» полемической активности наблюдается чаще всего в преддверии всевозможных избирательных кампаний. Непосредственным поводом публикации полемической статьи обычно является выступление политических оппонентов, представителей «чужой» научной школы, «теоретического», религиозного течения, задевающее каким-то образом интересы автора будущей полемической статьи, его издания, выражающее оценки, представления, выводы, предложения, с которыми автор этой статьи, это издание согласиться не могут.

Осознаваемая автором цель полемической статьи, как правило, представляется ему двоякой. Во-первых, он видит перед собой задачу — **обосновать свою собственную позицию** по спорному вопросу, показать свое видение проблемы, причин ее возникновения, значимости, способов ее решения. А во-вторых, ему представляется необходимым **опровергнуть позицию своего оппонента**. Это, естественно, не может не отразиться как на содержании приводимых фактов, примеров, так и на логической структуре статьи. Используемые факты, примеры обычно подбираются таким образом, что они лишь подтверждают позицию автора. Он не может себе позволить в отличие от авторов других видов статьи приводить факты, примеры, которые противоречат его тезисам, не может применить к своему выступлению позицию философа, исходящую из того, что «жизнь есть борьба противоречий». Его выступление должно быть непротиворечивым — это, пожалуй, принципиальное требование полемической статьи.

Своебразие осознаваемой автором цели выливается в своеобразие логической структуры полемического выступления. Оно формируется на базе доказательного рассуждения, включающего в себя, с одной стороны, аргументацию в пользу главного тезиса автора выс-

тупления, а с другой — опровержение тезиса, аргументов, демонстрации, содержащихся в выступлении оппонента. Но это распространенное представление об особенностях полемического выступления обязательно должно быть дополнено знанием и следованием **основным законам**, которые присущи культурному (цивилизованному) полемическому общению людей с помощью СМИ.

Что они собой представляют? Грубо говоря, такие законы — **это совокупность требований, способствующих поиску истины** участниками полемики (полемистами)^{22[3]}. Ориентация на такой поиск — исходное, базовое положение, которое они обязательно должны иметь в виду. Ибо, как говорили древние, «в споре рождается истина». Если нет желания или умения искать истину в публичной полемике, то нет и никакого смысла ее начинать. Законы спора, представляемых журналистом на суд читательской аудитории, имеют комплексный характер и вырастают из выработанных в течение веков норм логики, правил убеждающего коммуникативного воздействия, требований морали и права.

Поскольку полемика протекает как обмен журналистскими выступлениями, то для каждого отдельного ее участника эти законы выступают прежде всего как **требования к содержанию и форме полемической статьи**. Правда, требования своеобразного. А своеобразие это заключается в том, что, как уже было сказано выше, автор ее обычно стремится опровергнуть позицию оппонента и доказать, утвердить свою. В том или ином конкретном полемическом произведении соотношение доказательства и опровержения может быть разным. Но и то, и другое в какой-то мере обязательно присутствует в тексте. Поэтому полемист должен владеть как искусством доказательства, так и искусством опровержения.

В любом случае **создание полемического текста должно начинаться с формулирования главной мысли (главного тезиса)**, которую далее автор будет отстаивать как в данном, так и в последующих выступлениях в ходе всей полемической кампании. Эта мысль может быть сформулирована в тексте в виде самостоятельного предложения. Но может быть высказана и в форме намека или ссылки на уже известные публике обстоятельства. Главное, чтобы она была понятна и ясна читателю данного номера издания. Это требование становится особенно актуальным теперь, когда из-за обнищения населения у печатных СМИ становится все меньше постоянных подписчиков и все больше покупателей отдельных номеров газеты или журнала.

Следующее требование — **доказательность доводов (аргументов) в пользу основной мысли выступления**. Выполнение этого требования — наиболее трудная для полемиста задача. Трудна она по ряду причин. Одна из них, хорошо известная каждому журналисту, заключается в том, что эти самые доводы надо искать. Доводы становятся таковыми только тогда, когда они присутствуют в тексте в качестве подтверждений мысли журналиста. А до этого они обычно существуют для автора под именем **фактов**. Серьезная полемика требует **серьезных фактов**. А такого рода факты в наше время часто тщательно скрываются или оказываются недоступными для прессы. В чем отличие фактов от серьезных фактов, многим людям хорошо понятно. Одно дело, скажем, использовать в качестве довода в пользу утверждения, что какой-то человек является героем, тот факт, что он не пожалел времени и перевел через дорогу старушку, а другое дело — сослаться на то, что он, рискуя жизнью, вынес из горящего дома ребенка.

Однако доказательность для читательской аудитории того, что обычно называется фактами, зависит не только от степени их серьезности. Очень важным моментом является **источник происхождения фактов**. Чаще всего в полемике используются данные, представляющие собой: а) результаты личного наблюдения автором тех или иных событий, о которых он рассуждает, б) свидетельства других лиц, к которым обращается за информацией журналист, в) документы, содержащие сведения по обсуждаемому вопросу.

К сожалению, многие полемисты не вникают в «тонкости» происхождения фактов, которые они используют в качестве аргументов в своих рассуждениях. Между тем, по имеющимся научным данным, **наибольшей доказательной силой** для большей части аудитории **обладают документы**. За ними следуют свидетельские показания, мнения (особенно показания авторитетных для аудитории лиц). А на третьем месте стоят личные наблюдения журналиста. Если бы этот момент учитывался участниками спора на газетной полосе, то истина, на которую они стремятся открыть глаза аудитории, стала бы для нее намного очевиднее.

Значительную роль играет и «содержание» факта, т.е. то, является ли журналистский факт действительно фактом, или же за этим понятием стоит мнение, предположение, оценка. Напомним, что факт в журналистике — это твердое знание о том, что реально существует («имеет быть», как говорят философы) в мире. Оценка — это отношение к факту, т.е. утверждение о том, насколько хорошо или плохо (прекрасно, безобразно и пр.) его существование для нас или кого-то другого. Предположение — это неясное знание о том, существует ли факт или нет, или же каково его значение для кого-то (его ценность). Мнение может включать как фактические данные, так и предположения разного рода. Наибольшей доказательной силой для непредвзятого читателя обладают факты. Поэтому полемист, разумеется, должен стремиться к тому, чтобы его утверждения опирались прежде всего на документы, и прежде всего — документы, содержащие изложение фактов. Хотя в реальной журналистской практике, как известно, это не всегда возможно.

То, какой тип аргументов применяет журналист, когда готовит обычное (неполемическое), разовое выступление, конечно же, может не иметь особого значения. Главное, чтобы текст был интересным, убедительным. Но вот если он собрался вступить в спор по какому-то вопросу, то характер возможной аргументации необходимо тщательно осмыслить. При этом следует найти и представить в тексте такие **аргументы**, которые по своей доказательной силе должны быть равными тем, которые применяет оппонент, или же превосходить их в этом отношении. К сожалению, изложенные выше соображения не всегда принимаются во внимание некоторыми полемистами, что резко снижает их шансы на победу в публичном споре.

Тульская газета «Молодой коммунар» на протяжении ряда последних лет периодически критикует так называемые губернаторские проекты по строительству в области трех объектов: по производству горюче-смазочных материалов, стекловолоконных труб и соледобыче. Эти проекты газета называет проектами, поскольку считает их исключительно невыгодным для туляков долгостроем, который ведется в основном за счет не запланированных на его осуществление расходов из бюджета области и соответствующей задержки выплат населению зарплат, пенсий, пособий. При этом «Молодой коммунар» вступает в полемику с газетой «Тульские известия», отстаивающей необходимость и важность реализации «губернаторских проектов», а также утверждающей, что это строительство ведется за счет внебюджетного финансирования. Обосновывая верность своей позиции, журналист А. Гелин цитирует официальные документы.

Из публикации «К сожалению, слово "победа" на две трети — из слова "беда"»

(Молодой коммунар. 19 июня 1999)

Вот первая цитата из постановления областной Думы от 21.01.98 г. № 22/565 «Об обращении губернатора Тульской области об участии администрации области в создании совместных предприятий по производству стекловолоконных изделий, поваренной соли, нефтепродуктов»: «2. Администрации области финансирование указанных проектов осуществлять за счет областного бюджета...»

Вторая цитата — из Заключения Контрольной комиссии областной Думы по результатам проверки исполнения бюджета на 1998 год: «...установлено, что 10.04.98 г. Финансовым управлением перечислены средства для оплаты оборудования по контрактам о приобретении нефтеперерабатывающего мини-завода, расходы на который не были предусмотрены в областном бюджете на 1998 год», и только принятием 17 декабря 1998 г. Закона Тульской области «О внесении изменений и дополнений в Закон Тульской области «Об областном бюджете на 1990 год» были узаконены уже произведенные расходы на указанный объект».

В этом же документе мы находим прямое подтверждение того, что деньги, пошедшие на строительство завода, украдены у стариков, детей, учителей, медиков: «В течение 1998 года администрацией области проводилось финансирование отдельных мероприятий капитального характера за счет средств бюджета текущих расходов (так как бюджет развития не был сформирован), что повлекло за собой низкий уровень финансирования по основным социальным разделам». И т.д.

В отличие от «Молодого коммунара» журналист Ю. Аргонов использует в качестве оснований своей позиции аргументы иного типа, а именно — ссылки на мнения лиц, участвующих в осуществлении «губернаторских проектов» (сначала приводит выдержки из беседы с генеральным директором ОАО СП «Тульская нефтеперерабатывающая компания» Владимиром Чернятиным, который сообщил, что « завод создается на базе американской установки «Хай-Тек 100», способной перерабатывать в год 100 тысяч тонн сырья. Но эта установка — далеко еще не весь завод...» И т.д. Затем дается изложение интервью с директором американской фирмы «MG Export-import international», которая поставляет тульякам оборудование для мини-нефтеперерабатывающего завода, Бернардом Голдстейном.

*Из публикации «Крах проектов "МК", или "Секреты", которые не хотят знать крикуны из оппозиционной прессы»
(Тульские известия. 19 июня 1999)*

— Коллеги из «МК» выражали сомнение относительно содержимого контейнеров, которые пришли на тульскую таможню при вашем содействии. Так что же в этих контейнерах? Некондиция? Старье? Б/у?

— Наша фирма существует 50 лет. За это время мы завершили монтаж 47 нефтеперерабатывающих установок в США и других странах мира. В том числе в России: Сургут, Якутия, Дагестан. Оборудование, которое мы поставили в Тулу, производства 1997-1998 годов. Разработка же 1997 года...

— Необходимое оборудование поставлено полностью?

— Полностью поставлено и полностью смонтировано. В ближайшее время мы ждем наших специалистов по электрике и электронике для подготовки оборудования к пусконаладочным работам.

— Ваше мнение о работе российских специалистов, с которыми вам приходилось сталкиваться?

— Очень высокое о профессионализме сотрудников АО «Энерготехмонтаж» и очень низкое о журналистах «Молодого коммунара». Ведь если отдельно взятый журналист некомпетентен, а порой и нечистоплотен, то должен же быть над ним контроль главного редактора?.. И т.д.

Рассказ о заводе журналист заканчивает беседой с первым заместителем губернатора

Тульской области В. Богомоловым, курирующим строительство этого объекта:

— Виталий Алексеевич, «МК» пишет, что деньги на строительство завода «украдены у старииков, детей, учителей и медиков».

— На это строительство не истрачено ни одной

копейки из бюджетных денег. Областная администрация получила льготный кредит при посредничестве Юрия Михайловича Лужкова... И т.д.

Сами по себе примеры, суждения, приведенные автором «Тульских известий», могли бы показаться аудитории в каком-то другом случае достоверными. Но не в данной полемической ситуации, когда читатели могут сравнивать аргументацию, представленную первой и второй газетами. В результате читатель отдаст пальму первенства доводам «Молодого коммунара». Почему? Потому что, во-первых, документы, на которые опирается журналист А. Гелин, осознаются аудиторией (по психологическим основаниям) как более доказательная аргументация, по сравнению с мнениями, использованными Ю. Аргоновым. А во-вторых, доводы, приведенные автором публикации в «Тульских известиях», проигрывают в том, что они имеют еще один серьезный недостаток, не заметный на первый взгляд. А именно: цифры даны в абсолютном варианте. И по ним трудно судить, насколько значительны масштабы строительства? Что оно дает? Насколько достижения соответствуют потребностям города? Определить это, исходя из приведенных в статье данных, простому читателю, не

имеющему дополнительных достоверных сведений об экономической ситуации в жизни области, невозможно. Изъяном аргументации «Тульских известий», несомненно, является и то, что автор использует в качестве аргументов мнения тех лиц, которые, собственно говоря, и критикуются в выступлениях «Молодого коммунара», т.е. заинтересованной стороны. А ведь хорошо известно, что, например, в ходе установления истины в суде заинтересованные лица в качестве свидетелей никогда не привлекаются. Делается это с целью исключения лжесвидетельствования. К сожалению, журналист не учел данное обстоятельство.

Успешный поиск истины в ходе полемики, как уже говорилось выше, будучи основной ее целью, невозможен без **установки на взаимопонимание участников полемики**. Это требование может показаться нереальным и не соответствующим сути полемики. Но на самом деле только стремление людей понять друг друга помогает удержать ускользающую «правду». К сожалению, на полях газетных сражений приходится наблюдать прежде всего полемистов, которые искренне уверены, что именно они уже владеют истиной «в последней инстанции». А если это так, то поиск взаимопонимания, ради установления истины, уже мало волнует участника спора, он просто хочет навязать всем свою «самую верную» точку зрения. Именно в таком желании заключена исходная причина того, что полемист прилагает все усилия для победы над своим оппонентом любой ценой. Ведь он отстаивает истину! А оппонент этого почему-то не хочет понять. Как тут не показать ему, что он собой представляет? И показывают.

Так, названное выше полемическое выступление «Тульские известия» начинают, как можно предположить, с самого главного для них — выражения своего отношения к оппоненту — «Молодому коммунару». Оно заявлено уже в набранном аршинными буквами, расположенным над названием газеты аншлаге полемической публикации: «Вкусна ли уже обглоданная кость?» Первые абзацы самого текста также повествуют «о главном».

Из публикации «Крах прожекторов "МК"»

(*Тульские известия. 19 июня. 1999*)

Гениальный английский сатирик Джонатан Свифт, известный широкому кругу читателей своей мудрой книжкой «Путешествия Гулливера», в молодые годы написал не менее талантливую, но мало известную «Сказку бочки»... Есть там, между прочим, и нелицеприятное высказывание молодого острослова в адрес тогдашней литературной критики: «Они (критики), как голодные псы, поднимают тем больший вой и лай, чем меньше костей в подаваемом им кушаний...»

Эти слова я постоянно вспоминаю, когда читаю очередной опус младокоммунаровских критиков, касающийся любых начинаний губернатора Тульской области В.А. Стародубцева. Есть ли в очередном начинании областной администрации «минусы» или «плюсы», вой и лай со страниц «Молодого коммунара» все равно прозвучит. Такова уж она, собачья природа. Но, как правильно говорят в народе, собака лает, а караван идет...

Нередко достается не только «противной» газете, но и ее читателям, а тем более тем, кого она защищает. Автор «Вечерней Рязани» Д. Проскурин так отзыается о полемизирующих с «вечеркой» «Рязанских ведомостях» и тех, кто выступает на ее страницах — губернаторе области В. Н. Любимове, его избирателях, местных коммунистах.

Из публикации «Год в кресле губернатора»

(*Вечерняя Рязань. 16 января. 1999*)

О качестве материалов в «Рязанских ведомостях» судить вам... Если вам кажется, что мы несколько сгущаем краски, читайте «Рязанские ведомости». В них все так гладко, словно мы дошли до светлого будущего — доходяги, блин! Вот, буквально на прошлой не - деле в стенгазете рязанских властей появилась рубрика «Рязанцы о работе властей» —

рязанцы всем довольны, а Любимов — просто ангел. «Ведомости», наверное, получат премию. Из бюджета.

Не менее воинственно настроен и В. Михайлов, другой автор рязанской «вечерки». Он так видит свои отношения с уже упомянутым губернатором области, в которого мечет свои раскаленные стрелы со страниц того же номера газеты.

Из публикации «Михайловщина. Нолики обожают ставить крестики»

(Вечерняя Рязань. 16 января. 1999)

М-да, прямо скажем, не сложились отношения между Вадимом Владимировичем (автором статьи. — А Г.) и Вячеславом Николаевичем (губернатором. — А Г.). Да и не могло быть иначе... Что-что вы говорите? Кто ты, смерд, и кто Он?! Мол, да как ты смеешь даже в мыслях ставить себя, хиппующего борзописца, на одну доску с Ним, Вседержателем цельной губернии, Помазанником Самого Геннадия Андреевича Зюганова и, в конце концов, Членом Совета Федерации?!

Не любит журналист и читателей «красной» газеты, «большевиков», которые, по его словам, «в силу своей классовой тупости, не только обещали, но и пытались построить рай земной (типа, коммунизм). Чем это закончилось? — Полной и безоговорочной жопой. В коей мы пребываем и по сей день, свидетельством чему служит четырехкратная победа рязанских коммунистов на местных выборах 1996-97 гг.

Хлестко написано. И грубо. Только к чему ведут такие хлесткость и грубость? Помогают ли они найти истину в споре, истину, необходимую всем? — таков вопрос. Ответ на который очевиден — нет. Как очевидно и то, что читатели, наблюдающие за полемикой, ведущейся на страницах газет подобным образом, действительно вспоминают слова великого Джонатана Свифта о дерущихся за лишнюю кость голодных псах.

Чтобы не давать аудитории поводов для подобных мыслей, начинающему журналисту, решившему выступать в жанре полемической статьи, надо всегда начинать с главного — прежде всего нацеливать себя на спокойный и аргументированный разговор, никак не унижающий достоинство оппонента, а значит, и свое собственное достоинство.

[в начало](#)

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Достаточно долгое время понятие «журналистское расследование» в отечественной прессе и в науке о журналистике воспринималось как синоним журналистского исследования действительности. И в этом плане оно обозначало собой сбор материала, связанного с анализом различных проблем общественной жизни, подготовкой выступлений прежде всего в жанрах аналитической статьи, очерка, фельетона. И лишь с началом перестройки общества в обиход отечественной журналистики вошло то понимание журналистского расследования, которое на Западе уже обозначало определенный жанр журналистских публикаций.

Сравнивая современное журналистское расследование с публикацией какого-то иного жанра, например со статьей, корреспонденцией, очерком и т.д., в нем можно найти черты, роднящие его с этими жанрами. И все же полнокровное журналистское расследование трудно спутать с каким-то иным жанром. Своебразие журналистского расследования как особого жанра определяется качествами, возникающими под воздействием предмета, цели, методов получения информации, особенностями изложения полученного материала.

Предметом журналистского расследования обычно становится наиболее «кричащее» негативное явление, не заметить которое невозможно (это в первую очередь различные преступления, «из ряда вон выходящие случаи», события, приковывающие внимание общества). Если такие негативные явления — результат определенных действий каких-то людей или их некомпетентности, халатности и т.п., то эти люди, как правило, принимают все необходимые меры для того, чтобы скрыть корни, причины происходящего.

Цель журналистского расследования прежде всего и заключается в том, чтобы определить эти корни, причины, обнаружить скрытые пружины, приведшие в действие некий механизм, поро-

дивший вполне конкретный результат. Основной вопрос, который задает журналист-расследователь: почему? Не менее важным для данного жанра является еще один вопрос: как? Причем ответ на второй вопрос занимает в расследовании обычно львиную долю времени (в ходе расследования) и места (в самой публикации).

Поскольку обстоятельства всевозможных преступлений или тайных акций часто тщательно скрываются, то это, разумеется, резко затрудняет расследование. В силу этого журналист может прибегать к методам получения информации, роднящим его, с одной стороны, со следователем, инспектором уголовного розыска, а с другой — с ученым-исследователем, если речь идет об исторических расследованиях, связанных с громкими делами давно минувших дней. Это родство проявляется прежде всего в скрупулезности изучения связи явлений, когда внимание уделяется каждой мелочи, способной пролить свет на происходящее, вывести журналиста на верный след.

Идя по этому следу, он часто ведет за собой и читателя, слушателя, зрителя. Именно это движение за путеводной нитью в темном лабиринте взаимосвязанных событий выступает канвой способа изложения полученного материала, что неизбежно придает любому журналистскому расследованию детективный оттенок. Однако в отличие от литературно-художественного детектива, в котором по мере разматывания следователем запутанного клубка событий на поверхности появляются все новые герои, в журналистском расследовании люди, с которыми общался журналист, которые дали ему информацию, очень часто даже не упоминаются. Конфиденциальность источников информации, по известным причинам, очень часто становится неизбежной, в то время как в публикациях других жанров необходимость сохранять в тайне источники информации обычно не имеет особого смысла.

Из публикации «Чума рядом»

(Собеседник. 1999)

«Собеседник» (№ 9) уже писал о некоторых странностях эпидемии в ростовской станице Обливская. Целый ряд признаков ее заставляет предположить, что люди могли стать жертвами не природного катаклизма, а рукотворного — отечественного биологического оружия. И хотя, если верить официальным данным, таких игрушек у нас нет, не было и быть не может, известный эколог, доктор Лев Федоров считает, что разработку и совершенствование биологического оружия наши военные не прекращали никогда.

Дальше следует основное содержание публикации:

Биологическую войну мы уже вели.

Эка невидаль! Разве этим не все занимаются, те же американцы, например?

— А я не говорю, что они этим не занимались, — вводит нас в курс дела Федоров. — Вот они поэкспериментировали-поэкспериментировали, но собственно биологическое оружие на вооружение так и не приняли, а после событий 1969-го работы у них и вовсе прекратились. Тогда в одном из исследовательских центров произошла утечка вируса, который поразил стадо овец. Возник колоссальный скандал, и программу свернули. Так что американцы и боеприпасы биологического не создали, и на поток его не поставили, не говоря уж про складирование. А мы как раз здесь и продвинулись впереди планеты всей: наладили производственные линии, выпуск и складирование боеприпасов. Проще говоря, мы не просто готовились к масштабной биологической войне, мы единственные в мире были готовы ее вести. И даже вели... Начались такие работы не позже 1926 года, когда в рамках Военно-химического управления Красной Армии появилась первая спецлаборатория. В 1936-м прошли первые войсковые учения, на которых отрабатывались тактика и методика применения нового оружия. Тогда же на вооружение нашей армии поступили и его первые образцы — возбудители чумы, сибирской язвы и туляремии (нечто вроде вирусной пневмонии). Вот последнюю-то и применили в реальном бою — 1942-м против наступавшей в тех самых ростовских степях группы войск Паулюса. Выпустить чуму и сибирскую язву не рискнули — это было форменным безумием, эпидемия запросто бы охватила обширную территорию по обе стороны линии фронта. Обошлись туляремией, хотя смертность от нее не превышает 10 процентов, но живую силу противника из строя на время она выводила. Разносчиками заразы стали грызуны.

На первых порах успех был ошеломляющим: солдаты Паулюса пачками выходили из

строя, и, не дойдя до Волги, будущий фельдмаршал вынужден был сделать паузу в своем стремительном броске к Сталинграду. Но наши этим воспользоваться не сумели: болезнь перекинулась через линию фронта обратно, и теперь уже советские солдаты заполняли лазареты.

Кстати, уже в 70-е с помощью генной инженерии наши ученые сумели «воспитать» бактерию туляремии должным образом: смертность от нее достигала 100 процентов, вдобавок она успешно противостоит известным антибиотикам...

До войны центр военно-биологических разработок располагался в одном лишь Кирове, в 1946-м очередной соорудили уже в Свердловске: ныне это печальный 19-й военный городок, в колосальных подземных штолнях которого расположили масштабные биопроизводственные цеха и линии по снаряжению боеприпасов. Еще один центр организовали в Загорске: он специализировался на вирусологии и токсинном оружии. Как считает Лев Федоров, все наши боевые геморрагические лихорадки — поиск современной военной биологии — результат работы именно этого института.

Главные события развернулись в 1972-м. Тогда СССР присоединился к конвенции о запрете на разработку, испытание и производство биологического оружия. Попутно искусственно был создан ген. И наши биологи в погонах направили в ЦК КПСС послание, суть которого: если генетику применить к военной микробиологии, то получится мощнейшее оружие, которое нашим вероятным противникам и не снилось.

Белок воздействовал на мозг противника.

Тем временем в Ленинграде занимались белками, пептидами: считалось, что с их помощью можно управлять психикой человека. Собственно, это и было главной целью исследований: добиться, чтобы любые бактерии — сибирской язвы или чумы — в процессе своей жизнедеятельности выделяли белок, который мог бы воздействовать на мозг солдат противника. Получался как бы двойной удар: ты поставляешь противнику смертоносную бактерию, которая к тому же может выделить, скажем, токсин ботулизма или яд кобры, да любые другие яды, действующие на иммунитет людей.

Тогда же всерьез занялись и заводами по производству биооружия: действующими и мобилизационными. Один построили в Кировской области — в Омутнинске, завод биопрепаратов. Там, кстати, велись очень интересные работы над бактериями, которые не людей из строя выводили, а могли «жрать» технику или топливо противника. Запускаешь такую штуку, и она съедает, скажем, изоляцию, происходит замыкание и вся аппаратура выходит из строя.

Но с 1989 года стала сыпаться пелена секретности: в Англию сбежал директор ленинградского института Пасечник. И поведал такое... Тэтчер и Коль устроили тогда Горбачеву кругую головомойку, и тот был вынужден согласиться на инспекцию. Пришлось нашим воякам немного поутихнуть. А когда страна распалась, в США бежал уже Алибек Алибеков — второй человек в иерархии военно-биологической системы. Тут уж влип Ельцин и в апреле 1992 года издал указ: прекратить, понимаешь, работы по наступательному биологическому оружию. Так мы фактически признались, что готовились к наступательной биологической войне. Впрочем, работ не прекратили...

Вирусы добывали из трупов.

Но каким образом наши биологи в штатском обзавелись вирусами экзотических заморских болезней?!? За это, уверен Лев Федорович, надо благодарить исключительно нашу разведку. Скажем, в 70-е годы именно бойцы невидимого фронта добыли в Индии натуральную оспу.

Но самое серьезное на сегодня оружие делается как раз на базе геморрагических лихорадок: эбола, марбурга, пасса, боливийская. Проблема была в том, что все они чужеземные. Была у нас своя, конго-крымская, только вот наших военных больше привлекали боевые свойства заморских. Посему и получила разведка задание: добыть. Приказано — сделано. Вирус боливийской лихорадки тайно вывезли из США. Лихорадку марбурга «достали» в ФРГ: немецкие ученые обнаружили этот вирус в Восточной Африке и трудились над вакциной против него. Но произошла трагедия: заразилось и погибло несколько участников работ. Наши разведчики тайно вскрыли могилы, достали трупы умерших и вывезли в СССР образцы зараженной ткани. Однако над разработкой боевого вируса пришлось попотеть еще двадцать лет. Опять помогла трагедия: в апреле 1988 года погиб работавший над этой проблемой микробиолог Устинов. Уже из его

тканей извлечен мутировавший вирус, получивший название Е и принятый в 1990 году на вооружение советской армии...

События в Ростовской области заставляют задать резонный вопрос нашим биологам в штатском: на что они убили время, если так и не сделали вакцину от собственной лихорадки? В принципе, беда наша вовсе не в том, что мы становимся в чьих-то зарубежных глазах нехорошими. Это мы переживем, не впервой! Но переживем ли, если рукотворные эпидемии вырвутся из пробирок, поражая своих создателей?»

Поводом для данной публикации послужила загадочная эпидемия, охватившая внезапно один из населенных пунктов в Ростовской области. Однако предмет выступления несколько иной. А именно — это тайные сведения о разработке биологического оружия, которые велись и возможно ведутся (по мнению журналиста) в России, и связанная с этим потенциальная опасность поражения им мирного населения страны. Предмет, как видим, очень существенный. А тем более тщательно скрываемый во всех странах. Наличие подобного предмета — явный признак жанра журналистского расследования.

Чтобы получить какую-либо информацию о таком предмете (в силу его особенностей), нужны очень большие усилия, нужны средства и методы, которыми журналисты, как правило, не обладают. Поэтому автор вряд ли смог бы самостоятельно получить какие-то данные, т.е. добраться до секрета, до которого не смогли добраться разведки некоторых государств, противостоявших СССР, если бы не «посыпалась пелена секретности» в результате предательства, совершенного некоторыми перебежчиками на Запад (автор об этом пишет). Где и как журналист получил используемые им данные, он в публикации не сообщает. Читатель узнает лишь об одном из источников информации — докторе Льве Федорове (хотя не ясно, существует ли он на самом деле, так как не указаны ни место работы, ни должность его). Такая «тайинственность» тоже указывает на особый характер публикаций, относимых к журналистским расследованиям.

Ценность данного расследования заключается в том, что оно впервые не столько раскрывает какую-то тайну (что присуще некоторым журналистским расследованиям и что сулило бы какими-то серьезными последствиями то ли для ее создателей, то ли для самого журналиста), сколько в том, что раскрывает ее для читателя «Собеседника». Вполне возможно, что публикации, подобные «Чуме рядом», уже появлялись в каких-то иных изданиях (возможно, в западных), так как тайна реально перестала быть тайной после предательства, совершенного Пасечником и Алибековым. Но аудитория «Собеседника» познакомилась с этой тайной, скорее всего именно прочитав текст «Чума рядом».

Непременной чертой ряда журналистских расследований часто является присутствие самого автора в ряду действующих героев тех историй, о которых они ведут речь в публикациях. Рассказывая о том, как шло расследование, какие препятствия стояли на пути, какими открытиями, действиями, эмоциями оно сопровождалось, автор тем самым делает процесс расследования наглядным, впечатляющим, что явно отличает данный жанр от других жанров, например статьи. В силу того что, как уже говорилось, журналистское расследование приближается по характеру к тому расследованию, которое ведут правоохранительные органы, журналисту, его осуществляющему, необходимо позаботиться о доказательности «улик», на которых он строит свое выступление. Известно, что наиболее ценными являются достоверные сведения, полученные из близких к предмету расследования кругов (от бывших жен, друзей, сотрудников).

Часть необходимых первоначальных сведений журналист может получить из открытых источников — газет, журналов, теле- и радиопередач, библиотек, баз компьютерных данных, Интернета. В любом случае первоначальная информация может быть полезной, например, она

может подсказать, где следует искать правительственные и другие документы (в каком министерстве, ведомстве, учреждении). Но, конечно, основной объем конкретных сведений, непосредственно связанных с предметом исследования, может быть получен в результате сложной и кропотливой работы с действующими источниками информации, включенными в изучаемую ситуацию.

В ходе расследования журналист прибегает к самым разным методам получения данных — наблюдениям, интервью, анализу документов и т. д. Одним из наиболее продуктивных методов является «перемена профессии» (журналист на какое-то время может стать продавцом на рынке, чтобы узнать, как действуют рыночные рэкетиры, или выступить в роли больного, чтобы выяснить, что творится в больнице, о которой плохо отзываются пациенты). Естественно, что собрать наиболее серьезные, наиболее тщательно скрываемые сведения, улики могут в полной мере только правоохранительные органы. Расследование, таким образом, предполагает тесный контакт журналиста с этими органами или с отдельными их работниками. Каким он будет, формальным или личным, зависит от обстоятельств, в которых ведется расследование. Как правило, милиция, прокуратура не заинтересованы в разглашении полученных сведений, поскольку это может негативно сказаться на раскрытии преступления. Кроме того, могут быть и причины другого плана, например нежелание органов «делиться славой» с журналистами или заинтересованность должностных лиц в определенном исходе расследования, в ряде случаев — коррумпированность правоохранительных органов.

Поэтому большинство необходимых сведений журналист может получить только неформальным путем — через своих знакомых, друзей, работающих в правоохранительной системе. Это затрудняет расследование, поскольку не всегда оказываются ясными все звенья цепочки, которую разматывает журналист. Поэтому заключения, которые он делает, должны касаться только того круга обстоятельств, которые точно установлены, иначе публикация будет иметь внутренние изъяны, недостаточность действительных доказательств, необоснованность обобщающих заключений.

Журналисту, ведущему расследование, стоит принять для себя в качестве закона совет, который дает в своем «Кратком руководстве по проведению журналистского расследования» известный американский журналист Майкл Берлин, много лет занимавшийся этим видом журналистского творчества в газете «Нью-Йорк пост»: «Никаких краденых документов. Никакой платы за информацию. Никаких незаконных проникновений на частную территорию, за исключением случаев, когда журналист готов нести за это судебную ответственность. И самое главное. Ни при каких обстоятельствах... не раскрывать источник информации».

Последнее обстоятельство предполагает, что журналист будет хранить все полученные им документы (письма, магнитные записи, фотографии и др.) в очень надежных местах. Они ни при каких обстоятельствах не должны передаваться властям, за исключением случаев, когда на это получено разрешение людей, предоставивших эти документы в распоряжение журналиста.

Намечая расследование, журналист должен вспомнить, что «нельзя обять необъятное». Необъятное — это те самые кричащие факты общественной жизни, которых, к сожалению, очень много. Будет правильно, если журналист сумеет определить не только самые актуальные из них в качестве предмета своего исследования, но и реально оценить свои силы, рассчитать возможности, шансы на успешное осуществление замысла. Переоценка своих возможностей не только приведет к невыполнению задачи, не только в какой-то мере дискредитирует журналиста как профессионала, но и может повредить установлению справедливости в том деле, которое он расследует.

Проводя расследование, журналист может получить достаточное количество ярких негативных фактов, касающихся того человека, чья преступная деятельность его заинтересовала. Эти факты могут быть самыми разноплановыми, значительно отклоняющимися от того основного направления, которое лежало в основе расследования.

Расследуя коррупционные связи правительенного чиновника, журналист может узнать и то, что тот развратничает, пьянствует, бьет жену и детей или употребляет наркотики. Такие факты не должны повлиять на содержание расследования. Автор должен рассказать аудитории о главном — о коррупционных связях чиновника. Именно они — предмет его выступления, именно они должны быть всесторонне рассмотрены и доказаны. Что же касается остальных неприглядных фактов, то они могут стать предметом совершенно иного выступления журналиста (возможно, совсем другого автора).

Журналист-расследователь должен быть всегда готовым к тому, что лица, о которых он ведет речь в своей публикации, будут защищаться, в том числе и с помощью суда. Поэтому очень

хорошо, если автор расследования имеет в запасе, кроме уже опубликованных, другие факты, документы, свидетельства, подтверждающие правильность его выводов и утверждений.

[в начало](#)

ОБОЗРЕНИЕ

Этот жанр изобретен не журналистами, обозрение использовалось задолго до возникновения периодической прессы. Присущие этому методу формы и способы отображения действительности можно, например, найти в текстах Плутарха (I-II вв.), позже — в дидактических обозрениях китайца Ван-Ан-Хи (XI в.), а также — в «Опытах» Монтеня (XVI в.) и в «Главах» из книги «Обозрения Парижа» Луиса Себастьяна Мерсье (XVIII в.). Именно последнего считают основоположником журналистского обозрения, поскольку первые несколько «Глав» из своего двенадцатитомного издания он первоначально опубликовал в газете.

Можно сказать, что современное обозрение не относится к ежедневно и интенсивно используемым журналистским жанрам. Однако оно важно для аналитической журналистики, как и другие жанры. Обозрения публикуются во многих газетах и журналах. Основные программы радио и телевидения России имеют соответствующие рубрики: «Медицинское обозрение» (МТК), «Международное обозрение» (СПб.), «Итоги», «Панорама» (НТВ), «Обозреватель» (ТВ-6), «Футбольное обозрение» (OPT), «Экономическое обозрение» (РР), «Зеркало», «Парламентская неделя» (РТР), «Параллели» (ТВЦ) и т. д.

Определяющий признак жанра обозрения — единство наглядного освещения общественных событий и мысли обозревателя, глубоко проникающей в суть процесса, ситуации. В чем отличие этого жанра от других жанров журналистики, в чем его своеобразие? Это становится ясным в ходе определения функции и предмета обозрения. Обозревать — значит наблюдать и обдумывать замеченное (но отнюдь не любоваться им). В обозрении ярко проявляется позиция журналиста. Обозреватель должен:

- возбуждать интерес аудитории, рассказывать ей о событиях, процессах, происходящих в общественной жизни;
- отстаивать передовые точки зрения и способствовать совершенствованию «личной стратегии» граждан;
- обнаруживать в явлениях их сущность, показывать противоречия действительности;
- через выяснение сущностных связей, определение линии развития явлений, прогноз осмысливать ход общественного развития;
- способствовать практическому решению проблем общества.

Определение этих функций жанра помогает обрисовать в общих чертах предмет обозрения. Его составляют общие вопросы политики, экономики, характерные социальные явления и тенденции их развития, вопросы образа жизни и межчеловеческих отношений и многое другое. Предметом обозрения могут быть идеи, почерпнутые из философии, истории, литературы. Для предмета обозрения характерна пространственно-временная или тематическая связь обозреваемых явлений. Не случайно обозрения имеют строгую периодичность выхода в свет (ежедневные, еженедельные, ежемесячные). Они как бы подводят итог определенного периода жизни, деятельности в той или иной сфере общественного бытия. Именно указанная особенность связей предмета обозрения позволяет главным образом отличить обозрение от статьи (для предмета последней характерной чертой является причинно-следственная связь отображаемых феноменов).

В отличие от комментария, предметом которого выступают прежде всего разнообразные новые события и явления, для обозрения важны те процессы, события, которые симптоматичны для современных социальных отношений, взаимосвязей, независимо от того, насколько они важны (события, процессы) сами по себе; они служат примерами, демонстрирующими, иллюстрирующими конкретные авторские идеи, значимые для общества^{23[4]}.

Основной метод обозрения заключается в том, чтобы с помощью глубокого рассмотрения определенной совокупности фактов, объединенных временем, пространством, познакомить аудиторию с происходящими в обществе процессами, сложившимися ситуациями, возникшими проблемами. Обозревая явление во внешних и сущностных его характеристиках, автор приводит аудиторию к необходимой идее.

Выразительные детали служат опорными точками аргументации или самими аргументами, предвосхищают саму идею (тезис, умозаключение). В отличие от статьи, где активно используются именно логические доводы, в обозрении применяются прежде всего выразительные примеры, детали, которые придают тексту наглядность, конкретный характер. Это происходит прежде всего потому, что обозреватель хочет остановить свое внимание на общезначимых проблемах. Для привлечения внимания аудитории он оперирует вполне конкретными фактами, использует воздействие наглядности, останавливается на подробностях, чтобы затем быстро отойти от них, устремившись к обобщению. Поэтому обозреватель должен обладать как талантом микрокопирования жизни, так и талантом широкого ее видения, как бы разглядывая мир через линзы как уменьшающие, так и увеличивающие его объекты.

Стремление объединить часто разнородные примеры в качестве иллюстрации общей мысли сказывается уже на формулировках заголовков обозрений. Например, они могут звучать так: «Что происходит в большом городе?», «Одно путешествие в Грозный», «Что радует?», «Победа над собственной трагедией», «Объяснение в любви», «О разрушении и сохранении», «Доверять ищущим», «Люди из одного мира» и т.д.

Поскольку обозрения публикуются с определенной периодичностью, то это сказывается и на выборе тем, характере, глубине анализа. Чем реже публикуются обозрения, тем больше у автора возможностей найти в потоке событий факты, наиболее интересные для аудитории, проанализировать их, обобщить. Вместе с тем длительные промежутки времени между выходами обозрений приводят к тому, что аудитория уже достаточно много знает о тех событиях, которые становятся предметом обозрения, из оперативных публикаций (репортажей, отчетов, корреспонденции и пр.). Это предполагает, что обозреватель, имеющий достаточно времени для размышления, анализа, может обнаружить в этих событиях взаимосвязи, еще неизвестные аудитории, что привлечет ее внимание к опубликованному обозрению.

Быть обозревателем вообще невозможно. Ибо нельзя обнять необъятное. У каждого «работающего» в этом жанре должно быть свое «колесо обозрения», то бишь своя творческая ниша. В ней он обязан быть незаменимым или почти незаменимым знатоком. Чем уже поле обозрения, тем больше возможность подготовить глубокий материал. В XIX в. В. Г. Белинский в своих «обозрениях литературы» писал о всех значительных явлениях, происходивших в течение ряда лет. Эти обозрения публика ждала, как ждут сегодня последние новости. Жизнь все убирается, события следуют непрерывной чередой. Новости стареют, едва успев родиться. Нынешний обозреватель успевает обсуждать, как правило, лишь события последних дней. Да и в этом случае он способен глубоко проанализировать лишь немногие из них.

Это еще одна причина, побуждающая современных журналистов-аналитиков к глубокой специализации. Порой достаточно знать имя автора обозрения, чтобы понять, о чем он примерно будет писать. Раскрывая, скажем, «Известия», поклонники политических обозрений ищут имена А. Бовина, Г. Герасимова, А. Привалова, А. Плутника или М. Соколова. Любители театра — имя А. Филиппова, телезрители — имя И. Петровской, любители шоу — имя А. Мунипова, книжечки — имя Ю. Байды, спортивные болельщики — имя Д. Филипченко и т.д.

Огромное число событий, происходящих в мире, всегда делает актуальным вопрос: «Что достойно стать предметом обозрения?» Известный чеховский герой из рассказа «Два газетчика» не только без остановки «гнал строчки», но и все написанное считал исключительно важным, даже если речь шла о выеденном яйце. При этом он рассуждал так:

«Чем плохо выеденное яйцо? Масса вопросов! Во-первых, когда ты видишь перед собой выеденное яйцо, тебя охватывает негодование, ты возмущен!!! Яйцо, предназначеннное для воспроизведения жизни индивидуума... понимаешь! жизни! жизни, которая в свою очередь дала бы жизнь целому поколению, а это поколение — тысячам будущих поколений, вдруг съедено, стало жертвой чревоугодия, прихоти! Это яйцо дало бы курицу, курица в течение всей своей жизни снесла бы тысячу яиц... — вот тебе, как на ладони, подрыв экономического строя, заедание будущего. Во-вторых, глядя на выеденное яйцо, ты радуешься: если яйцо съедено, то, значит, на Руси хорошо питаются... В-третьих...» и т.д.

Современная пресса тоже не обходится без обозрений «о выеденном яйце». Однако реальная трудность в другом — из числа тем, действительно достойных освещения в прессе, всегда приходится выбирать наиболее достойное. Это можно успешно делать, зная, что наявление первоочередной важности для обозрения указывает такое незаменимое его качество, как симптоматичность, или знаковость. Симптом, знак — сигнал действия какой-нибудь, иногда незаметной на первый взгляд, проснувшейся силы, закономерности. Симптоматичное, знаковое

явление может быть ярким, эффективным. А может быть и незаметным, сереньким фактом для неопытного взгляда. Талантливый обозреватель в потоке рутинных фактов обязательно заметит золотую россыпь симптоматичных фактов.

Зрение обозревателя обостряется по мере становления его социальной позиции. Говорить о том, у какого обозревателя верная позиция, у какого неверная, не имеет смысла. Каждый из них служит определенным социальным группам, партиям и пр. Важно говорить лишь о том, чтобы позиция журналиста была ясна для аудитории. Позиция — это «лицо» автора.

Свое лицо есть у обозревателя «Подмосковных известий» В. Раскина. На протяжении многих лет он оценивает происходящее в нашей стране с одной и той же позиции — с точки зрения простого человека, живущего своим нелегким трудом (обычно, наемного работника), для которого понятия «честь», «совесть» наполнены вполне конкретным смыслом. Кому-то эта позиция может показаться не соответствующей времени, но она существует и безусловно заслуживает уважения. Есть свое лицо и у А. Черкизова, в недавнем прошлом ведущего «Часа быка» (НТВ), обозревателя радио «Эхо Москвы». Он последовательно отстаивает индивидуальную свободу, приоритет личного перед общим. Не всем нравится эта позиция, но она четкая, определенная, и это привлекает известную часть аудитории. Она чувствует, что именно этот автор смотрит на мир ее глазами, оценивает события, как бы оценила она их сама.

Чего ждет аудитория от обозревателя? Ведь то, о чем он будет рассказывать, уже в какой-то мере ей известно. Очевидно, ее будет интересовать то, что не всегда удается уяснить из оперативных сообщений. А именно — суть обозреваемых явлений. Чтобы попробовать разобраться в анализируемой ситуации, обозревателю важно ответить прежде всего на следующие вопросы:

1) Что породило данное явление (ситуацию)? Разумеется, обозреватель может рассказывать не об одном, а о нескольких событиях (что обычно и бывает), произошедших за месяц, неделю. Поэтому, если он будет описывать причины каждого из них, обозрение может получиться очень громоздким. Но в любом случае автор должен разобраться с причиной каждого из рассматриваемых явлений. Если он уверен, что относительно некоторых из них у аудитории ответ уже есть, то должен в рабочем порядке сформулировать его лично для себя. То есть в процессе осмысливания происходящего он должен построить цепочку ответов о причине каждого из событий. Это, несомненно, поможет ему более четко увидеть причинно-следственные связи обозреваемых явлений.

2) Какова значимость обозреваемых событий? Как они влияют на разные стороны общественной жизни, на жизнь отдельных граждан или групп? Обычно ответы на вопросы именно этого плана и составляют львиную долю практически каждого обозрения (если, разумеется, оно является аналитическим выступлением, а не детализированной информационной подборкой).

3) Как будут развиваться обозреваемые явления или ситуация и что надлежит сделать в связи с этим? Эти вопросы наиболее трудные для обозревателя. Пытаясь ответить на них, дать прогнозы, обозреватели часто опираются не только на чье-то мнение, но и на знание тенденций, закономерностей, которые порождают события, управляют ими. В этом случае журналиста нередко выручает знание развития аналогичных событий, ситуаций в каких-то иных сферах или в прошлом.

Степень профессионализма обозревателя проявляется прежде всего в его стиле, которым, так сказать, «пронизаны» его обозрения.

При этом имеются в виду не столько языковые особенности его публикаций, сколько, так сказать, лейтмотив его творчества — некая постоянно заявляющая о себе «сверхидея», озаряющая своим светом каждое выступление автора и, может быть, помимо его воли становящаяся ясной аудитории.

Такой лейтмотив ярко проявляется в передачах трех телеведущих и одновременно обозревателей — Н. Сванидзе, Е. Киселева, Н. Доренко. Так, для Сванидзе характерно язвительно-уничижительное отношение к своим политическим противникам. Прежде всего — к коммунистам. Важнейший признак телепередач Киселева — желание спокойно, аргументирование «докопаться» до сути дела, которого касается выступление. Для Доренко характерно то, что лейтмотив его творчества — нацеленность на то, чтобы опорочить, втоптать в грязь любым путем своих оппонентов, — «худшее, по мнению редактора «Нового

времени» А. Пумпянского, что есть в современной отечественной журналистике, агрессивное и по-своему убедительное доказательство того, что свободная пресса есть не что иное, как переход от табу к беспределу».

Своеобразие стиля проявляется и в приверженности автора отображать определенную содержательную сторону темы, определенного рода взаимосвязи. Скажем, обозрения «нововременцев» Л. Цукановой, В. Ханыкова, М. Глобачева отличает углубленный анализ взаимосвязей в пределах какого-то одного события, действия, феномена. Такого рода обозрения близки по своему содержанию к аналитической статье (или даже аналитической корреспонденции). А вот, например, обозреватель «Русской мысли» И. Иловайская чаще всего исследует в своих обозрениях явления, объединенные временной связью (например, обзор событий в России за неделю). Поэтому ее обозрения носят панорамный характер, представляют разные явления в их сравнении или противопоставлении. Это другой тип связей. В данном случае обозрение строится по типу информационной подборки. Чтобы избежать поверхностности в анализе разнородных событий, И. Иловайская сводит число обозреваемых событий до минимума (обычно до трех). Обозреватель «Российского радио» С. Колотилинский добивается этого, включая в свои обозрения комментарии других журналистов по поводу анализируемых событий. Иногда, имея в виду такого рода творческую доминанту, говорят о стандартном подходе автора к разработке темы. Хорошо это или плохо? С одной стороны, вроде плохо. Но, с другой — жесткий темп журналистской работы немыслим без определенных, устоявшихся стереотипных подходов, без алгоритмов отображения действительности.

Стиль автора проявляется и в приверженности к определенным методам анализа (индукции, дедукции, ассоциации и т.п.). Пример — обозрения М. Соколова на страницах «Известий», которые очень часто строятся с помощью метода аналогии. Не случайно они обычно помещаются под рубрикой «Аналогии».

Разумеется, что языковая сторона творчества также является стилеобразующим фактором в творчестве обозревателя и ее изучение также требует внимания начинающего журналиста.

[в начало](#)

ОБЗОР СМИ

Словом «обзор» в журналистике обозначают описание, подведение итогов, рассмотрение, изучение особого рода информации. Говоря об обзоре СМИ, чаще всего имеют в виду изучение особенностей публикаций, литературной, творческой деятельности издания, теле- и радиопрограмм или способ знакомства аудитории с публикациями в целях дать представление об их содержании, форме.

Исторически исходной формой обзоров СМИ был обзор печати. Появление этого жанра связано с расширением круга газетной продукции, со стремлением разобраться в разнообразии газет и журналов, узнать, что они пишут, как и почему, и рассказать об этом читателю. По имеющимся сведениям, первоначально обзоры печати составлялись отдельными исследователями, учеными с целью сформулировать свое представление о роли и возможностях прессы в жизни общества и познакомить с этим представлением своих современников. Одним из первых такого рода обзоров (возможно, первым) является книга немецкого теолога Агасфера Фрича «Обозрение (или описание) новостей, которые именуются «Новые газеты» («Новые временники»), и содержащейся в них пользы и бесполезности», вышедшая в 1676 г. в Германии.

Рассуждения обозревателя о пользе и бесполезности публикаций, газет в целом выражены в комментариях к отрывкам, взятым из них. В дальнейшем обзоры появляются уже на страницах самих периодических изданий. Из истории российской журналистики хорошо известны обзоры печати, опубликованные на страницах многих журналов и газет, таких как «Современник», «Отечественные записки», «Русский инвалид», «Звезда», «Новая жизнь», «Куранты», «Искра», «Правда» и т.д.

В советское время обзоры прессы являлись одним из наиболее важных жанров. Этот жанр, как и другие, активно применялся для воздействия на информационную политику обозреваемых изданий. Обозреватели должны были рассматривать все публикации и издания с партийной точки зрения, находясь на ее жесткой идеологической платформе. В оценке, например, какой-то газеты надо было исходить из того, как она помогает своей партийной организации в решении тех или

иных вопросов, как освещает в связи с этими вопросами местную жизнь, как работает со своими внештатными авторами — рабкорами, селькорами, юнкорами.

Автор обзора должен был обратить внимание на уровень политической выдержанности публикаций, соответствие их курсу партии, а также на то, насколько точно умеет газета выделять главные направления хозяйственной деятельности общества, исследовать их, находить передовой опыт и распространять его; насколько критичны и самокритичны публикации; насколько доказательны, аргументированы ее выступления; каков язык, стиль публикаций, какой отклик получают они у читателя, как борется издание за действенность своих выступлений и т.д.

Обязательность выполнения обозревателем таких требований диктовалась той ролью, которую журналистика в целом играла в жизни общества в качестве инструмента партийного воздействия на массы, партийного контроля за процессами, происходящими в обществе^{24[5]}. Издания, публиковавшие обозрения, могли рассматривать только «нижестоящие» газеты и журналы. Центральная газета могла, например, критиковать все остальные издания; республиканская — областные, районные, многотиражные; областная — районные и т.д.

В настоящее время обозреватели российских СМИ находятся в несколько ином положении, «субординации» изданий не существует. Печать обозревает радио- и телепередачи, а телевидение и радио рассказывают о газетах и журналах. Идеологическая платформа, опираясь на которую журналист может обозревать те или иные издания, публикации, может быть самой разной. Политический плюрализм изданий ограничивается лишь плюрализмом целей, преследуемых их реальными владельцами. Изменение роли журналистики в обществе сказалось на характере реакции обозреваемых изданий на опубликованные обозрения. Эта реакция вообще стала необязательной.

Более того, автор обозрения может предстать перед судом по обвинению, как минимум, в нанесении морального урона, если, по мнению обозреваемых изданий, он их «обидел». Эти и другие факторы ориентируют внимание обозревателей лишь на некоторые из тех аспектов деятельности СМИ, которые когда-то были лишь малой долей обрабатываемого ими «поля». Типичные задачи, цели, которые ставят при этом перед собой журналисты, влияют на формирование определенных, относительно устойчивых видов обзора.

ОБЗОР-ПРЕЗЕНТАЦИЯ

В связи с тем что очень большая часть населения из-за материальных трудностей не может приобретать три-четыре газеты, журналы, иметь радио, телевизор, как это было до перестройки, те издания, которые пользуются наибольшим спросом у населения, а также радио- и телепрограммы берут на себя задачу проинформировать людей о том, что пишут другие издания или что сообщают другие теле- и радиопрограммы. При этом обозреватели могут посвящать свою «презентацию» обзору новых изданий, только что появившихся на свет, или же рассказать о публикациях на страницах уже известных читателю газет и журналов.

В первом случае в обозрении речь идет обычно о целом номере нового журнала, но иногда в нем могут рассматривать и несколько номеров издания. Цель при этом ставится одна — показать характер нового издания, его достоинства и недостатки. Во втором случае автор обозрения старается познакомить аудиторию с наиболее интересными, с его точки зрения, публикациями в разных изданиях.

Чаще всего такие публикации отбираются обозревателем по одному ведущему признаку — степени сенсационности. Чем сенсационнее публикация, тем больше у нее шансов быть включенной в обзор СМИ. Такие обзоры автор обычно начинает с главной сенсации. Это привлекает внимание аудитории к публикации. Затем излагаются другие новости.

Аналитическое начало такого вида обзора заключается в том, что автор пытается показать те глубинные причины, которые порождают «нестыкуемые», на первый взгляд, сенсации, происходящие в разных сферах жизни общества. Именно этим обзор СМИ как аналитический жанр отличается от аннотации новостей, от их информационной подборки.

Из публикации «Кандалы для беллетриста (толстые журналы в декабре)»

(Вечерний клуб. 27 декабря. 1999)

«Знамя»

О Есенине, походку которого знала каждая московская собака, написано огромное, за гранью приличий, количество мемуаров. Тем не менее новые тексты продолжают всплывать, хотя сейчас Есенина читают мало и сгинули на чердаках выпиленные лобзиками и выжженные по дереву руками народных умельцев портреты. Под рубрикой «Неизвестные воспоминания о Есенине» «Знамя» публикует очерки Алексея Угрюмого и Елизаветы Старской. Про стихи и любовь. В «Конференц-зале» критики обсуждают свои профессиональные проблемы; критикам, оказывается, тоже бывает нелегко. Александр Генис напечатал элегантное эссе «Мой Шерлок Холмс», а Светлана Семенова отслеживает метаморфозы эроса в творчестве Пушкина. Особо занятная публикация — «Скифский словарь» Г. Хазагерова. В «Поголовье стальных коней» первое место принадлежит паровозу, второе — трактору, третье — шагающему экскаватору, дальше следует комбайн и прочие незначительные кони, вроде бульдозера.

«Новое литературное обозрение»

В искусствоведческом разделе наиболее интересна работа Эриста Гомбриха, посвященная иконологической школе Аби Варбурга. Варбург изучал трансформацию как духовной, так и светской живописи по отношению к временными периодам. Материал, по определению, научный. Но живо написанный и с картинками. О. В. Будницкий с предосудительной страстью обвиняет Нину Берберову в пособничестве фашистам (она не уехала из Парижа во время оккупации, а, напротив, всех туда звала). О культуре 90-х годов Илья Ильин философски рассуждает, кружась вокруг понятия «постмодернизм» (было бы хорошо, если бы понять, чем он отличен от «модернизма»).

Экзотические красоты японской краткости в разделе «Литература в стиле бонсай» и полный разнос глубокомысленных монографий в разделе «Библиография». Из последнего особенно рекомендуется рецензия Андрея Серегина на книжку А. Николюкина о Розанове. Чрезмерно увлеченных беллетристов надо бы заковывать в кандалы.

«Дружба народов»

Номер получился нетрадиционным в том смысле, что целиком оказался посвященным жанру малой прозы. Печатаются, например, «Сказочки» Юрия Буйды. Любимец толстых журналов Анатолий Азольский публикует биографический рассказ «Могила на Введенском кладбище» о судьбе шведа-антифашиста, схожей с трагедией пропавшего после войны шведского дипломата Валленберга. Даниил Гранин новеллой «Наваждение» открывает новый во всех смыслах как для себя, так и для читателя цикл «Чудеса любви». От немолодого мэтра можно было бы ожидать нечто вроде бунинских «Темных аллей», но у Даниила Гранина все более экспрессивно: любовь — это психотропное оружие в том смысле, что толкает человека на неожиданные и малообъяснимые по окончанию воздействия поступки. Молодой писатель Слава Сергеев с иронией и любовью пишет о превратностях современной издательской жизни. В разделе критики основное внимание уделено современной украинской литературе.

Как видим, целью своей публикации журналист поставил знакомство публики с содержанием декабрьских номеров трех литературно-художественных журналов без глубокого анализа произведений, помещенных в этих журналах и названных им в обзоре. Более важным для него представляется, так сказать, «расставить вехи», по которым

потенциальный читатель журналов смог бы сориентироваться в направлении новых литературных произведений. При этом журналист акцентирует свое внимание на отдельных чертах опубликованных произведений, выражая тем самым свое личное к ним отношение, которое, возможно, кем-то будет принято во внимание, а кто-то его не заметит. Самое главное — данное обозрение-презентация дает общее представление о содержании номеров журналов, писателях, выступивших на их страницах.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Данный вид обзора предназначен для освещения определенной темы. В настоящее время очень часто такими темами являются указы президента РФ, законы, постановления, принятые Государственной Думой, правительством РФ, Советом Федерации, новые назначения и отставки в высших эшелонах власти, результаты очередных выборов, чрезвычайные и скандальные происшествия, преступления и т.д.

Все эти и другие подобные явления становятся центральным пунктом, вокруг которого и строится обзор прессы. Привлекая публикации из различных изданий, теле- и радиопередач, автор стремится с их помощью представить аудитории полную картину события, познакомить ее с разными оценками, мнениями, позициями, занятыми СМИ по отношению к данному событию. Такого рода обзор дает аудитории более-менее полное представление о причинах события, внутренних «пружинах» его, значении, описывая какое-то явление с разных сторон, «замеченных» разными СМИ. Этот вид обзора содержит в себе черты аналитической публикации в более полной мере, нежели обзор-презентация.

Из публикации «Брюс Уиллис российской политики»

(*Известия. № 240. 1999*)

Штатные кремленологи в британской прессе не пытаются скрыть изумление исходом парламентских выборов в России, называют их беспрецедентными, но все же рисуют предложить довольно странный набор объяснений того, почему «премьер-министр, о существовании которого еще шесть месяцев назад знали лишь немногие, и партия, только возникшая в сентябре, держат в руках руль российского государственного корабля» (*«Таймс»*).

Практически все издания сфокусировали интеллектуальные силы не на анализе идеологических симпатий и личностных предпочтений избирателя, хотя и раздали характеристики потерявшему очки левому и приобретшему избирателя правому флангу. Их внимание почти безраздельно привлек «феномен Путина», рожденный, по мнению «Гардиан», появлением в России «виртуальной политики», которая сделала возможной приход к финишу политика, даже не участвовавшего в предвыборном забеге. «Гардиан» объясняет вознесение из небытия «Единства» отходом на задний план собственно политики и партийных пристрастий, которых отжали предвыборные технологии, строящиеся на трех китах: «маркетинг, манипулирование и телевидение».

Ни один из названных трамплинов не вознес, однако, популярности В. Путина до его рекордных 70-75 процентов, на деле сложившихся, как пишет *«Телеграф»*, «из одобрения широкими массами его ястребиной политики в Чечне». Но этот стимулятор роста может выдохнуться за следующие шесть месяцев, полагает *«Гардиан»*. Путин пожнет только краткосрочные плоды, но никак не переживет масштабную «священную войну», и поэтому трудно предположить, какие дивиденды извлечет «золотой мальчик» из своего циничного замысла завоевать руку и сердце России, изнасиловав Чечню.

Аналитики практически всех качественных ведущих газет Британии смирились с мыслью, что Шойгу (а практически Путин) взмыл над Охотным рядом благодаря подъемной силе в российском обществе возмущения вылазками террористов. Отсюда и холодок отчужденности, который должен был появиться во время 40-минутного телефонного разговора британского премьер-министра Тони Блэра со своим российским

коллегой - всего через несколько часов после объявления предварительных итогов выборов. Лейтмотив беседы был явно предопределен прорывом во власть «Единства», для которого выборы, судя по оценкам западных аналитиков, стали неофициальным российским референдумом, проявившим отношение избирателей к жестким мерам по наведению порядка на территории одного из субъектов федерации.

Разгадать, что за человек скрывается за фигурой «бледного трудоголика» («Таймс») и «новорожденного царя» («Миррор»), хотят поверхностным осмыслением биографии Путина. Словно выискивая подтверждение своим наихудшим опасениям, пресса дружно акцентирует внимание на пятнадцатилетнем стаже в КГБ, на службе в Германии в течение шести лет, где он «шпионил против Запада», на «свободном владении немецким языком», на обладании «черным поясом по дзю-до» («Экспресс»), на предположении, что он выкрадал секреты создания «евроистребителя», а затем «вербовал молодых сотрудников для работы против Запада» («Миррор»). Газеты не обошли вниманием тот факт, что премьер бегает трусцой, может 15 раз подтянуться на турнике, не больно жалует национальный 40-градусный напиток и, пишет «Тайме», ссылаясь на свой источник, «умопомрачительно быстро схватывает информацию, которую ему докладывают».

Комментаторы, пропитавшиеся за последний год обличительным пафосом компромата против России, не в состоянии преодолеть глубокую подозрительность к любому политику, проходившему еще вчера как «человек в штатском». Но вынуждены считаться с тем, что Путин не может опасаться за свою репутацию дома, если подвергнется дипломатической изоляции» («Гардиан»), и что «Борис Ельцин едва ли сможет отправить его в отставку, как он это сделал с четырьмя премьер-министрами за последние два года» («Таймс»).

Суммируя во многом совпадающие мнения британских обозревателей, можно сделать вывод, что, хотя В. Путин «остается загадкой для большинства россиян, не говоря уже о Западе», хотя его пытаются представить как «виртуального политика», четко выраженное волеизъявление российских граждан, отдавших предпочтение центристским силам, «государевым людям», лишает наших западных контрагентов важнейших рычагов психологического давления на Россию в связи с Чечней. При этом ключевой силой оказывается лично Владимир Путин, названный «Брюсом Уиллисом российской политики».

Избрав в качестве предмета отображения в зарубежной прессе «феномен Путина», автор обзора представляет читательской аудитории «Известий» суждения об этом «феномене» самых разных изданий. В результате аудитория получает довольно четкое представление о том, каким видят западные журналисты нового премьер-министра России. Кроме того, автор обзора делает свои личные замечания по поводу некоторых суждений западных журналистов, что в свою очередь помогает читателям увидеть позицию самих «Известий», занятую по отношению к В. Путину.

БЕЗАДРЕСНЫЙ ОБЗОР

В таком обзоре, как и в тематическом, рассматривается одна или более актуальных тем, обсуждаемых прессой. Однако безадресный обзор обладает одной характерной чертой — отсутствием ссылок на конкретные обозреваемые издания, радио- и телепрограммы. Для автора важно проследить за тем, как средства массовой информации в целом обсуждают ту или иную тему, к какому выводу приходят, какие оценки выносят. Иногда своей целью автор ставит выявление проблем, тем, которые на протяжении определенного времени (недели, месяца) в наибольшей мере волновали российскую или даже мировую прессу (подобного рода обзоры характерны, например, для газеты «Русская мысль»).

При этом автор может достаточно обстоятельно комментировать как сами заинтересовавшие прессу проблемы, так и особенности их освещения в прессе. Это в значительной мере сближает безадресный обзор СМИ с жанром обозрения. «Привязку» содержания обзора к СМИ автор обычно осуществляет обобщенным образом (например: «Левая пресса считает...», «Правая пресса России уверена...», «Средства массовой информации России обратили внимание на следующую проблему...», «Как полагают некоторые газеты...», «Вся мировая пресса выступила в связи с этим...» и т.д.). Такого рода ссылки выгодны для автора тем, что они освобождают его от

возможного упрека со стороны конкретных СМИ в искажении их позиции и т.п. При этом вид безадресного обзора позволяет автору проявить свое «глобальное видение» наиболее важных проблем, тем, привлекших внимание СМИ, высказаться по ним в нужном ключе. В то же время аудитория имеет право относиться к таким обзорам, как к личному мнению автора, которое не обязательно принимать во внимание.

При подготовке обзоров журналисту желательно придерживаться определенных правил. Первое — правильно определить цель своего выступления, очертить круг вопросов, которые надо осветить, выбрать тему. Так, например, при написании тематического обзора важно установить, какое место данная тема занимает в «привлеченных» журналистом изданиях. Ему следует при этом обращать внимание как на крупные, так и на небольшие по размеру публикации, акцентируя внимание прежде всего на их содержании. Все это помогает более точно оценить позицию того или иного издания по конкретному вопросу.

В ходе изучения публикаций журналист может обнаружить какие-то ошибки, опечатки и т.д. Если они имеют случайный характер, то их можно использовать только в качестве образных деталей, но отнюдь не стоит строить на них свое выступление. Необходимо избегать излишних или необоснованных эмоций по поводу обозреваемых публикаций. Автор публикации, разумеется, имеет право выразить свое мнение по поводу того, о чем идет речь, но мнение это должно быть аргументированным, построенным на фактах. Иначе оно будет выглядеть неуместным, излишним.

[в начало](#)

ПРОГНОЗ

Становление жанра «прогноз» происходило в течение последних десяти лет и напрямую связано с процессами реформирования общества. Именно для таких периодов в его жизни значимы прежде всего слова Ришелье: «Будущее важнее настоящего — опыт доказывает, что если не заглядываешь в даль своих проектов, туда, куда хочет донести, век их будет не долг». Желание узнать, что ждет впереди, и вызвало вал предсказаний, пророчеств, прогнозов, захлестнувший страницы отечественной прессы, ставших, пожалуй, одним из наиболее заметных и постоянных для нее с тех пор явлений. Да и не задача ли журналиста, используя возможности «жанра» Кассандры (именно эта мифическая богиня владела даром предсказания в совершенстве), помочь своей аудитории узнать что-то о завтрашнем дне? Ибо, как гласит пословица, «кто предупрежден — тот вооружен».

Предсказания, или *прогнозы*, — это *суждения о будущем*. Прогноз, который всегда сбывается, называют «пророчествами». Иногда понятие «прогноз» журналисты заменяют понятием «гипотеза». Равноцenna ли такая замена? Вовсе нет. Почему? Да потому, что эти понятия совпадают лишь отчасти. А именно гипотеза, как и прогноз, в ряде случаев может рассматривать некоторые явления, отнесенные в будущее. Но она может быть обращена и в прошлое. Прогноз же всегда связан только с будущим тех или иных явлений. Кроме того, *прогноз всегда рассматривает будущее состояние уже существующих явлений*. В отличие от него в гипотезе может идти речь о явлениях, которые никогда не существовали или не существуют в настоящий момент. Не совсем верно отождествлять прогноз и с версией. Версия — это возможный вариант развития события. С помощью версий обычно пытаются объяснить уже свершившиеся факты. Но иногда версия излагает вариант развития какого-то явления в будущем. В этом случае понятия «версия» и «прогноз» могут совпадать.

На страницах сегодняшней прессы журналисты в качестве авторов прогнозов выступают относительно редко. Чаще всего их составляют специалисты, эксперты, ученые соответствующей сферы деятельности. Так происходит, когда издание преследует цель — дать серьезный прогноз. Причиной обращения журналистов именно к таким людям являются, разумеется, те знания, которыми они владеют. В оптимальном случае — это точные знания. Опираясь на них, как раз и можно заглянуть в будущее. Но точность знаний о современном состоянии прогнозируемого явления — не гарантия точности предвидения его будущего. Ибо, как заметил в своей статье «Прогноз прогнозов или прогноз о том, как надо строить прогнозы» философ Н. Шулевский (Союз-ТПП. 2000. № 4), «любой прогноз предполагает выделение двух величин — постоянной и переменной». В качестве постоянной величины выступает то, что нам уже известно, а в качестве переменной — то, что неизвестно. Когда неизвестное оказывается весомее известного, прогноз получается неточным. К чему сводится задача журналиста, если он

обращается за прогнозом, например, к ученому? Прежде всего — к определению точной темы прогноза и литературному оформлению текста.

Но иногда возникает потребность в развлекательном прогнозе.

Из публикации «Колдуны знают, кто победит»

(АиФ. № 50.1995)

По мнению компетентных ясновидящих, в тонких мирах накануне выборов в Государственную Думу царит страшная толкотня. Представители оккультных профессий, которым не чуждо желание и умение побродить по астралу, отыскивают в будущем ответы на вопросы заинтересованных лиц: «Победю (-жу, -ждю, в зависимости от степени владения лица русским языком) ли я на выборах?»

Как видим, эта «врезка», предваряющая публикацию, настраивает читателя на шутливый тон. О том, что публикуемый прогноз не надо принимать всерьез, журналист предупреждает уже рубрикой, под которой располагается текст. Звучит она так: «Политический прогноз с прибаухом». Заявленный тон журналистка выдерживает и в последующем содержании материала. Сделать это ей помогает ироничное отношение к повальному увлечению многих современных политиков мистикой.

К части наших политиков, надо заметить, что мало кто из них совершенно пренебрегает консультациями астрологов, биоэнергетиков и экстрасенсов. Рискнем предположить, что без них обходится Джона Давиташвили, кандидат в депутаты Госдумы. Скорее всего она (Джона) решает эти проблемы по-домашнему, наедине с собой. Но все остальные, уже выдвинутые, но пока не столь продвинутые, вынуждены общаться с соответствующими инстанциями, отвечающими за будущее, через посредников.

Что касается «посредников», т.е. наших сенсов, скажем, что не все они занимаются политическими прогнозами. Многие придерживаются узкой специализации — любовной, семейной, здравоохранительной — и в политические дебри не заглядывают. Те же, кто ими не пренебрегает, в эти дни идут буквально нарасхват. Результаты предстоящих выборов предсказываются всеми доступными способами, как-то: гадание на картах, кофейной гуще, по китайской «Книге перемен», ладони депутата и его нательной карте, вопросы к дельфийскому оракулу и непосредственные контакты со Вселенной. Белая магия поднимает своим клиентам энергетику. Черная пакостит энергетикам противников. И та и другая обходится политикам очень недешево...

Нам жалко наших политиков. Им и так сейчас нелегко, а тут еще такие хлопоты... И поэтому мы решили в этот трудный и ответственный момент прийти им на помощь и предложить вниманию прогнозы, которые сделали приглашенные нами независимые колдуны. Опасаясь упреков в ангажированности наших оракулов, мы постарались отыскать не слишком известных и растиражированных магов (понятно ведь, что, скажем, личный сене Егора Гайдара никогда не станет публично предрекать ему поражение)...

Далее следует изложение колдовских прогнозов относительно возможной депутатской судьбы ряда видных российских политиков. А в конце, когда читатель как на ладони увидел «окончательно и бесповоротно» предначертанное думское будущее каждого из кандидатов, автор возвращает его из «астрала» на греческую землю, заявив следующее:

Все предсказатели сошлись в одном: результаты выборов вполне могут быть подтасованы.

Если журналист решил выступить со своим собственным прогнозом, то начинать, как и в любом ином случае, надо с главного—с выяснения истинного положения дел в той сфере, которой касается прогноз. Иначе говоря — с установления основных фактов, которые и станут фундаментом прогноза. Исходный фундамент должен восприниматься как серьезный и неопровергимый и теми, для кого пишет журналист.

Из публикации «Кремль ищет решение»

(Московские новости. № 42. 1999)

Умом понимаешь — вроде бы беды ждать неоткуда. Электоральный рынок аккуратно сегментирован: крайне левые — около 5 процентов, Зюганов — не более 20, «Отечество — Вся Россия-Аграрий» (сокращенно — ОВРАГ) — процентов 25. Потом Явлинский (до 10), Жириновский (5-7), НДР и крайне правые — тем и другим, дай Бог, по 5 процентов. Вроде все гладко. Но только на бумаге, потому что забыли об ОВРАГЕ. Точнее, о его правом береге. Левый центр в предвыборном пасьянсе представлен преизобильно. А вот правого полусреднего в российской команде нет. Соответственно непонятно, куда прислонить оставшиеся без хозяина 25 процентов избирателей. Они — в зависимости от развития событий — могут уйти и к Лужкову, и к Зюганову, и еще невесть куда. Такой неопределенности допустить в Кремле не могут. Тем более что на сей момент нет ни одного откровенно пропрезидентского предвыборного объединения — если не считать ЛДПР. Отсюда и лихорадочное мельтешение Бориса Березовского...

Трудно возразить что-то против доводов журналиста. Как видим, рассмотрев конкретное, реально существовавшее на момент прогнозирования разделение избирателей по политической приверженности, автор материала обнаруживает «бесхозные» двадцать пять процентов избирателей. И далее он вполне резонно указывает на то, что о существовании данной, не примкнувшей пока ни к какой политической силе электоральной группы известно не только ему, но и, например, кремлевской «семье». И что она наверняка попробует создать некое политическое новообразование, которое должно обладать привлекательной для данной части населения «раскраской». По мнению автора, все необходимые цвета (то бишь качества) содержатся в фигуре премьер-министра В. Путина:

Есть премьер Путин. Он, похоже, дорогого стоит. За одно воскресенье дважды мелькнул с рюмкой и стаканом в руке и оба раза скрупульно за чисто конкретные дела — сначала за армию и спецназ в Дагестане, потом за спецназ уже отдельно от Дагестана. Вот он, воплощенный правый центр, да еще и не скрывающий пропрезидентской ориентации.

Теперь мы уже можем точно сказать, что прогноз автора сбылся вполне. Практически в последний момент было создано общественно-политическое движение под названием «Единство», о поддержке которого заявил В. Путин. И это движение, действительно, пришлось «по вкусу» той «бесхозной» группе избирателей, о которой писал автор выступления в «МН». Двадцать два с лишним процента избирателей проголосовало за него, удовлетворившись симпатией к Путину и еще двум достойным гражданам, составившим ему компанию, даже ничего не зная ни о целях, ни о программе этого движения.

В распоряжении журналиста могут оказаться факты вполне достоверные. И, тем не менее, сами по себе они не гарантируют точность прогноза. Необходимо правильно их использовать. А это требует знания методов прогнозирования. На страницах прессы чаще всего присутствуют следующие методы.

Метод экстраполяции. В переводе на русский слово «экстраполяция» означает «проецирование, расширение, распространение». Что же «проецирует» автор прогноза? А проецирует он основную тенденцию развития исследуемого явления в целом на будущее этого явления. О существовании ее (тенденции) как раз и могут свидетельствовать те факты, которые

были накоплены автором. Это должны быть взаимосвязанные факты. Именно такого рода факты, подобно гряде островков в океане, обозначающих подводный хребет, и свидетельствуют о неком направлении (тенденции) «роста» исследуемого явления. Зная это направление, уже можно предположить, что оно сохранится (при благоприятных обстоятельствах) хотя бы и в ближайшем будущем (что и представляет собой экстраполяцию).

*Из публикации «Все школы станут элитными»
(Общая газета. 8 декабря. 1999)*

За восемь месяцев 1999 года население России сократилось на 521 тыс. человек, то есть больше, чем за весь предыдущий год. Эти данные Российского статистического агентства были приведены на заседании комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при президенте РФ. В целом, как сообщил глава Минтруда Сергей Калашников, с 1994 по 1998 год россиян стала меньше на два миллиона. Таким образом, сегодня население страны составляет 146 миллионов человек. Если экономическая ситуация не улучшится, в 2015 году численность населения России сократится до 138 миллионов. Последствия демографического кризиса почquentуют прежде всего в школах и вузах.

Опираясь на знание тенденции развития демографической ситуации в стране, связанной с уменьшением населения страны, а значит и рождаемости, экстраполируя ее на будущее, автор, в частности, и строит прогноз, суть которого изложена в заголовке публикации (о сокращении числа учащихся, а посему — превращении всех школ в элитные).

Метод аналогии. Напомним, что аналогия — это один из видов сравнения, когда **на основе совпадения ряда основных признаков делается вывод о том, что и все другие признаки сравниваемых явлений совпадают.**

*Из публикации «Постсоветская осень»
(Известия. 31 июля. 1998)*

Осень 1990-го — «война законов» между Россией и Союзом...
Осень 1991-го — послепутчевый развал всего и вся...
Осень 1994-го — «черный вторник»...
Осень 1995-го — «черный четверг»...
Осень 1996-го — президент при смерти. Паралич государственной машины...

Осень 1997-го — «информационная война». Драка наверху...

Журналист устанавливает, как видим, неизбежность наступления трудной «политической осени-98» названным выше способом.

Как теперь мы знаем, журналист оказался прав: хотя и чуть раньше, в августе 1998-го, в стране был объявлен дефолт, рухнул рубль, народ в один момент обнищал...

Метод сценариев. Подобный метод исходит из того, что сложные ситуации, процессы развиваются под воздействием ряда факторов. При наличии определенных условий преобладающим может оказаться влияние одного из факторов, а значит — возможны и разные

результаты этого влияния (т.е. будущие состояния исследуемого явления). Изложение разных вариантов и представляет собой создание сценариев возможного развития явления.

Рассуждая о том, как может развиваться экономическая ситуация в сегодняшней России, автор материала «Ожидается частичные реформы», опубликованного под рубрикой «Прогнозы» в «Деловом вторнике» (приложение к «Московской правде». 2000. 25 января), излагает три возможных варианта этого развития. Первый сценарий — быстрого подъема экономики — исходит из благоприятно складывающейся конъюнктуры в среде большой когорты средних и части крупных компаний (это — микроуровневый сценарий). Второй сценарий — дальнейшего развала экономики — исходит из неблагоприятных внешних условий (огромные долги Западу), изношенность производственного оборудования, разрушение сельского хозяйства и пр. (это макроуровневый сценарий). И третий, промежуточный, сценарий — быстрого роста отдельных хозяйствующих субъектов с быстрым оборотом капитала — возможен в самых неблагоприятных условиях. Сравнивая три этих сценария, журналист выражает уверенность, что реализуется скорее всего третий сценарий.

Прогноз иногда называют опасным жанром. В отличие от сообщения о том, что уже произошло, прогноз нельзя проверить, поэтому он — прекрасное средство провокации.

Предположим, читатель узнал из газеты, что банк, в котором лежат его деньги, вот-вот рухнет. Скорее всего он на всякий случай заберет свой вклад. А если заберут свои вклады многие, то банк может рухнуть! Банкиры это хорошо знают и нередко применяют псевдопрогноз как средство конкурентной борьбы.

Знают об этом и политики, и журналисты. Поэтому «прогнозисты» всегда находятся под прицелом внимания оппонентов. В силу этого опубликованный прогноз нередко становится поводом для политических потасовок.

В таком качестве, например, прогноз выступал на страницах СМИ в период, предшествующий смещению правительства, которое возглавлял Евгений Примаков. В частности, этот прогноз стал причиной невидимого, но вполне ощутимого противостояния между «АиФ» и рядом СМИ других политических ориентаций. Началось все с публикации «Степашин готов?» (АиФ. 1999. 3 марта), в которой газета высказала уверенность в том, что Кремль вот-вот предъявит ультиматум Е. Примакову, потребует от него уволить из правительства «красных» вице-премьеров. И что в противном случае будет рассмотрен вариант смены председателя правительства. Этот же прогноз газета повторила некоторое время спустя.

Из публикации (АиФ. № 19. 1999)

В ближайшие дни мы станем свидетелями захватывающей драмы с отстранением или попыткой отстранения от должности ведущих

политических деятелей страны, а также мощной раскруткой новой политической «звезды» — Сергея Степашина.

Эти прогнозы взбудоражили тогда всю политическую «тусовку»:

Из публикации «Проверено: факт!» (АиФ. № 20. 1999)

Что тут началось! «Аргументы и факты» обвиняли и в дезинформации, и в сознательной провокации («Итоги», «НТВ»), и в разжигании страсти, и в словоре с некими темными политическими силами. Редактор «Независимой газеты» В. Третьяков с методичностью Штирлица вычислял «злодеев»: «Я не исключаю, что эта ювелирная интрига была проведена людьми Лужкова, но у них сейчас был наименьший в этом интерес. Более вероятной я считаю контринтригу Примакова. Хотя... скорее всего это сделали коммунисты». То есть получалось, что информация о грядущей отставке Е. Примакова — вранье, придуманное или подброщенное нам коммунистами, чтобы спровоцировать... увольнение Березовского с поста исполнека СНГ.

Далее газета пишет, что через два месяца после публикации прогноза правительство Примакова действительно было отправлено в отставку. Порадовался ли кто из коллег по журналистскому цеху — участников «прогноз-батальи» за успех прозорливых коллег из «АиФ»? Отнюдь, нет! И даже наоборот. Спорщики сделали вид, что никакой потасовки вокруг аифовского прогноза о судьбе правительства Примакова и не было.

Из заявления (Независимая газета. 13 мая. 1999)

Отставка Евгения Примакова и назначение на его место Сергея Степашина почему-то произвели в Москве эффект разорвавшейся бомбы... А ведь абсолютно ничего неожиданного не случилось.

Именно поэтому и пришлось еженедельнику специально восстанавливать прошлую ситуацию в публикации «Проверено: факт!», помещенной под рубрикой «Чьи прогнозы точнее?». Газета напомнила, что после того, как был опубликован ее последний прогноз, другие СМИ настаивали на том, что кресло премьер-министра займет министр железных дорог Н. Аксененко. Причем некоторые издания успели опубликовать и биографию «претендента», якобы подтверждавшую неизбежность назначения. И только после выхода указа президента о назначении Степашина премьер-министром такие издания спохватились. Оказалось, что их прогноз строился не на фундаменте фактов, не на знании истинных приверженностей Ельцина, а на мнении одного кремлевского информатора, которое оказалось неверным. Далее «АиФ» указал на то, что это не первый случай, когда его прогнозы оказывались и оперативнее и достовернее предсказаний других СМИ:

Так было и в случае с назначением Б. Березовского заместителем секретаря Совета безопасности в 1996 г. — сообщение показалось настолько невероятным, что его никто не решился цитировать. Дважды мы первыми предсказывали карьерные передвижения А. Чубайса... Весной нынешнего года мы раньше других рассказали о готовящемся аресте Б. Березовского...

Свое возвращение к напечатанному «АиФ» объяснили тем, что дорожат доверием аудитории, поэтому и вынуждены были напомнить о точности своих прогнозов и вызванных ими обвинений со стороны политических оппонентов:

Мы не хотим выглядеть лучше и умнее остальных. Но приходится вновь напоминать, что за нашими материалами никогда не стояли и не стоят интересы каких бы то ни было политических группировок. У нас по-прежнему нет спонсоров и покровителей ни во власти, ни в бизнесе. Этим, кстати, «Аргументы и

факты» отличаются от многих других изданий и телеканалов. Даже публикующие сенсационные новости, мы не преследуем иных целей, кроме снабжения общества всесторонней информацией. Ну а в том, что наши прогнозы рано или поздно сбываются, читатель мог уже не раз убедиться.

Описанная ситуация (а такие ситуации возникают в СМИ достаточно часто) должна подсказать начинающему журналисту, что публикация в жанре «прогноз», при всей кажущейся ее легкости, — прерогатива хорошо подготовленных авторов. Искусство точного прогнозирования — дело очень трудное, и им надо овладевать, как и всяким иным серьезным искусством.

[в начало](#)

ВЕРСИЯ

Такого рода публикация базируется на неполных доказательствах, на предположениях автора. Версия исключает категоричность выводов, заключений. Основным фактором, который порождает жанр версий, является метод исследования действительности, определяемый как «домысел», «вымысел». Этот метод является ведущим в литературно-художественном творчестве.

Оценивая роль данного метода в искусстве и литературе, писатель Константин Паустовский утверждал, что факт, поданный литературно, со сгущением нескольких характерных черт, освещенных светом вымысла, открывает сущность вещей ярче, чем иной, скрупулезно составленный отчет.

В журналистике в отличие от литературы этот метод познания действительности обычно считается предосудительным, поскольку он дает необоснованное или недостоверное знание. Это прежде всего надо отнести к случаям неправильного, неуместного его использования. Однако без применения домысла вообще журналист обойтись не может, речь идет о «дозированном» применении его.

Домысел становится неизбежным, когда журналист реконструирует неизвестные детали какого-то в целом достоверно известного события, явления. Этот метод дает аудитории возможность более ярко увидеть событие, о котором сообщает журналист, а сам автор с помощью детализации события получает дополнительный шанс привлечь внимание аудитории к своему выступлению. Применяя домысел, создавая версию тех или иных событий, автор должен обязательно указать на условный характер своих утверждений. Это обезопасит его от обвинений со стороны «героев» публикации в клевете.

Цель создания и публикации версии заключается в том, чтобы познакомить аудиторию с «промежуточными» результатами анализа какого-либо события, явления, представить на суд читателей, зрителей, слушателей авторское толкование (комментарий) происходящего. Версия показывает направление размышлений автора публикации, предоставляет аудитории информацию о возможных причинно-следственных связях отображаемых событий, дает варианты прогноза их дальнейшего хода.

Исходным пунктом выдвижения версии является какое-либо (чаще всего — необычное) событие, действие, явление. Версия не возникает изолированно, как правило, за ней вскоре следуют ей подобные.

Когда 31 августа 1999 г. в Москве на Манежной площади в торговом комплексе «Охотный ряд» произошел взрыв, версии о его характере, причинах появились практически во всех городских газетах. Так, «Московский комсомолец» в публикации «Смертельный трюк на «Манеже» (1999. 2 сентября) дал четыре версии происшедшего: «чеченскую», «исламскую», «политическую», «финансовую». «Известия» в материале «Кто взорвал «Динамит» (1999. 2 сентября) предположили, что взрыв могли организовать либо хулиганы, либо криминальные элементы (вымогатели), либо представители «Союза революционных писателей». По мнению «Комсомольской правды», высказанному в публикации «Взрывы все ближе к Кремлю» (1999. 2 сентября), взрывы могли быть произведены либо чеченскими террористами, либо конкурентами взорванной фирмы «Динамит», либо политическими противниками Юрия Лужкова. По несколько версий взрыва дали и другие издания.

Развитие версии в верном направлении происходит тогда, когда автор ее ищет дальнейшие основания среди фактов, которые «укладываются» в канву реальной (т.е. имеющей под собой материальную основу) причинно-следственной связи. Образно говоря, хлеб правильной версии — относящиеся к делу факты. Именно ими «обрастают» она в ходе своего развития.

Такой представляется версия «чеченского следа» взрывов жилых домов в Москве. Появившись как «чистое» предположение, она вскоре начала получать фактические подтверждения. Во-первых, обнаружились свидетели, которые видели, что мешки с сахаром, в котором содержалась (как выяснилось) взрывчатка, разгружали люди «кавказской» наружности. Были созданы фотороботы, а затем — выяснены фамилии лиц, присутствовавших у дома накануне его взрыва и прибывших в Москву из Чечни. Затем были арестованы несколько чеченцев, на руках которых обнаружили следы очень редкого взрывчатого вещества (гексогена), которое применялось при взрыве домов и т.д. Все это — признаки правильно выбранного направления развития версии.

Развитие версии в неверном направлении происходит в том случае, когда автор ставит целью отстаивать свое предположение во что бы то ни стало, не обращая внимание на всю зыбкость его обоснования. Чаще всего такие обоснования выступают как:

— использование для подтверждения версии *фактов, не относящихся к делу*. В этом случае на одну и ту же нить нанизывают любые примеры, факты из той сферы, к которой относится версия (например, из криминальной сферы);

— применение в качестве доводов в пользу своих версий *мнений* каких-то людей *по поводу исследуемого события*. Рассмотрим эти положения на примерах.

Некоторые газеты после взрыва на Манежной площади 31 августа выдвинули версию о том, что он является результатом рэкетирских разборок. А через день после публикации, 3 сентября на Павелецком вокзале была обнаружена сумка, в которой лежали обрез охотничьего ружья, самодельный пистолет, дымовые шашки, нож. Этот факт был запротоколирован милицией, и нет оснований подвергать его сомнению. Журналисты, выдвинувшие версию рэкетирской природы взрыва на Манежной площади, поспешили объявить этот факт доказательством в пользу своих предположений. Хотя и до сих пор все еще не ясно, чья сумка была найдена и какое отношение она имеет к упомянутому взрыву. Подобная искусственная привязка данного «криминала» к выдвинутой версии, конечно же, не имеет никакого оправдания. А поэтому она никак не способствует развитию версии, превращению ее в обоснованное доказательство причин взрыва.

Автор публикации «Охота на московского мэра началась в «Охотном ряду» (Московские ведомости. 1999. 6 сентября) считает, что взрыв организован врагами Юрия Лужкова, который «был единственным объектом взрыва». Главный довод в пользу этого утверждения — мнение известного артиста Иосифа Кобзона, который убежден, что: «Взрыв на Манеже был направлен на срыв Дня города в Москве. Ведь именно здесь, в торговом комплексе «Охотный ряд» и как раз на 3-м уровне должно было состояться одно из центральных мероприятий Дня города с участием Юрия Михайловича. Мэр должен был вручить ключи от машины «Святогор» 50-миллионному посетителю «Охотного ряда». А мне была предоставлена честь исполнить гимн Манежной площади... Идеологам преступления не удалось разрушить планы Юрия Михайловича. Разве только акция переместилась с 3-го уровня на 2-й. И гимн спел!..» И далее автор сообщает читателям следующее: «В пользу слов г-на Кобзона говорят следующие обстоятельства:

— во-первых, учитывая то, что взрыв прогремел аккурат накануне Дня города, логично предположить, что террористы намеривались таким образом потрепать городской голове нервы, а москвичей, у которых он пользуется большим авторитетом, запугать и заставить сидеть дома;

— во-вторых, торговый центр на Манеже — одно из самых любимых архитектурных «детищ» Юрия Лужкова, и теракт приобретает еще и издевательски-символичный характер: тебе здесь очень нравится, так на — получай;

— в-третьих, налицо политическая дискредитация Лужкова: раз в городе происходит такое — значит мэр не в состоянии контролировать ситуацию, он — слабый руководитель. Даже само название комплекса — «Охотный ряд» — носит в этой связи некий мистический оттенок. Мол, началась охота на ненавистного оппонента».

Слабость приведенных оснований в пользу изложенной версии очевидна. Ведь и суждения И. Кобзона, и суждения самого автора публикации есть не что иное, как мнения, которые сами нуждаются в подтверждении фактами. Без этого они остаются просто предположениями. А версия, опирающаяся на предположения, таковой и остается. Иначе говоря, использованные автором доводы не послужили ее дальнейшему развитию по пути превращения в доказательство.

Обладая предварительной информацией в форме журналистской версии, аудитория с большим, нежели ранее, вниманием следит за дальнейшим ходом событий, как бы сравнивая уже известные ей сведения с уточненными данными, достоверно обоснованными выводами, заключениями автора.

Публикуя версию, журналист может рассчитывать на определенную реакцию на данную публикацию как со стороны аудитории, так и со стороны лиц, учреждений, упомянутых в данном выступлении. Версия, таким образом, является как бы определенным инструментом, способом нащупывания верного направления в изучении заинтересовавших автора событий.

Вполне возможно, что вслед за публикацией версии автор получит сообщения от лиц, обладающих необходимой информацией, которая может стать очередным звеном в нахождении истины. Это в полной мере оправдывает публикацию материалов в жанре версии, делает ее незаменимым в палитре других журналистских жанров.

Версия в творчестве журналиста выступает обычно в качестве жанра, предваряющего подготовку материала других, более серьезных жанров — корреспонденции, статьи, журналистского расследования и т.д., опирающихся только на достоверные, проверенные сведения, факты.

[в начало](#)

ЭКСПЕРИМЕНТ

Данный жанр «проявился» в отечественной журналистике в качестве самостоятельного в начале 90-х гг. Однако по сути своей материалы, подобные тем, которые сейчас часто можно встретить под рубрикой «эксперимент» (это понятие, как известно, обозначает один из методов исследования действительности), публиковались на страницах прессы на протяжении десятилетий. Только выходили они в свет под другими «именами» — то ли очерка, то ли корреспонденции, то ли фельетона и пр. (Вспомним, например, публикации «Меченые атомы» и др., подготовленные О. Рубиновым на основе экспериментов и опубликованные в «Литературной газете» в 1984 г.)

Почему так происходило? Как уже говорилось во введении, смысл отнесения того или иного произведения к определенному жанру (часто самими авторами не замечаемый), таится в том, чтобы указать на отличительную черту публикации определенного рода и показать неповторимость, особенность их «семейства». Особенность эта может связываться (и традиционно связывается) с разными характеристиками текстов — то с предметом отображения, то с методом сбора материала, то с методами его осмыслиения, истолкования, то с разделением его на «то, что есть факты» и на «то, что есть мнения о фактах» и т.п. и т.д.

Наблюдаемое в последние годы выделение в качестве самостоятельной группы (семьи) публикаций, базирующихся на проведенных их авторами экспериментах, очевидно, вызвано стремлением журналистов подчеркнуть именно то обстоятельство, что при сборе информации, использованной затем в публикациях, ими был применен именно данный, а не какой-то иной метод. Не в малой мере это стремление — ответ на актуальные информационные ожидания части современной аудитории СМИ, ориентированной на получение «живой», сенсационной информации.

Почему указание автора на то, что при подготовке публикации был использован метод эксперимента, способно привлечь внимание аудитории?

Прежде всего по следующей причине. Если взять, скажем, репортаж, корреспонденцию, отчет, рецензию и прочие жанры, то можно утверждать, что они основываются на информации, полученной такими методами, которые позволяют журналисту пребывать в относительно пассивной, отстраненной позиции внешнего наблюдателя по отношению к предмету своего интереса, позволяют изучать его со стороны, не вмешиваясь в происходящее.

Такого рода пассивность журналиста обычно не очень способствует появлению в газете или журнале интересного материала. Кроме того, предметом отстраненных наблюдений чаще всего становятся обыденные ситуации, которых в жизни всегда больше, чем необычных. Это тоже не помогает подготовке захватывающих внимание аудитории публикаций.

Имея определенное представление (из опыта общения со СМИ) о том, что публикации, отображающие обыденные ситуации и основанные на «невключенном» наблюдении их автором, обычно представляют собой произведения «среднего уровня», аудитория часто относится к ним достаточно индифферентно.

Эксперимент же часто несет в себе определенную интригу. Она возникает потому, что не все участники эксперимента знают, что они в ней участвуют.

Так, корреспондент «МК», решивший проверить работу одного московского морга, притворился умершим. И в результате чуть не попал под нож ничего не подозревавшего врача, препарировавшего трупы (МК, 1987). Описание подобных неожиданностей как раз и привлекает внимание читателей к рубрике «эксперимент» (хотя, разумеется, психологическую установку

аудитории на поиск интригующей информации журналисты охотно эксплуатируют и в публикациях иных жанров, созданных на основе данных, полученных иными методами).

Поэтому журналисты, стремящиеся быть замеченными публикой, часто не намерены ждать, когда сложится какая-то желанная нетривиальная ситуация или произойдет интересное событие, когда Действительность сама «повернется» к автору какой-то «сенсационной» своей стороной и то, что называют сущностью явления, события, «засверкает» всеми своими гранями (в таком случае его только и остается описать, скажем, в жанре очерка, корреспонденции, комментария и пр.).

Потребность уйти от неопределенно долгого ожидания становится особенно насущной в том случае, когда в обществе (или, скажем, у какого-то издания, какого-то журналиста) существует неясность в важном вопросе, вызывающем острый интерес аудитории и имеющем определенное значение для нее. Часто именно эксперимент и помогает устранить такую неясность. Как правило, эксперимент применяют для того, чтобы проверить наличие каких-то предполагаемых, но скрытых взаимосвязей явлений, продемонстрировать отношения, существующие между людьми, и т.д. Иначе говоря, автор эксперимента может ставить перед собой исследовательские задачи: выявить причинно-следственные отношения, объяснить какие-то типичные явления, оценить актуальную ситуацию и т.п. (а это есть задачи, присущие аналитической журналистике). Эксперимент — один из важнейших путей установления истины в ряде случаев.

Что такое эксперимент? В повести Андрея Платонова «Город Градов» есть сцена спора двух обывателей по поводу того, что представляет собой кусок почвы, который один из них держал в руках: «Это песок, — утверждает один из спорщиков и в подтверждение добавляет:

— Дунь и он рассыплется».

— Нет, это глина, — возражает другой, — плюнь — и она склеится».

Эксперименты, проводимые журналистами, по своему характеру могут быть самыми разными. Журналистский эксперимент в отличие, скажем, от криминалистического (следственного) не имеет дела с раскрытием уже совершенного действия (например, преступления). Журналистский эксперимент может проводиться по любому поводу. Например, с целью выяснить, как ходят в городе трамваи, как обслуживают покупателей в магазине, как сдают вступительные экзамены в вуз и пр.

Эксперимент не возможен без активного вмешательства в ход дел, интересующих журналиста, что предполагает переход от пассивного ожидания, от наблюдения какого-либо феномена, от «разглядывания» его (того же куска почвы) к определенному воздействию на предмет, интересу («плеванию», «дуновению» и т.п.), т.е. к тому, что на языке журналистики собственно и называется экспериментом («организацией события»).

Эксперименты бывают разными по степени своей сложности. Порой журналист ограничивается самой простой задачей и соответственно применяет элементарную форму эксперимента.

Такой вариант использован Н. Седякиной, М. Трубилиной, В. Семеновым, подготовившими публикации: «Как я торговала косметикой», «Как я собирала подписи за кандидата в Думу», «Как я был человеком-сэндвичем» (Комсомольская правда. 1999. 22 октября). Все три автора решали самую простую задачу — запоминали и описывали все, что они наблюдали, пока выполняли какую-то роль.

Однако когда журналист ставит перед собой более сложную задачу, то провести соответствующую ей экспериментальную проверку исходного предположения на нужном уровне порой бывает достаточно трудно. Многое зависит от первого шага журналиста, т.е. от организация эксперимента. По мере возможности в этом отношении надо ориентироваться на то, как организуют эксперименты в науке. По крайней мере, в основе эксперимента должна лежать хорошо обоснованная схема его проведения, соответствующая той задаче, которую ставит перед собой журналист. К сожалению, не все журналисты «просчитывают» то, как осуществление принятого плана «сработает» на поставленную задачу.

Из публикации «Забег до первой дырки»

(АиФ. № 44.1998)

К рубрике «Эксперимент на себе» постоянные читатели полосы «Для пользы дела» уже привыкли. Но в отличие от предыдущих у этого есть существенное отличие. Он коллективный. Пять женщин решили ответить на вопрос: «Почему так быстро рвутся колготки?» Всем понятно, что любая вещь «не вечна под луной». И все же любопытно, что из этого получилось. Пять пар колготок, купленных в обычном ларьке в метро, были разданы каждой лично в руки. При этом никто не знал, изделия какой именно фирмы будет носить. Возраст от 16 до 50. Образ жизни активный, все ездят на работу и обратно кто на метро, кто на машине, с сумками и без оных. Все носят иногда брюки, иногда — юбки, случается короткие. У всех в доме есть либо маленькие дети, либо кошки — собаки, либо нетерпеливые любовники и мужья. Специально для эксперимента — все до одной — сделали маникюр и педикюр. Словом, кажется, предусмотрели все жизненные ситуации, в которые может попасть женщина в колготках. Все колготки были примерно одинаковой плотности — до 20 den, средние по цене — 25 руб. за пару, с одним и тем же содержанием лайкры — до 16%. Итак, наш эксперимент начался. На старт, внимание — марш!

В забеге участвовали колготки «Filodoro» (модель «Jazz»), «Omsa» («Fantastiko-20»), «Lewante» (модель «Danse»), «Golden Lady» («Reopose-20») и «Sanpellegrino» (модель «Bliss»). Все производство Италии.

Далее в публикации рассказывается о том, в какой очередности «сходили с дистанции» колготки разных моделей в течение месяца — срока, отведенного для испытания, и что «победителем» стали «Lewante». На первый взгляд, задача, поставленная автором, была выполнена успешно. Но любой опытный исследователь обязательно бы сказал, что эксперимент проведен некорректно. Почему?

Да потому, что организатором эксперимента совершены как минимум две принципиальные ошибки. Первая — в эксперименте использовались колготки разных моделей. А если это так, то резонно было бы поставить вопрос о том, какие колготки порвутся первыми? Это раз. Если бы был поставлен уже этот вопрос, то необходимо было бы создать условия испытания (эксплуатации), совершенно одинаковые для каждого изделия.

Вторая ошибка заключается в том, что разные изделия эксплуатировались совершенно разными женщинами и в совершенно разных условиях. И поэтому проследить за характером нагрузки на каждое конкретное изделие, продолжительность этой нагрузки и прочее автор никак не мог.

Возможно, для автора было важно, чтобы в эксперименте участвовали женщины разного возраста, разных профессий, обладающие разными навыками обращения с вещами и пр. (а значит, эксплуатирующие колготки в разных условиях). Но в таком случае для эксперимента следовало использовать колготки только одной модели. Целесообразно было бы в таком случае сделать целью эксперимента ответ на вопрос: в каких условиях колготки такой-то модели рвутся быстрее?

К сожалению, подобные «тонкости» автором публикации не учтены. Поэтому по поводу проведенного эксперимента можно определенно сказать только то, что он помог установить, что из колготок пяти моделей последними «сошли с дистанции» колготки «Lewante». Возможно, это произошло потому, что они прочнее других. А возможно потому, что женщина, «испытывавшая» их, отнеслась к изделию более бережно, чем другие женщины, — это остается неясным. И уж вовсе не получен ответ на основной вопрос, поставленный автором в начале эксперимента: «Почему так быстро рвутся колготки?» (т.е. в чем причины быстрого изнашивания данного рода изделий?).

Использование информации, полученной методом эксперимента, не всегда оказывается на жанровой определенности будущей публикации. Неопределенность возникает прежде всего в том случае, когда эксперимент оказывается не единственным, а одним из методов исследования действительности, примененных журналистом при подготовке публикации в каком-то конкретном случае.

Когда, наряду с экспериментом, он сочтет нужным прибегнуть, скажем, к анализу документов, интервью, опросу и т.д. На основе полученных совокупных данных может быть создано произведение, которое подпадет то ли под определение очерка, то ли под определение

статьи и т.д. В этом случае жанровая определенность возникает лишь как результат взаимодействия нескольких жанрообразующих факторов. При этом ни один из примененных в совокупности с другими метод исследования действительности скорее всего не будет учтен как доминирующий (и образующий «кимя» жанра) фактор. На первый план могут выйти какие-то другие признаки (размеры материала, форма, язык изложения, степень детализации основного факта выступления и пр.).

Однако возможны ситуации, когда примененный автором текста метод исследования все-таки становится основным жанрообразующим фактором. Хорошо известный (классический) пример в этом плане — образование жанра интервью. Так, если автор при получении информации использовал только метод интервью, то в случае «фиксации» хода применения этого метода в публикации она будет отнесена к жанру интервью.

Метод эксперимента может тоже выступать доминирующим жанрообразующим признаком. Это происходит тогда, когда описание хода проведенного эксперимента (а тем более — детальное) становится главным содержанием публикации. Относя публикацию к жанру эксперимента, тем самым подчеркивают то, что речь в ней идет **об искусственной, специально организованной самим журналистом предметно-практической ситуации.**

Здесь надо прояснить одно обстоятельство. Как известно, в науке эксперимент причисляется к эмпирическим методам исследования действительности. Поэтому говорить о нем как о методе, порождающем некий аналитический жанр, вроде бы некорректно. Но это недоразумение может быть устранено, если иметь в виду то, что понятие «эксперимент» в таком случае используется лишь для указания на **необычность анализируемой ситуации, которая заключается в ее экспериментальности, что и порождает жанровое «кимя» текстов**, возникающих в результате ее анализа. Сам же анализ может опираться на те методы, которые применяются при создании текстов многих других аналитических жанров.

Публикации в жанре эксперимента выигрышны для журналиста тем, что они обычно позволяют создавать тексты, обладающие динамичными чертами, «живым» наглядным изложением материала. **Они позволяют соединить в себе аналитическое начало и репортажное.** Иначе говоря, автор эксперимента не только анализирует какое-то явление, но и применяет присущее репортажу детальное описание созданной ситуации.

В настоящее время тексты в жанре эксперимента активно публикуют массовые популярные (особенно молодежные) издания. Причем о том, что выступление основано на изучении экспериментальной ситуации, читатель может узнать из разных, но достаточно красноречивых рубрик.

Так, публикация «Жизнь морга» в «Московском комсомольце» (1997) прошла под рубрикой «Эксперимент», другая — «Как я звонила в Аэрофлот» в «Аргументах и фактах» (1998) — под рубрикой «Эксперимент на себе ставит читатель», третья — «Забег до первой дырки» там же — под рубрикой «Коллективный эксперимент на себе», четвертая — «Полицейский — это звучит гордо» в «Труде-7» (1997) — под рубрикой «Проверено на себе», пятая — «Совесть-то у вас есть?» в «Столице» (1998) — под рубрикой «Проверка штампов» и т.д.

[в начало](#)

ПИСЬМО

Письмо как журналистский жанр возникло в результате приспособления формы личной и деловой переписки для нужд журналистики. Публикация писем — это уже не частная переписка между людьми. Ведь, будучи опубликованным, письмо становится достоянием не одного лица или их группы, а тысяч и даже миллионов людей, т.е. массовой аудитории. В силу этого представлять данный жанр могут в полной мере только такие письма, которые затрагивают интересы, важные для широкой аудитории. Привнесение в деловую или личную переписку **идей, значимых для общества в целом**, было необходимым условием становления письма как самостоятельного жанра журналистики^{25[6]}. Значительное влияние на характер жанра оказали всевозможные возвзвания, листовки, прокламации, распространявшиеся среди населения в периоды всевозможных

общественных катаклизмов — бунтов, восстаний, революций. Такие воззвания, листовки, прокламации публиковались и в газетах, что не прошло для журналистики бесследно.

Публикации, выполненные в жанре письма, часто называют эпистолярной журналистикой (от греч. *epistola* — послание). Эпистолярную журналистику (в жанровом отношении) следует отличать от публикаций самых разных жанров (начиная с заметки и кончая полноценным очерком), которые помещаются под рубрикой «Письма наших читателей» во многих газетах и журналах. В данном случае рубрика означает лишь то, что материал поступил в редакцию по почте и что автор его не является штатным работником редакции. На жанр публикации такая рубрика не влияет, и ее нельзя считать жанроформирующим фактором (хотя, разумеется, под этой рубрикой может быть опубликован текст, который действительно представляет собой произведение эпистолярной публицистики).

Письмо как эпистолярный жанр обладает присущими ему **характерными признаками**. Первый из этих признаков — форма *непосредственного обращения автора к адресату* (читателю, слушателю). Второй признак — стремление автора *побудить адресата к неотложным, активным действиям* в связи с предметом выступления.

Возможность письма быть не просто средством общения, но и инструментом эффективного воздействия на широкий круг читателей предопределяется рядом связанных с ним обстоятельств.

Во-первых, своим письмам, как известно, их составители часто доверяют даже самые сокровенные помыслы. Поэтому они полагают, что и в письмах других людей тоже можно иногда прочитать то, *что те думают на самом деле*. Эта психологическая установка, помимо воли человека, закреплялась в его сознании в течение веков. И не учитывать ее журналисты не могут.

Во-вторых, в письме, как ни в каком другом материале, автор может *изложить самые замысловатые извины своей мысли, выразить любые оттенки своих чувств*. А это порой бывает очень важно для достижения взаимопонимания между автором и читателем.

В-третьих, *письмо четко выделяет и называет круг адресатов*, избранных автором, и таким образом фокусирует на них внимание аудитории, которая в результате будет ждать их реакции на данное письмо. А в силу того, что современная пресса часто использует письмо для обращения к видным деятелям (руководителям государства, министрам, депутатам, президенту и т.п.), рассчитывая на их незамедлительное вмешательство в тот или иной «вопиющий вопрос», то такая реакция (под «контролем» аудитории) как раз и может обернуться решением обсуждаемой в письме актуальной проблемы.

В-четвертых, очень часто письмо в газете — *это публичный вызов адресату*, приглашение на открытую «арену», где он должен продемонстрировать на виду у всех не только свои профессиональные качества или свою власть, но и личное мужество, интеллект, нравственную стойкость. Естественно, не каждый способен выступить в роли рыцаря на турнире, лицом к лицу с оппонентом. Поэтому мало кому (особенно из власть предержащих) нравятся подобные вызовы. В результате между автором письма и адресатом может возникнуть порой незримая, но четко улавливаемая аудиторией ситуация конфликта. А это, разумеется, привлекает читателей. Держит их в состоянии напряженного ожидания, побуждает следить за каждым очередным номером газеты или журнала, в которых может появиться ответ на письмо, что, разумеется, умножает возможность воздействия публикации на читателей.

Именно эта, достаточно часто «индуцируемая» публикацией письма ситуация наиболее ярко характеризует возможности данного жанра.

Из открытого письма Т. В. Золотниковой «Об опасных переменах»

(Зеленый мир. № 2. 1997)

В третий раз обращаюсь к Вам (президенту РФ Б. Н. Ельцину) в связи с теми действиями на самом высоком федеральном уровне, которые могут быть объяснены только абсолютным непониманием катастрофических последствий их реализации...

Далее автор излагает решения президента по изменению статуса природоохранных органов, политику, проводимую им и правительством в отношении окружающей среды. А затем говорит о реакции президента на обращение к нему

российских экологов:

Господин Президент! Вы недопустимо игнорируете многочисленные мнения общественных организаций относительно восстановления статуса федеральных органов, отвечающих за охрану окружающей среды... Вы недопустимо игнорируете мнения ведущих академиков РАН Залыгина С. П., Яншина А. И., Добровольского Г.В., Котельникова В.А. по этому поводу... Вы недопустимо игнорируете не только мнения профессиональных экологов и депутатов Государственной Думы и мнения 60 членов Совета Федерации... Вы недопустимо игнорируете обращение к Вам и В.С. Черномырдину законодательных органов семи субъектов РФ по этому же поводу... Как еще можно достучаться до Вас, чтобы были исправлены ошибочные управленческие и финансовые решения?.. Если нет иных рычагов, мы готовы начать голодовку, чтобы убедить Вас, г-н Президент, в порочности такой антиэкологической политики...

Разумеется, что данное письмо, которое продолжает ряд подобных обращений автора к президенту, его эмоциональный накал, смелость суждений могло приковать к себе внимание всей «экологической» общественности страны, читающей газету «Зеленый мир».

В зависимости от характера аудитории, которой адресуются письма, их можно разделить на **две основные группы**. Первая группа — *письма, адресованные конкретным личностям*. Такого рода публикации характеризуются ярко выраженным чертами, присущими средствам межличностного общения, экспрессивностью, непосредственной апелляцией к тем возможностям, которыми обладает адресат применительно к предмету разговора, к тем его поступкам, решениям, той реакции, которые связаны с этим предметом. При этом степень «раскованности» автора письма тем выше, чем ближе к нему по социальному положению его адресат.

Вторую группу составляют *письма, адресованные каким-либо социальным группам, населению страны в целом*. Рассмотрим примеры из обеих групп.

Из открытого письма Филиппу Киркорову в ответ на его интервью в газете «Московские ведомости» за 30 августа 1999 года певца Александра Новикова
(Московские ведомости. № 36. 1999)

Ах, Филипп, Филипп! Вся твоя жизнь — вранье. Ты всю жизнь врешь. Разноцветным враньем, — как, впрочем, и все твое творчество... Начал ты давно. Конечно же, не тогда, когда, не участвуя в отборочном конкурсе на Евровидении, ты на него поехал... И когда ты поехал в Монте-Карло «представлять Россию» - ты тоже врал: никто в России тебя, кроме себя самого, туда не посыпал. Ничего ты для этого не сделал... И когда женился — ты тоже врал. И что любишь ее — врал. Истощено, со сцены на всю страну: дешево и громко... «Швалью», виши, меня называл. Хе-хе! И здесь ты врешь... Все врешь, врешь, врешь, звездопедрила...

Как видим, несмотря на весь эмоциональный накал, письмо Т. Золотниковой выдержано в строгих рамках этики, чего никак нельзя сказать о письме певца А. Новикова.

Теперь разберем обращение группы экологов уже не к одному человеку, а ко всем гражданам России.

Из письма «Будем судиться с президентом и правительством»
(Зеленый мир. № 2. 1997)

Граждане России! Широко известен и уже реализуется проект строительства высокоскоростной железной дороги Санкт-Петербург — Москва. Акционерное общество «Высокоскоростные магистрали» на глазах всей России уничтожает наше национальное достояние...

Далее анализируются причины и последствия этого строительства, говорится об огромном вреде, который оно наносит природе страны, ее сегодняшнему населению и

будущим поколениям россиян, сообщается о судебном иске группы ученых-экологов к президенту РФ и правительству. Заканчивается письмо обращением к адресату:

«Друзья — граждане России!», а за ним следует призыв: «Мы предлагаем каждому занять активную гражданскую позицию и участвовать в судебном процессе в качестве истца. Обращение в суд должно быть всенародным».

Очевидно, что степень эмоциональности обращения к адресату в данном материале значительно ниже, чем в письмах первой группы. Во многом это объясняется тем, что судьба стройки, и это понимают авторы, находится в руках не тех, к кому они обращаются. Решают вопрос о ней прежде всего правительство и президент, но не читатели (хотя и от них немало зависит).

Если говорить о характере восприятия данного письма каким-то конкретным читателем газеты, то оно будет, очевидно, зависеть от того, насколько тот ощущает себя «гражданином России», ответственным за все, что происходит в стране. Реакция читателя в данном случае может проявиться и в форме полного присоединения к «истцам» по открывающемуся судебному иску, и в форме равнодушного просмотра публикации.

Подготовка любой эпистолы начинается с осознания ее автором цели публикации. В качестве таковой чаще всего выступают: а) публичное одобрение, б) публичное порицание, в) публичное предложение, г) публичная просьба, д) публичное требование, е) публичное доносение (донос), ж) взвывание.

В настоящее время обычно публикуются письма, преследующие не одну, а несколько целей. Однако это не значит, что все они равнозначны для автора. **В хорошей эпистоле ведущая, главная цель всегда заявляет о себе наиболее ярко.**

Из «Письма геолога» Владимира Калмыкова «Ответьте себе откровенно»

(Советская Россия. 2 сентября. 1999)

...И вот мы потеряли все, что имели, потому что не ценили завоеваний Советского Союза. Мне, геологу, проработавшему почти во всех регионах Союза, особенно больно видеть, как продолжается разрушение сырьевой базы Советского Союза предателями всех мастей, начиная с Горбачева, Ельцина, Кравчука и Шушкевича...

Как видим, автор в начале письма выносит *порицание* «горбачевым, ельциным, кравчукам, шушкевичам». А далее он реализует вторую цель — выдвигает свое *предложение*:

Предлагаю собрать всех своих родственников на свое семейное собрание — семейный совет и накануне выборов в Госдуму ответить себе на следующие вопросы:

Какие корни у вашей семьи, кем были ваши родители, ваши деды и прадеды?

Сколько ваших родственников получили среднее, среднетехническое и высшее образование при Советской власти?

Сколько ваших родственников получили высокую квалификацию, получали награды, поощрения? Кто из них гордится своей профессией?

Боятся ли теперь остаться без работы, без медицинской помощи или без средств к существованию?

Есть ли у ваших детей сегодня возможность учиться или работать по своему желанию и способностям?

Кто выиграл от разрушения нашей великой страны — СССР? И т.д.

Как видим, свое *предложение* автор конкретизирует с помощью большого перечня вопросов, на которые должны дать ответ избиратели. Именно *развернутость авторского предложения и указывает на то, что именно оно выступает основной целью данной эпистолы*.

Чтобы письмо выполнило свою основную задачу, оно должно убедить адресата в правильности позиции автора, в необходимости действовать именно так, как он предлагает. А это во многом зависит от характера обоснования суждений автора.

В публикации, претендующей на серьезную реакцию со стороны адресата, *утверждения автора всегда подкреплены убедительными и ясными для аудитории фактами*. К сожалению, на практике так бывает не всегда.

*Из «Обращения трудовых коллективов промышленных предприятий Кемеровской области к Президенту РФ Ельцину Б. Н., Председателю правительства РФ Путину В. В.»
(Комсомольская правда. 10 сентября. 1999)*

Уважаемый Борис Николаевич!
Уважаемый Владимир Владимирович!

Обратиться к Вам нас заставила невозможность остановить творящиеся в Кемеровской области беззаконие и чиновничий произвол. Больше года не прекращается развязанная губернатором Тулеевым А. Г. травля коллективов и руководителей нескольких ведущих предприятий Кузбасса, сотрудничающих с Металлургической инвестиционной компанией (МИКОМ)...

...Неоднократные обращения А. Г. Тулеева в различные государственные организации в связи с якобы имеющими место нарушениями финансово-хозяйственной деятельности группой МИКОМ в Кузбассе на ряде предприятий привели к многочисленным проверкам. Однако десятки комиссий и сотни проверяющих не выявили никаких нарушений... Губернатор же продолжает снова и снова писать свои обращения. Причем мало того, что эти бумаги по большей части содержат грубое искажение фактов и клевету, так они еще обычно содержат опровергнутые комиссиями данные. Вот и сейчас такое обращение направлено на имя Председателя правительства В. В. Путина... Тулеев, например, опять пишет... Губернатор в «праведном гневе» спешит проинформировать правительство о том, что на шахте им. Дзержинского задержка заработной платы «вынуждает шахтеров идти на крайние меры» ...Не имеет смысла дальше перечислять подобной «достоверности» факты. Лучше обратить внимание на то, что непрерывная бумагомарательская деятельность к руководителям федеральных министерств, в основном правоохранительных, приводит лишь к двум вещам. Во-первых, эти проверки пока только отвлекали милиционеров, налоговых полицейских и инспекторов, прокуроров и контрразведчиков от их работы. Во-вторых, что куда важнее, проверки отрывают трудовые коллективы от основной деятельности...

Как видим, составители письма пытаются обвинить губернатора А. Г. Тулеева в предвзятом отношении к компании МИКОМ. Но кроме упреков в том, что тот «все пишет», занимается «бумагомарательством», и общих утверждений о том, что проверки отрывают коллективы от трудовой деятельности, никаких фактических доводов в пользу с позиции авторов в письме нет. Почему? Оказывается, не случайно. Вскоре после публикации «обращения» другая газета, «АиФ» (№ 43. 1999), в статье «Кузбасс покупает уголь на Кипре» рассказала о том, что в МИКОМе, именно благодаря А. Г. Тулееву, было раскрыто воровство в огромных размерах...

Писать убедительно автору эпистолы помогает знания приемов, методов убеждающего информационного воздействия, овладение мастерством аргументации, знание психологии своего адресата.

ИСПОВЕДЬ

К исповеди как жанру журналистики относятся публикации, предметом которых является внутренний мир авторов этих публикаций. Основным методом, который применяется при подготовке таких публикаций, является самоанализ. Данный жанр журналистики имеет свои корни в литературе, религии, философии. Более двух столетий назад великий французский философ и писатель Жан-Жак Руссо начал свою очередную книгу словами: «Я предпринимаю дело беспримерное и которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы — и этим человеком буду я». Книга его называлась коротко: «Исповедь».

Писатель завещал опубликовать ее не раньше 1800 г. — не хотел, чтобы друзья и знакомые прочитали книгу при его жизни. Ибо до сих пор исповедь свою человек адресовал одному только Богу. Книгу же могли прочитать тысячи простых смертных. Не святотатство ли обнажать перед ними, а не перед Создателем суть свою? И кто еще, кроме известного во всем мире «вольнодумца» Руссо, способен сделать подобное? Но прошло не очень много времени с тех пор, как философ создал свой труд, и у него нашлись последователи, которые «исповедовались» не только в книгах, но и в обычных газетах, уже никак не предупреждая своего читателя о том, что у них не найдется очередных «подражателей». Исповедь стала обычным журналистским жанром.

Желание «исповедоваться» в прессе возникает у многих людей^{26[7]}. И у самых что ни на есть «ординарных личностей», и у людей необычных, а порой — и у великих. Понять это можно. Вопрос в данном случае в другом: **почему свои откровения наши современники все чаще предпочитают публиковать в прессе?**

Одно из объяснений состоит в том, что откровение перед Богом приносит человеку одни последствия, а перед людьми — совершенно иные. Что может дать человеку религиозная исповедь? Верующие знают это хорошо. Религиозная исповедь всегда есть **покаяние**, т.е. добровольное признание в совершенных неблаговидных поступках, в ошибках, в «грехах», которые заключаются в забвении норм и предписаний церковного вероучения. Человек, сверяющий свои поступки с божественными заповедями и заветами, может испытывать мучительные переживания, снять которые и должна религиозная исповедь. Сoverшившие ее часто получают глубокое душевное успокоение. Для них важно именно «отпущение грехов», ощущение снизошедшей божественной благодати, нравственное очищение. Священник, принимающий исповедь, выступает при этом лишь как посредник между Богом и верующим.

Цели обращения человека со своим откровением к широкой публике (массовой аудитории) совсем иные. И журналист берет на себя роль посредника именно потому, что они часто совпадают с целями его деятельности. Это, собственно говоря, и породило так называемую **«исповедальную журналистику»**.

Что же это за цели? Вот некоторые, наиболее часто представленные в прессе:

1. Объяснить необычный поступок.
2. Показать пример преодоления беды.
3. Поделиться опытом успешной карьеры.
4. Сделать саморекламу.

Рассмотрим каждую из них по порядку подробнее.

Из публикации «Исповедь мальчика для битья»

(Журналист. №8. 1995)

Автор публикации (фрагмент ее представлен ниже. — А. Т.) Вадим Летов, профессиональный журналист, более двадцати пяти лет проработавший собкором «Огонька» и других московских изданий, искалесивший всю огромную страну и любящий и знающий ее, вдруг решил... эмигрировать из России. Почему?

Ответ на этот вопрос, объяснить свой необычный поступок, на взгляд автора, очень важен для всех. И он решил произнести его публично. Журналист оказался ненужным в

своем отечестве. А более того — гонимым. Местные «республиканские князьки» (будь то секретари обкомов, крайкомов КПСС, будь то ель-цинские губернаторы и пр.), никогда не любившие независимых московских журналистов, наконец-то, после раз渲ла СССР получили возможность проучить «заезжих щелкоперов». Подобное произошло и с Летовым.

После того как местная власть не смогла договориться с ним о благоприятном освещении здешних событий в московском издании, ему вполне красноречиво «намекнули» на то, чтобы он убирался из республики, пока цел:

Вот картина, что напрочь не оставляет меня. Я лежу в дорожной грязи под портретом Горбачева и не могу подняться. Я лишь катаюсь с бока на бок, фыркая грязью. А мимо идут люди, но взгляд их мутен и равнодушен. Подать мне руку в помощь некому, и это для меня самое страшное.

Нет, не дурной похмельный сон. И вообще у меня ни в одном глазу. Волонтеры Народного фронта Молдовы учили меня «не возникать». Портрет Горбачева, навешенный на зубцы кишиневского горпарка, при более близком рассмотрении отредактирован был весьма странно. На подбородок с дорисованной фломастером ленинской острой бородкой нависали клыки Дракулы, а на месте знаменитого родимого пятна, стыдливо опущенного полиграфистом, по-паучьи расположилась свастика... Палачи немногословны, жанр интервью не для них. Кожаны методично катали меня по луже, что бревно, ускользнувшее из плота. Нет, то были вовсе не читатели и даже не цензоры из народофронтовской «Цары», что периодически обещали мне, «проводнику имперской политики», поросячью участь. Просто иллюстраторы. Мимо споро побежали к парламенту республики демонстранты, они несли и такой плакат «Иван! Чемодан! Магадан!». Горби и я, лежащий в грязи, были прекрасной иллюстрацией дня...

Хватит, стыдно. Надо признать, что я — бомж, бомж по воле глупо продуманного времени. И картина — я в грязи под портретом наипервейшего перестройщика, и люди, безлико смотрящие на муки мои, муки обращения человека в ничтожество — меня не покидает ни наяву, ни во снах. Картина эта стала символом бытия. Вопрошаю, да бесполезно, Вопрошаю не один, но от этого не легче.

Это объяснение адресовано журналистскому сообществу России. Именно его понимания ждет автор исповеди, именно оно для него, как для профессионала, главнейшее в данной жизненной ситуации.

Следующая публикация преследует иную цель. Подобного рода исповеди часто публикует журнал «Ридерс дайджест».

Из публикации «Почему мой сын не говорит?»

(Ридерс дайджест. № 1. 1998)

Однажды мы с Джоном зашли ко мне на работу забрать почту. Когда мы проходили мимо питьевого фонтанчика, он показал на него рукой, давая понять, что он хочет пить. Это был удобный случай помочь ему осознать, что вода в фонтанчике и вода в озерах и прудах — одно и то же. «Во-а», — сказал я, желая, чтобы он повторял это слово. Джон снова показал рукой на фонтанчик. «Во-а», — повторил я. Джон показал на фонтанчик еще более нетерпеливо. «Во-а, Джон». Расстроившись, он заплакал. Я взял его на руки и дал ему напиться. А потом сам расплакался... Много душевных и физических мучений пришлось пережить семье, чтобы не упасть духом. И в конце концов Джон сказал первое слово.

Об опыте успешной карьеры говорится в исповеди известного американского актера Чака Норриса.

Из публикации «Чем больше жизнь бьет, тем лучше»

(Профиль. №4. 1998)

Чтобы чего-то добиться в жизни, надо уметь бросить ей вызов. Надо, чтобы азарт

борьбы подхлестывал тебя и заставлял целенаправленно идти к победе. А каждая победа дает возможность двигаться дальше. Это не означает, что у меня не бывает неудач. Они преследуют меня постоянно. В Америке каждый видит мои успехи, но никто не видит моих поражений. Я скрываю их, и не потому, что хочу выглядеть суперменом. Просто люди, от которых зависит твоя судьба, относятся к тебе так, как ты себя подашь. Поэтому карьера требует хитрости и умения «держать лицо»...

Исповеди, преследующие эти и подобные им цели, условно можно назвать социально-педагогическими.

Однако данными целями реальная палитра их отнюдь не исчерпывается. Можно даже сказать, что вовсе не их преследует основная масса исповедей, публикуемых в сегодняшней прессе. **Подавляющее число выступлений исповедального плана имеют рекламно-коммерческую направленность.**

При этом основное содержание их можно было бы определить словами «сделать саморекламу».

Многие хорошо помнят песни Галича, в которых он высмеивал публичные разбирательства в парткомах и месткомах сугубо личных дел советских граждан (разводы, супружеские измены, семейные ссоры и пр.) в недавние приснопамятные времена. К сожалению, поэт не дожил до времени «всеобщего торжества демократии» и у него нет возможности лицезреть, до каких размеров выросла страсть бывших «мужчин» и «женщин», а ныне — «господ» и «дам» вполне добровольно предаваться нравственному эксгибиционизму и потому заставляющих вспомнить клич героев рассказа Ф. Достоевского «Бобок» — «Заголимся!». Сколько их, ныне «заголяющих» перед публикой без тени малейшего смущения, — не сосчитать! Что же заставляет людей выставлять напоказ интимные стороны своей жизни?

Есть мнение, что причина этого — особенности русской души, которой свойственно жить с оглядкой — поплакаться кому-то в жилетку и услышать, что скажет та же «Марья Ивановна», соседи, знакомые? Возможно. Но чаще она заключается вовсе не в этом и даже не в желании покаяться. Наверное, не раз приходилось вам видеть в подземных переходах, в метро, на вокзалах «парад» несчастных инвалидов, демонстрирующих прохожим то синюшные опухоли на теле, то гниющие язвы, то ампутированные конечности или прочие уродства подаяния ради. Нечто подобное происходит нередко и на страницах прессы. Но здесь демонстрируются отнюдь не физические изъяны и не подаяния ради.

Набор «уродств», которыми пытаются задеть публику «за живое», «сделать рекламу» в прессе «исповедующиеся», а вместе с ними и лукавые журналисты, очень большой. От самых, что ни на есть обыденных до пугающих, по выражению поэта, «холодом бездны». Бахвальство, бесстыдство, эпатаж, мания величия, экстравагантные выходки, аморальные суждения, смакование извращений, сцен насилия, убийств и т.д. — все можно встретить в исповедях и на телеэкране, и в радиоэфире, и на страницах печати.

Из публикации «Живу очень хорошо и ничего не планирую»
(АиФ. №51.1995)

Пожалуй, самый безобидный вариант афиширования различных моментов личной жизни, личностных пристрастий, например, представлен в исповеди Аллы Пугачевой. Она, в частности, сообщает аудитории, что хочет служить своим искусством простым людям и сама живет просто. Это, очевидно, должны подкрепить и следующие ее сообщения и суждения:

1. О характере общения с налоговой полицией.

Конфликта с налоговой полицией, я считаю, не было. Не Починок нас вызывал, а мы предложили встретиться с Починком. Мы принципиально приехали туда на шикарных машинах. Не должны же мы, такие «бедненькие, несчастненькие», пешком идти от метро. Вот это было бы, действительно, смешно.

2. О своих отношениях с другими эстрадными знаменитостями.

До меня дошли слухи, будто бы я отказалась участвовать в одном концерте с Распутьиной... Не царское это дело заниматься такими вещами.

3. О своей дочери.

Хотите, я вам скажу, в какую певицу я верю? Я верю в свою дочь (правда, она не верит в себя). Не потому, что я ее мать. Я вижу, что она правильно начинает. Не знаю, будет ли она петь или еще чем-то заниматься, но у нее я вижу задатки глубокой, интересной исполнительницы. Я ее сравнивала с другими и очень четко вижу, кто может двигаться дальше, а кто нет.

4. О «бытовых» пристрастиях.

Мы должны ездить шикарно, шикарно одеваться, гордиться своими гонорарами, так как это ненадолго. Звездный час очень короткий, и мне бы хотелось, чтобы в нашей стране актриса могла сказать: «Да, я дорого стою, да, я получила огромный гонорар».

5. О характере отдыха.

В Москве мне негде погулять. Все знают, когда есть деньга, я гуляю в другом городе, в Цюрихе. Мне там, как и Ленину, очень нравится. Там такое биополе, такой воздух. Но в Москве я отдыхать не могу.

Утверждать, что подобного рода откровения воспринимаются всей аудиторией газеты в качестве свидетельств каких-то нравственных пороков, было бы наивно. Та часть ее, которая входит в бомонд, которая хорошо обеспечена, конечно же, не увидит ничего особенного в том, что кто-то имеет шикарные машины, ногой открывает дверь в кабинет налогового министра, ездит кутить в Цюрих (потому что в Москве «разгуляться» негде) или имеет возможность похвалить таланты своего отпрыска в самом многотиражном издании страны. Другая же часть аудитории — те же учителя, падающие в голодные обмороки от недоедания, шахтеры, пытающиеся с помощью забастовок получить свою «пайку», нищие пенсионеры увидят в подобных откровениях некое глумление «жиющей знати» над бедствующим народом и очередной повод ощутить свое ничтожество, ненужность, несмотря на то что реально они совершили и совершают нужное для страны дело и в большинстве своем не менее талантливо, чем какая-то «звезда» — свое.

Но есть пороки, которые бьют «наповал» практически всю аудиторию. Образец их представлен в рассказе некоего майора милиции М.

Из публикации «Как я возглавил шайку бандитов»

(Жизнь и кошелек. № 6. 1997)

...Сегодня в группировке я не просто свой человек, но и невидимый ее руководитель. Без меня не решается ни один важный вопрос. Приходится трудиться день и ночь: изучать оперативную информацию; при малейшем «наезде» на группировку милиции или прокуратуры уводить оперативников на ложный след; используя служебные возможности, уничтожать конкурентов; доставать оружие; прикрывать торговцев наркотиками из банды; консультировать организацию заказных убийств.

Иногда приходилось участвовать в криминальных разборках, разрабатывать и осуществлять операции по насильственному привлечению денежных средств в кассу группировки, их легализации через коммерческие структуры...

Мое личное состояние составляет более четырех миллионов долларов США. Немалые средства вложены в дело. ...Теперь у меня приличная тачка, загородный дом, оформленный на тещу... имеется недвижимость за границей... Через неделю я ухожу на пенсию и уезжаю на постоянное место жительства «за бугор».

Такого рода исповеди, конечно же, намного «круче» самораздеваний тех же эстрадных кумиров. Порой по живописанию душегубств, кровавых преступлений они могут переплюнуть иной американский триллер. Мало кто останется равнодушным, читая нечто подобное. Возможно, поэтому такого рода исповедей становится на страницах печати все больше.

Может и должен ли журналист предопределять, какая именно исповедь появится на страницах издания? Вопрос этот, в известной мере, излишен. Поскольку такое предопределение

всегда было, есть и будет, хотя журналист может делать вид, что «все в руках автора исповеди». Уже выбор героя, которому газета или журнал

предоставит свои страницы, предложенная тема выступления скажутся на его характере.

Важно и то, каким образом готовится исповедь — то ли журналист просто записывает все, что говорит герой, то ли берет у него интервью. Во втором случае участие журналиста может повлиять на содержание выступления в наибольшей мере. И тогда онвольно или невольно берет на себя определенную ответственность за то, что сообщит герой. Поэтому журналисту **очень важно не потерять чувство меры в «ориентации» самоанализа «исповедующегося»**. К сожалению, об этом часто забывают. А иногда «организатор» просто провоцирует своего героя на такие высказывания, которые тот, при здравом рассуждении, возможно, и не вынес бы на суд широкой публики. Так произошло с корреспондентом, готовившим исповедь-интервью (опять же!) Аллы Пугачевой.

Из публикации «Хочу пожить просто женщиной»

(Московская правда. № 1. 1996)

«Вы просто удивительная красавица!»

Это особый вопрос по поводу моей красоты. Мне пришлось очень много работать над этим, потому что родилась я не особой красавицей. Но нужно отдать должное музыке и песням, которые сделали меня. Сцена как волшебница, я на сцене раскрывалась, становилась красивой, это великая вещь для меня.

Автор интервью-исповеди словно не понимает, что высказанное не в личной беседе (что, возможно, могло быть вполне уместным), а на страницах газеты его замечание выглядит элементарной лестью, а ответ на него собеседницы — мелким самолюбованием, отнюдь не украшающим известную певицу, талант которой заключается вовсе не в ее внешности. Кроме того, иной читатель, оценивая эти слова, скажет: «Наверное, Пугачева неважно выглядит, коль журналист ее так нахваливает». Так что, эффект данного выступления мог оказаться отнюдь не тем, на который была рассчитана исповедь.

Разумеется, никто не заставляет журналиста выражать свое мнение по поводу того, о чем рассказывает герой исповеди. Как, впрочем, никто и не запрещает это делать. Некоторые корреспонденты заявляют о своем отношении к тому, о чем повествует «исповедующийся», вполне четко и однозначно. Так, например, поступила Наталья Бояркина, записавшая откровения звезды американской эстрады Лайзы Миннелли «Я живу только ради любви» (АиФ. № 51. 1997). Рассказ певицы о том, зачем и сколько раз она выходила замуж, как была алкоголичкой и наркоманкой и т.п., журналистка резюмирует следующими словами: «О своих пороках Лайза рассказывает людям не стесняясь. У нее нет по этому поводу стыда и раскаяния. Что было, то и было... Уж если звезды всегда на виду и как бы под лупой, зачем казаться лучшие, чем ты есть?» (выделено мною. — А. Т.).

Как видим, корреспондентка вполне солидарна с тем, что стыд и раскаяние в своих пороках — вещи не обязательные для человека, по крайней мере для эстрадной звезды. Позиция выражена предельно ясно. Но таким образом журналисты, «организующие» исповедь, поступают относительно редко.

Довольно часто журналисты дают исповедующимся полную свободу в изложении различных пикантных подробностей личной жизни, мрачных ситуаций и т.д., а сами применяют, так сказать, «фигуру умолчания» по отношению к тому, о чем идет речь в исповеди. Это позволяет, с одной стороны, дистанцироваться от содержания выступлений, а с другой — используя в качестве наживки нечто «жареное», подцепить на крючок определенное число невзыскательных читателей.

Иногда журналисты объясняют свое молчание тем, что пресса, мол, должна давать факты, обнажать язвы общества, а не комментировать их. Пусть читатели сами делают вывод. Но какой вывод может сделать человек, способный его сделать, столкнувшись с «фигурой авторского умолчания» по отношению, скажем, к мерзостям, содержащимся в иной исповеди? Очевидно, он будет звучать так: «Молчание есть знак согласия». В результате наиболее серьезные читатели уходят. Хотя аудитория газеты или журнала, разумеется, может не уменьшаться и даже расти. Но

за счет деградированной публики. Что, впрочем, может быть абсолютно безразлично для изданий, ориентированных прежде всего на коммерческий успех.

Чем исповедь как жанр отличается от других жанров журналистики? В «неразвитом», «свернутом» виде элементы самоанализа (главного признака исповеди) можно обнаружить в самых разных публикациях — заметках, корреспонденциях, рецензиях, статьях и т.п., где присутствует личное «я» журналиста. Однако для публикаций этих жанров самоанализ не является целью. Он содержится в текстах постольку, поскольку помогает прояснить какую-то мысль, внести экспрессивное, образное начало в публикацию, показать напряженность ситуации, в которой оказался автор будущего выступления. Когда же самоанализ перерастает из подсобного фактора в одну из главных целей публикации, то тогда и возникает своеобразный и вполне самостоятельный жанр — исповедь.

[в начало](#)

РЕКОМЕНДАЦИЯ (СОВЕТ)

Публикация текстов, содержащих рекомендации (советы) по поводу того, как надо решать те или иные задачи, является ответом на соответствующие информационные ожидания аудитории. Что представляет собой рекомендация, все хорошо знают. Если рассуждать о типе информации, являющейся содержанием рекомендаций, советов, то это будет предписательная (программная) информация. В главе 2 говорилось о типе публикации, обозначенной понятием «мини-совет», которую мы отнесли к информационным жанрам. Но совет, рекомендация, может быть и аналитическим жанром.

Такое качество этот тип публикации обретает в результате «развертывания» как самих предписаний (увеличения их объема), содержащихся в публикации, так и их обоснования, аргументации, установления причинно-следственных связей, оценочных и прогностических суждений.

Из публикации «Где встретить свою судьбу?»

(АиФ. № 11.1998)

Нынешняя молодежь более свободна в плане проявления своих чувств. Это так, если говорить о простых знакомствах, любовных интрижках. Когда же речь заходит о браке... Здесь поколение XX века проигрывает своим предшественникам, для которых существовали и «ярмарки» невест, и балы.

— Сегодня же есть дискотеки, — скажите вы и попадете впросак. Потому что дискотеки в отличие от бала мероприятие скорее спортивное, для серьезного знакомства мало приспособленное: шумно, темно, многие под градусом. Кроме того, на дискотеки ходят поколение тинейджеров. А о замужестве и женитьбе люди начинают задумываться годам эдак к 25.

Пять причин одиночества. Почему холостые парни и незамужние девушки никак не могут повстречать друг друга? Потому, что первые либо увлечены своей работой и на личную жизнь у них не хватает времени, либо, наоборот, совершенно не заботятся о материальных благах (и кто за такого выйдет замуж?). Прекрасная же половина человечества, доведя свое высшее образование до диплома, а то и до кандидатской корочки, уже не желает вверять судьбу в руки человека бездуховного. Она ищет себе как минимум ровню. Мужчина перестал нуждаться в женщине в качестве помощницы. Его носки постирают, посуду помоют машины, а обед из полуфабриката приготовит микроволновая печь, ну а сексуальные потребности... сегодня при помощи денег решаются даже они. Женщины тоже стали хорошо зарабатывать. Отпала необходимость создавать семью как объединение капиталов.

16 мест для знакомства. Нет ничего проще и выгоднее знакомства на работе или в институте. Во-первых, ты все подробно знаешь о своем избраннике или избраннице. Во-вторых, вы постоянно видите друг друга и не надо постоянно искать поводов для встреч. Примерно каждая пара молодоженов — сослуживцы, а 4 из 10 — вместе учились. Не составляют исключения и звезды. Например, известная актриса театра и кино Алла Будницкая познакомилась со своим мужем, режиссером Александром Орловым, во ВГИКе.

— Как-то на занятиях по творческому движению мы делали кульбит навстречу друг другу и столкнулись. У меня закружила голова. И Саша был вынужден проводить меня домой. Потом нас послали вместе на целину. И там у нас завязался роман, который длится уже 38 лет.

Двое из десяти опрошенных нами пар познакомились через друзей. Режиссеру Никите Михалкову представили его будущую жену Татьяну после показа моделей в Доме кино (Татьяна была манекенщицей).

— На первое свидание меня собирали тоже друзья, — рассказывает она. — Сделали самую модную по тем временам прическу — «бабетку» и самый модный макияж — лиловая помада и такие же лиловые ногти. Никита, когда меня увидел, взял за шкирку, отвел в туалет и смыл всю косметику. Я сидела в ресторане мокрая и бледная, боясь, что скажу что-нибудь, а ему опять не понравится.

Только третья из сотни пар влюбленных движет любовь с первого взгляда. Леонид Ярмольник встретил свою будущую жену в Театре на Таганке.

— Она стояла в очереди за билетами, а мы с Леонидом Филатовым разговаривали в холле. Она вытащила сигарету, но ей нечем было прикурить, и я через щель перегородки передал зажигалку. Она прикурила и улыбнулась. Я ответил тем же и предложил подойти к служебному входу... Вот и все. Вскоре мы поженились.

Впрочем, «случайную встречу» тоже можно спланировать. Как это сделать? Прежде всего, задайте себе два вопроса: кто мне нужен и где такого (такую) найти? Если вы мечтаете проводить тихие семейные вечера, беседуя об искусстве и литературе, спутника надо искать на художественной выставке, в консерватории. Творческую интеллигенцию можно встретить и на всевозможных открытиях: клубов, баров, фестивалей. Любите лошадей, отправляйтесь на ипподром. Книги — в библиотеку. Многие женщины предпочитают «технарей-бизнесменов», работающих и зарабатывающих мужчин, у которых нет времени праздно шататься по городу, есть машина и, соответственно, знакомство «на улице» с ними маловероятно. Зато оно может произойти, например, на технической выставке. Богатых женихов и невест можно встретить и в дорогом магазине, автосалоне, в спортивных комплексах. Что вам мешает узнать побольше о своих соседях? Моя подруга познакомилась со своим будущим мужем, когда у нее в ванной сорвало кран. Сосед помог перекрыть ей воду. Хозяйка угостила мужчину чаем. А через месяц они подали заявление в загс.

Шесть полезных советов.

Самый большой для человека барьер — сам процесс знакомства, говорят психологи. Особенно комплексуют мужчины. Если бы девушки узнали, скольких кавалеров они лишились только потому, что те не решились к ним подойти, — умерли бы от обиды.

Улыбка подбодрит незнакомого или малознакомого вам человека. Поэтому не будьте букой и не отводите взгляд, если кто-то обратил на вас внимание.

В век равноправия между полами женщина тоже может сделать первый шаг.

Умейте не только говорить, но и слушать. Не критикуйте, но примечайте, стоит ли продолжать отношения с человеком.

Мужчины не любят слишком умных женщин, а женщины — слабых мужчин. Помните об этом.

Не будьте недотрогой, но не кажитесь легкодоступной (сексуально озабоченным).

От букетика цветов в лютый мороз растает сердце любой женщины.

Мужчины любят играть в победителя. Подчеркивайте, что он заслужил получить выглаженную рубашку, пирог, поцелуй... Поверьте, пройдет совсем немного времени, и он в лепешку разобьется, чтобы назвать вас своей женой.

Рассматривая эту публикацию, мы заметим следующее. Уже первые два абзаца данного материала заключают в себе сравнительный анализ — автор соотносит возможности осуществления знакомства с целью выбора будущего супруга или супруги предшествующими поколениями россиян и нынешним молодым поколением и делает соответствующий вывод из этого сравнения. Далее журналист осуществляет причинно-следственный анализ, в ходе которого устанавливает причины одиночества многих

молодых людей. Таких причин он насчитывает пять. Затем следует доказательное рассуждения, в ходе которого доказывается мысль о том, что самое лучшее место для серьезных знакомств — это работа. В качестве аргумента в пользу своей мысли автор приводит пример удачного знакомства и последующей женитьбы артистов Аллы Будницкой и Александра Орлова. Далее журналист выдвигает другие утверждения и также доказывает их с помощью ярких и вполне определенных примеров из жизни, т.е. каждая из рекомендаций автором обосновывается, подтверждается. В завершение в тексте приводится еще и список из шести полезных (в пределах обсуждаемой темы) советов.

Наличие в тексте доказательного рассуждения и сравнительного, а также причинно-следственного анализа делает публикацию аналитической. А наличие советов читателю — позволяет отнести ее к рекомендациям. В результате возникает такой тип журналистского материала, который можно назвать аналитической рекомендацией (или просто — рекомендацией).

[в начало](#)

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРЕСС-РЕЛИЗ

Стремление СМИ выжить в эпоху бурного развития рыночных отношений в стране явилось причиной того, что на страницах газет и журналов, в теле- и радиопрограммах прочно обосновалась реклама, ставшая источником материального благополучия большинства изданий. Реклама присутствует в СМИ не только в форме чисто рекламных текстов. Она также облачается в одежду журналистских материалов. Это, в частности, привело к возникновению активно заявившего о себе жанра «пресс-релиз». Пресс-релизом называется подборка информационных сообщений, рассказывающих о достоинствах какой-то фирмы или отдельной личности, например кандидата в депутаты. От них, собственно, и поступают такие пресс-релизы в СМИ. Полученный в редакции пресс-релиз не обязательно будет опубликован. Возможно, он станет просто одним из источников информации, которая будет использована редакцией для ориентации в деловом мире или в выборной кампании. Из него также часть материала может быть изъята и опубликована в виде заметки, хроники, информационной корреспонденции.

Таким образом, пресс-релиз способен быть преобразован в какой-то уже известный журналистский жанр. Однако журналист может поставить перед собой задачу сохранить рекламную суть пресс-релиза и, дополнив его необходимыми новыми сведениями, убрав лишнее, подготовить публикацию, обладающую своеобразными чертами. Эта публикация может быть и аналитической по своему характеру. **Соединение аналитического и рекламного начал** лежит в основе аналитического пресс-релиза.

Предметом аналитического пресс-релиза являются качества, возможности каких-либо людей или организаций, фирм, учреждений во взаимосвязи их с потребностями, задачами, которые в данный момент могут быть у аудитории СМИ. Журналист, поставивший перед собой задачу подготовить пресс-релиз, встает перед необходимостью проанализировать причинно-следственные взаимосвязи между возможным удовлетворением потребностей, которые есть у аудитории СМИ, и рекламируемой деятельностью фирм, учреждений, отдельных личностей.

Причем цель аналитического пресс-релиза заключается не просто в том, чтобы показать, что данная организация или личность способны решить какие-то проблемы данной аудитории, но и доказать это. Поэтому автор аналитического пресс-релиза обращается к доказательному рассуждению, к использованию аргументации, подтверждающей его утверждения.

Как правило, в пресс-релизе в качестве аргументов применяются примеры успешной деятельности данной фирмы, учреждения, лица, их высокие профессиональные качества, моральные и иные положительные стороны. Авторы аналитических пресс-релизов также часто опираются в своих утверждениях на положительные отзывы о деятельности рекламируемых компаний и лиц, на экспертные оценки, поддерживающие позицию авторов.

Таким образом, жанру аналитического пресс-релиза присущи два основных вида анализа — причинно-следственный и оценочный. В ходе оценочного анализа устанавливаются высокие положительные качества рекламируемой фирмы или отдельных лиц, а в ходе причинно-следственного анализа демонстрируется то, что именно с помощью этой фирмы, этих лиц будут решены те конкретные задачи, которые стоят перед данной аудиторией СМИ.

Из публикации «Москвичи могут жить лучше»

(Новая газета. № 44. 1999)

Сергей Кириенко, кандидат на пост мэра Москвы, начал свою предвыборную кампанию с презентации программы социально-экономического развития Москвы. Свое выступление на пресс-конференции в Московском избирательном штабе вице-премьер начал с попытки развеять иллюзии по поводу мифа о московском экономическом чуде: негативные социально-экономические последствия, порождаемые необходимостью погашения задолженности и сокращения расходов на социально-культурную сферу, станут явственно заметны уже в мае-июне 2000 года. Отмечу, что общий долг правительства Москвы уже превысил три миллиона долларов.

Кириенко сделал удивившее журналистов заявление:

— В Москве нет необходимости ни уменьшать расходы, ни повышать доходную часть бюджета. Надо лишь прекратить разбазаривать огромные средства и воровать.

Всего в московском бюджете нами изыскано дополнительно 2,5 млрд. долларов. Подобный экономический эффект достигается благодаря разумному использованию средств.

— Повышение эффективности инвестиционной политики московского правительства способно привести в бюджет около миллиарда долларов.

— Сравнимые средства могут дать увеличение собираемости налоговых поступлений (с начала этого года налоговая недоимка выросла на 50%).

— Доходы от управления госсобственностью, доходы от которых сейчас в Москве в десять

раз меньше, чем в Санкт-Петербурге, при наведении элементарного порядка могут быть

повышены более чем на 30%. Контроль за использованием валютных средств сохранит

для города 28% валютных поступлений в московский бюджет.

Изысканные 2,5 млрд. долларов должны быть привлечены на нужды города и москвичей. При этом часть суммы заложена нами в подготовленную программу социально - экономического развития Москвы.

Москвичи должны получать от города больше.

Командой Кириенко при активном участии кандидата на пост вице-мэра Вячеслава Глазычева запланировано:

— Увеличение пособия на детей до 375 рублей вместо нынешних 58; повышение доплат не работающим пенсионерам и занятым на должностях младшего и хозяйственно- обслуживающего персонала до 770 рублей вместо нынешних 575; рост доплат одиноким матерям до 400 рублей вместо нынешних 116.

Назначение оставшихся средств должно быть решено с помощью публичного обсуждения.

— Главной проблемой существующей ныне в Москве экономической системы, — считает Кириенко, — является отсутствие равных возможностей у субъектов экономической деятельности. Эта система может представляться столичным чиновникам, поскольку именно на них она и рассчитана. Но для москвичей подобная система является достаточно дорогим удовольствием. Она делает жизнь дороже, вынуждая нас оплачивать и неэффективность городского хозяйства, и непомерные аппетиты привыкшего к безнаказанности московского чиновничества. В Москве в 2,5 раза дороже, чем по России, жилищные услуги; в 1,5-2 раза — основные продукты питания; в 2 раза дороже стоимость электроэнергии и тепла. Москвичи при реализации нашей программы не только получат дополнительные доходы, они станут меньше тратить. Прежде всего за счет уменьшения взяток, составляющих почти миллиард долларов в год, включаемых в конечную стоимость товаров и услуг. Добиться этого можно, используя только экономические методы.

Для этого необходимо всего лишь обеспечить:

- ❖ равенство всех субъектов экономической деятельности;
- ❖ реальную безопасность хозяйственной и социальной жизни;
- ❖ устранения всех посредников, стоящих между лицами, получающими бюджетные средства, и лицами, принимающими решения;
- ❖ адресность социальной защиты;
- ❖ конкурсность и открытость городских инвестиционных проектов.

Программа, разработанная для Москвы, основывается на реалиях экономической жизни столицы, но не является локальной, по мнению Кириенко, и описанные в ней методы могут быть с успехом использованы для решения проблем других регионов России.

Данный материал, поскольку в нем излагается выступление кандидата в мэры на пресс-конференции, чем-то напоминает аналитический отчет. Однако аналитический отчет не ставит перед собой рекламно-пропагандистские цели, присущие представленной выше публикации. А для пресс-релиза такие цели выступают главными, независимо о того, на основе каких публичных высказываний (иных источников информации) он подготовлен.

Доминирующим в аналитических пресс-релизах является оценочный анализ, поскольку, получив представление о том, какими качествами обладает рекламируемый предмет, аудитория может довольно легко установить его пригодность в качестве средства (причины) удовлетворения своей актуальной потребности.

Характерная черта пресс-релиза, объединяющая его в известной мере с жанром письма, — это прямое обращение автора к своей аудитории, призыв к ней действовать определенным образом.

Тем, кто хочет застраховать себя от сотрудничества с недобросовестными деловыми партнерами, концерн «Столица» предлагает заключить договор о предотвращении неплатежей или непоставок товаров и после подписания документа выступает гарантом сделки.

Работа над аналитическим пресс-релизом требует от журналиста прежде всего внимания к достоверности предлагаемой ему фирмами, отдельными лицами информации о своих возможностях. Поскольку недостоверная информация, если она будет опубликована, способна нанести материальный и моральный урон аудитории данного СМИ.

Глава 4. ХАРАКТЕРИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

- ❖ [Очерк](#)
- ❖ [Фельетон](#)
- ❖ [Памфлет](#)
- ❖ [Пародия](#)
- ❖ [Сатирический комментарий](#)
- ❖ [Житейская история](#)
- ❖ [Легенда](#)
- ❖ [Эпиграф](#)
- ❖ [Эпитафия](#)
- ❖ [Аnekdot](#)
- ❖ [Шутка](#)
- ❖ [Игра](#)

Данная глава посвящена анализу типов текстов (некоторые из них исследуются впервые), которые обычно относят к «авторской» или «писательской» журналистике, подчеркивая тем самым их особый характер. Проявляется он прежде всего в повышенной требовательности к языку, художественной образности, эмоциональной насыщенности текстов, глубине авторского

общения действительности. В силу этого освоение искусства выступления в художественно-публицистических жанрах считается наиболее трудной ступенью при восхождении к вершинам журналистского мастерства.

ОЧЕРК

Понятие «очерк» в качестве названия журналистских публикаций определенного типа имеет неясное происхождение. Хотя существует мнение, что к его появлению причастен А. М. Горький, который в одном из своих писем коллеге по словесному ремеслу указывал, что исходным в определении текста, имеющего известную литературную форму, как «очерка» является глагол «очерчивать»*.

Точность этого мнения установить трудно. Однако то, что публикации, которые А. М. Горький называл «очерком», появились отнюдь не в тот момент, когда у него возникла мысль назвать их именно этим «именем», сомнения не вызывает.

Среди родоначальников отечественного очерка исследователи российской журналистики называют имена В. Г. Короленко («В голодный год»), А. П. Чехова («Остров Сахалин»), Г. И. Успенского («Разорение»), Н. В. Успенского («Без языка») и др. Немалое число выдающихся мастеров этого жанра прославили советскую журналистику, например А. М. Горький, М. Е. Кольцов, Б. Н. Полевой, К. М. Симонов, А. А. Бек, А. А. Аграновский, В. В. Овечкин, Г. Н. Бочаров и многие другие.

Очерк считается «королем» художественно-публицистических жанров, но с точки зрения подготовки его — он один из наиболее трудоемких. И это действительно так, поскольку написать хороший очерк журналист сможет только в том случае, если он уверенно владеет разными методами отображения действительности, существующими в его ремесле^{27[1]}. При подготовке очерка мало, например, суметь найти подходящий предмет выступления, успешно собрать материал, проанализировать его. Надо еще и соответствующим образом переосмыслить информацию и воплотить ее в такую форму, которая будет признана, действительно очерковой.

Сущность очерка во многом предопределена тем, что в нем соединяется репортажное (наглядно-образное) и исследовательское (аналитическое) начало. Причем «развернутость» репортажного начала воспринимается как преобладание художественного метода, в то время как упор автора на анализ предмета изображения, выявление его взаимосвязей выступает как доминирование исследовательского, теоретического метода. Соответственно в ходе их применения создается или преимущественно-художественная, или преимущественно-теоретическая концепция отображаемого предмета. И уже в рамках той или иной концепции собираются или «перерабатываются» эмпирические факты. Именно непроясненность названного обстоятельства долгое время служила исходным моментом горячих споров о том, относить ли газетный (журнальный) очерк к художественным произведениям или же — к документально-журналистским.

Преобладание в ходе подготовки очерка того или иного метода зависит прежде всего от цели и предмета исследования. Так, если предметом исследования выступает какая-то проблемная ситуация, то целесообразным для ее исследования будет теоретический метод. Если же предметом журналистского интереса стала личность, то более подходящим для выявления ее характера будет художественный метод, позволяющий, так сказать, более естественным путем проникнуть в психологию личности, без представления о которой трудно судить о достоинствах или недостатках любого человека, в том числе и героя очерка.

Несмотря на то что во многих случаях (например, в публикациях широко известного в недалеком прошлом талантливого очерка А. Аграновского) аналитическое, исследовательское начало в очерках является ведущим, все же представление об очерке в основном связано с существованием в нем «репортажного» начала (применением художественного метода). Не случайно, например, в немецкой журналистике (как уже говорилось выше в разделе, посвященном репортажу) очерковые материалы называются «репортажами» («reportage»).

Конечно же, зная это, нельзя забывать о том, что «интенсивность» применения художественного метода в создании публикаций очеркового плана в каждом конкретном случае

может быть очень разной. Это, разумеется, сказывается и на уровне художественности того или иного очерка. Один полюс очеркового спектра может быть (в этом плане) представлен текстами сугубо документальными, основанными на конкретных фактах. Противоположный же — текстами, которые примыкают к собственно художественному творчеству (вспомним очерки классика отечественной публицистики Валентина Овечкина). Между этими полюсами бывает огромное количество очерковых публикаций, соединяющих в себе документально-факторологическое и художественное начала в самых разных их «пропорциях».

Современному очерку чаще всего свойственна документальная насыщенность, часто — в ущерб художественности. Это, очевидно, вызвано тем, что исходный материал, т.е. фактические события, о которых сообщает очеркист, часто настолько драматичен, сюжеты их настолько непредсказуемы, раскрываемые тайны настолько заманчивы, сенсационны, что сами по себе способны привлекать внимание читателя и восприниматься им на уровне информации, черпаемой из самых интересных художественных произведений. В этом случае потребность в интенсивной художественной переработке исходной информации нередко становится излишней.

Рассмотрим основные черты наиболее распространенного на сегодняшний день типа очерковой публикации.

Из публикации «Смертельный автостоп»

(Московский комсомолец. 24 декабря. 1998)

Из письма подсудимого Виктора Анатольевича Боровкова судье Чудовой после приговора:

Добрый день, очаровательная госпожа! Я очень переживаю за Ваше драгоценное здоровье. Поэтому осмелился написать Вам письмо, Валентина Павловна! Я от души желаю Вам счастья и благополучия в служебных и личных делах. Прошу извинить меня за вторжение в Вашу личную жизнь...

Далее следует основное содержание очерка:

Сказать по правде, Виктор Анатольевич Боровков ошибается. Если уж говорить о жизни, насыщенной детективами, скорей всего стоит поговорить о жизни самого Боровкова, а никак не судьи Чудовой, которая каждый божий день с утра пораньше выходит из метро на станции «Баррикадная» и не более чем через сотню шагов входит в здание Московского областного суда. И сидит там до ночи. Вот и весь детектив.

А Боровков в октябре 1994 г. вернулся из колонии, где провел восемь лет, и сразу решил, чем будет заниматься. Он выбрал «детектив», как он это сам понимает. Поскольку в свои сорок с лишним лет Боровков приобрел весьма прибыльную, хоть и опасную профессию — он был особо опасным рецидивистом. И с момента, с которого начинается наш рассказ, «ходил» в тюрьму шесть раз — за грабежи, разбои и убийство. Так вот, вернувшись домой, Боровков решил сколотить «бригаду». Но не просто «бригаду» из пьяни и рвани, а банду товарищей, отобранных по принципам, выстраданным на богатом личном опыте. Поначалу Боровков явился к матери, она жила в Москве у родственницы. И он поселился у тетки и сразу наведался к бывшей любовнице, пьянице и торговке наркотиками. У нее было два сына, Сергей Гущин и Дмитрий Грациян. Оба молодых человека проживали в поселке Красково и нигде не работали. Только Сергей жил у матери, а Дмитрий — у отца. Вот этих молодых людей Боровков и записал первым делом в свой «отряд». Андрей Илюшкин учился в одном классе с Грацияном. А Юрий Петровский стал членом этого коллектива по недомыслию и слабости характера. Всю сознательную жизнь он мечтал о машине. Став ее обладателем, он попадает в аварию и разбивает чужую машину. За ремонт надо платить, а денег нет. Боровков дал ему денег и сказал: отработаешь, будешь нас возить. И Петровский стал возить бандитов, которые решили начать с квартирных краж. Для работы им нужен автомобиль. И вот 23 декабря в Люберцах у гастронома Боровков, Гущин, Грациян останавливают «Москвич» А.Трушина. Сказали: подбрось до гаражей на окраине Краскова, расплатимся канистрой бензина. Бензин тогда был дефицитом.

Это был гараж Грацияна — отличный двухэтажный теплый гараж со всеми удобствами. На втором этаже была светелка, оборудованная для буден и праздников. Как только машина остановилась, Боровков достал нож, а Грациян — газовый пистолет. Трушину заставили пересесть на заднее сиденье, и машина въехала в гараж. Там его связали.

Нацепили на глаза черную повязку, заперли в гараже и умчались. Благодаря неимоверным усилиям, Трушин через несколько часов освободился от пут и побежал в милицию. Он был в таком состоянии, что пошел не в ту сторону и до ближайшего поста ГАИ добирался чуть ли не до утра. Он был в шоке.

Трушин до конца своих дней должен благодарить судьбу за то, что родился в рубашке. Если бы бандиты не торопились, его бы, конечно, прикончили в гараже. Но в том-то и дело, что им во что бы то ни стало нужно было вовремя поспеть в Малаховку. Там на Дачной улице проживала семья Сапожниковых (здесь и далее фамилии потерпевших изменены). Семья очень хорошая, дружная — муж, жена и маленький ребенок. Соседка Сапожниковых дружила с Петровским. Вот она-то и рассказала, что у «банкирши» (Сапожникова работала бухгалтером в банке) полон дом добра: только что шубу дорогую купили, хранят дома пять миллионов на другую покупку, есть золото, импортная техника — короче, много чего есть.

У Трушина, на машине которого бандиты приехали на Дачную улицу, обнаружили удостоверение сотрудника ФСБ. Позвонили в квартиру. Когда хозяева спросили, кто там, им в глазок показали это удостоверение. Расчет был точный: не задавая вопросов, дверь открыли. Зачем? Почему? Как не пришло в голову хозяину дома, который работал начальником производства на государственном предприятии, коротко говоря, инженером, что сотрудникам ФСБ в его доме делать просто-напросто нечего. Был бы лихой человек, ну еще, куда ни шло, но он-то зачем дверь открыл? Открыл вот. Их собрали вместе и объяснили, что если не отдадут все ценное, что есть в доме, то заберут ребенка и отрубят ему голову. Рядом постоянно находился Боровков с ножом, а двое другие, не бросая пистолета, собирали вещи и укладывали их в сумки. Затем вынесли телевизор, видеоплейер, телефон, магнитофон, шапки, шубы, деньги, драгоценности. Сели в машину и поминай как звали. В ходе предварительного следствия и в суде Сапожниковых твердо опознали Боровкова и Гущина, а Грацияна уверенно опознать не смогли, так как он в момент нападения закрывал лицо.

Стеснялся значит. Зимние шапки, магнитола, украшения из золота были найдены у Грацияна

и девушки Петровского.

Деньги поделили поровну, а Петровскому сказали: тебе ничего не положено, за тобой долг. Вещи продали, а кое-что привезли в гараж. Этот гараж в дальнейшем стал базой «труда» и отдыха банды Боровкова.

Валентина Павловна, Вы навсегда в моем любящем сердце! Из-за уважения и любви к Вам я готов в любую минуту изменить свой образ жизни... Мою жизнь держите при себе, при желании и меня заберите. Понятия в счет недействительны. К тому же за последние пятнадцать лет я так устал, что чувство страха просто отсутствует.

Через два дня после нападения на Трушина и Сапожниковых они снова остановили в Люберецах машину и попросили сидевшего за рулем А. И. Зубкова подбросить их до гаражей в Красково. Зубков работал в воинской части и по вечерам подрабатывал на машине. Боровков сел на переднее сиденье. Приехали в Красково, достали пистолет, Боровков ударил Зубкова ножом в грудь, потом его перетащили на заднее сиденье и место водителя занял Петровский. Приехали в поселок Коренево Люберецкого района и остановились недалеко от бетонного забора воинской части. Зубков умолял отпустить его и говорил, что готов на все. Избили его зверски. Установлено, что Гущин несколько раз ударили Зубкова головой о бетонные плиты, а Боровков нанес не меньше десяти ударов ножом. Зубков умер на месте.

На другой день украденную машину Боровков продал своей сестре. Вырученные от продажи полторы тысячи долларов поделили на троих. Петровскому, как всегда, ничего не досталось.

Двумя днями позже неподалеку от станции Томилино Боровков, Гущин, Грациян и Петровский остановили «Жигули» И. М. Ларина, который был за рулем, попросили подбросить в Красково на Заводскую улицу. Подбросил. Все было отработано по сценарию, с одной лишь разницей — убивать им было некогда. Бандиты спешили в деревню Денисиху Егорьевского района. Ларина связали и приковали наручниками к батарее. Несколько часов спустя ему удалось выбраться на улицу.

И все-таки Вы очаровательная женщина и расстрелять меня можете только за то, что я уважаю Вас и люблю! Все остальное — надуманные детали московского ветра.

В Денисихе, как рассказывал приятель Грацияна Грибков, жил богатый коммерсант Муранов. Бывший милиционер Муранов сменил профессию и стал фермером, достатку которого, как выяснилось в суде, завидовали соседи и знакомые. Тому, кто хочет понять, как живут люди в современной деревне, было бы очень полезно посидеть в судах или полистать уголовные дела. Какие интересные открытия ожидают любознательных! Вот, говорят, в Тибете местные жители, известные своей бедностью, всегда улыбаются. Все туристы обращают внимание прежде всего на их доброжелательность, а уж потом на красоту Тибетских гор. Так то в Тибете. А нас душит жаба. Оказывается, люди мучительно завидуют друг другу. Вот Грибков и привез друзей к дому Муранова. Петровский остался в машине, а Боровков, Гущин и Грациян подошли к дому, Грациян должен был остаться на улице. Боровков и Гущин постучали.

Муранов надел валенки и пошел на террасу. А собака не пускает. Муранов оттолкнул ее и открыл дверь. Боровков и Гущин уже были на террасе. Собака прыгнула Муранову на грудь, но он в сердцах отбросил ее — молодая, глупая. Тем временем Гущин выстрелил из газового пистолета. Выстрел ослепил Муранова, и он стал оседать на пол. В этот момент Боровков занес нож. Падающего Муранова подхватил сзади Гущин. И тут Боровков наносит удар. По заключению судебно-медицинской экспертизы, Муранову и он Выстрел ослепил Муранова, стал оседать на пол. В этот момент Боровков занес было причинено проникающее ранение грудной клетки с повреждением легкого. Но это не все. Боровков ранил в руку и Гущина, который держал падающего Муранова. Этого налетчиков, конечно, предвидеть не могли. Пришлось срочно отступать без добычи.

К полуночи приехали в поселок Новогорье и у первого встречного спросили, где поблизости можно найти врача. Люди показали — вот дом, где живет врач. Теперь представьте картину — в дом незнакомого вваливаются четверо, один из которых ранен.

Рассказывают, что на них напали разбойники. Чем не готовый сюжет для кино? Доктор ведет раненого в ванную, снимает с пробитой руки перчатку, бросает ее в раковину и начинает промывать рану. Кровотечение не останавливается. Тогда врач вызывает «скорую», которая доставляет всех четверых в егорьевскую больницу. Перед уходом они не забывают забрать перчатку. Из больницы бандиты скрылись по-английски, не попрощавшись. А Мурanova едва успели довезти до больницы — выжил чудом.

А ведь правда Вас люблю, Валентина Павловна! Я, конечно, в кассационной жалобе не напишу этого, не могу пойти на то, что в Верховном суде могут подумать о Вас плохо. К тому же Вы для меня само очарование! Вот сейчас пишу Вам письмо, а тут один убивец спрашивает: «Что, жалобу пишешь?» Я ему говорю, что судье в любви объясняюсь, что сердицу не прикажешь. Говорю, что за любовь жизнью заплачу. Бог мой! Видели бы Вы его лицо! Он не любил, ему не понять! Рожденный пить, за женщин забывает!

Пять дней спустя, на второй день наступившего Нового года, Боровков, Петровский, Гущин остановили у гастронома в Люберцах «Жигули». Как обычно, попросили водителя подбросить их до гаражей. В Красково водителя В. Голикова перетащили на заднее сиденье и поехали к лесу. На опушке Голикова выволокли из машины. Кто выстрелил в него? В суде бандиты грызлись друг с другом, оспаривая этот выстрел. Боровков сказал, что стрелял Гущин. Гущин кричал, стрелял не я, а ты, но ты был пьяный и первый раз промахнулся! Пуля попала в грудь, но не в сердце. Голиков бросился бежать, но Боровков догнал его и добил ножом.

В зале суда Боровков сказал: мне было противно, что он встал на колени и умолял не убивать. К тому же ему нужна была машина, потому что Боровков решил научиться водить. Он готовился к урокам. Через два дня машина вышла из строя, и он ее бросил. Позже видели, как ее забрали работники милиции.

Через три дня после убийства Голикова зловещая троица остановила в одном из переулков Краскова «Жигули» полковника П. Пастуха. Его вывезли в Раменский район и остановились на трассе возле указателя «Детский лагерь «Огонек». Еще в машине Боровков потребовал у водителя дубленку. Он возмутился... Труп П. Пастуха был позднее обнаружен в лесу.

Четырьмя днями позже у станции метро «Выхино» в Москве Боровков, Петровский, Гущин остановили новенькую «девятку». На сей раз бандиты попросили довезти их до стадиона «Электрон» в Красково. Приехав на стадион, они приказали водителю по фамилии Маленкин пересесть на заднее сиденье. Маленкин наотрез отказался выполнять это требование. Его жестоко избили, выбили зуб, вся машина была в крови. Его буквально отрывали от руля, и его место по уже знакомой схеме занял Петровский. Куда поехали? На берег речки Пехорки, где у Боровкова был сарай.

На этом самом берегу провидение протянуло Маленкину руку помощи, но он ее, видимо, не разглядел. Боровков сказал Маленкину, что его запрут в сарае, что ему нужна машина. Как бы крепко его ни связали, как бы крепко его ни заперли, он бы оттуда выбрался. Но он сказал, что с машиной расстаться не может и готов ехать куда угодно и делать что угодно. Этим он страшно взбесил Боровкова. Маленкин сказал, что поедет в багажнике, и сам туда полез. Его там и застрелили.

Тело Маленкина вытащили на берег, привязали к спине канистру с бензином и выбросили в реку.

Петровский и Гущин сказали, что тело долго не тонуло, потому что у берега было мелко. Пришлось его отталкивать. Труп обнаружить не удалось, несмотря на то, что родственники за свои деньги наняли водолазов и они несколько дней метр за метром обследовали чуть ли не всю речку. Барков в суде заявил, что обстоятельства убийства Маленкина ему известны и что он готов показать место, где произошло убийство. Однако на вопрос об участии в убийстве ответить отказался.

Он все время повторял: где труп?

Через несколько дней их остановили на посту ГАИ — просто так, проводилась какая-то проверка. Машина оказалась в угоне. Пока разговаривали, Гущин выбросил пистолет под машину, уже деваться было некуда. Первым делом они выдали Грацияна, которого в тот день с ними не было.

Вдохновение посетило его на Новый год. Он и Илюшкин приехали в Раменское, выпи-

ли. И стали размышлять: чем они хуже Боровкова? Они тоже могут останавливать машины и убивать водителей. Но старый испытанный сценарий решено было слегка изменить. Они вышли на улицу, улынулись двум местным барышням и попросили остановить двух прохожих. Барышни просьбу исполнили. Прохожих раздели, ограбили, избили и скрылись. Ага, получилось. Значит, можно останавливать машину. Барышни остановили машину «Жигули». За рулем был прапорщик Кирьянов. За 10 тысяч он согласился довезти приятелей до деревни Поповка.

В машину сели трое: Грациян, Илюшкин и неустановленное лицо, которым, по всей видимости, был Грибков, уже знакомый нам по истории с фермером Мурановым. У Грибкова не спросишь, он, говорят, убит в драке. Но это было позже. А в тот январский вечер Кирьянов привез приятелей в Поповку и вместо денег получил удар ножом в шею. Кирьянов не растерялся, выскочил из машины и бросился бежать. Грациян и Илюшкин за ним. Преследовали его долго, чуть ли не целый километр, да по снегу. В него стреляли. К счастью, Бог дал ему сил и ему удалось скрыться. Бандиты сели в машину и были остановлены милицией у железнодорожного переезда возле станции «Совхоз».

Боровков, сидя в тюрьме в ожидании суда, в камере убил еще одного человека. Перед тем как летопись его банды попала в областной суд, к Валентине Павловне Чудовой, дело об убийстве в тюрьме слушалось в Мосгорсуде. Приговор: пятнадцать лет лишения свободы.

Валентина Павловна! У меня слабое, любящее сердце. Я удивляюсь, как не умер, слушая приговор.

Если бы я писала учебники для будущих судей, я бы непременно целую главу посвятила бы именно этому многотомному делу. Почему? Потому, что, во-первых, это классическое дело конца 90-х годов, и, во-вторых, потому, что в этом деле было все для того, чтобы вынести приговор, равно как все для того, чтобы вернуть дело на дополнительное расследование. Все, как всегда, зависит от человека. Одного человека — судьи.

Ну, взяли бандитов на угнанных машинах.

Ну, обнаружили трупы убитых владельцев.

Что дальше? Ведь Боровков, да и Грациян, кстати, тоже никогда не признавались в совершении убийств. Боровков в зале суда сказал Чудовой: вы меня не расстреляете, потому что я никогда ничего не признавал и на себя не брал, а доказательств нет.

Свидетелей мало, да и те боятся.

Признаваться-то Боровков ничего не признавал, а с Гущиным рялся за каждое слово, фактически повторяя его рассказ. Но, для того чтобы это произошло, судье надо было восстановить события в их логической последовательности. А логика судьи — это плод его вдохновения: все собирается в единое целое только в результате тончайшего, микроскопического исследования всех обстоятельств дела. И эта логика может быть только исчерпывающе адекватной событиям. Только тогда люди, которые хотели бы молчать, начинают говорить.

А вдохновение — это награда за бесконечные усилия. Можно обойтись без него. Тогда судья видит только то, что видит, слышит только то, что слышит. А не то, что должен слышать.

Боровков из очередной тюрьмы вернулся уже дипломированным убийцей. Перед ним никогда не стоял вопрос о роде деятельности. Он убил даже в ожидании очередного приговора в тюрьме. Чувство самосохранения не возобладало над инстинктом убийцы. Эту деталь суд должен был оценить сполна. А Гущин сказал Чудовой: «У меня судьба такая. Чем еще я должен был заниматься? Ведь я родился в тюрьме». Между тем сотрудники Коломенского детского дома рассказывают, что Гущин часто возвращался в детдом с полными сумками. Накупит конфет, печенья, яблок да и приедет туда, где провел детство. Другого-то места не было. Всех одарит, угостит, да и поминай как звали. Появятся деньги — и он появится. Он добрый, но воровать начал раньше, чем ходить в школу. Как же добрый, когда убийца? Да вот что хотите с этим, то и делайте. В зале суда он сидел не поднимая головы. А его родной брат Грациян — напротив. И он еще рта не успел открыть, как стало понятно, как нежно и бережно Грациян себя любит.

Петровский стал жертвой своей бесхарактерности и в суде прожил свою жизнь заново.

Прожил мучительно. Илюшкин — подросток, которого можно было повести за руку направо, а можно — налево.

Сергей Гущин решением Московского областного суда приговорен к 14 годам лишения свободы, Дмитрию Грацияну сидеть 6 лет, Юрию Петровскому — 7, Андрею Илюшкину — 6 лет условно. А Виктор Боровков приговорен к исключительной мере наказания.

Виктор Боровков — судья Чудовой:

А приговор я пока не получил. Не читал еще, в каком виде любимая женщина отправила меня на «шестой коридор» в Бутырку. Вот напишите в приговоре — за любовь! Я не прощаюсь. За грамматику прошу не привлекать к уголовной ответственности.

Рассматривая эту публикацию, можно отметить, что, несмотря на высокую насыщенность ее фактическим материалом, она не превращается, скажем, в статью или корреспонденцию, а остается очерком. Почему? Прежде всего потому, что журналист действует по «алгоритму» творчества, присущему именно очеркисту («писателю в газете», как его называли раньше). В чем это проявляется?

Во-первых, он избирает в качестве предмета отображения типичный для сегодняшней действительности случай. Причем выбран случай (при всей его типичности) — наиболее яркий, показательный, обладающий «набором» граней, характеризующих самое главное в явлении. На это автор указывает специально: «Если бы я писала учебники для будущих судей, я бы непременно целую главу посвятила бы именно этому многотомному делу. Почему? Да потому, что, во-первых, это классическое дело конца 90-х годов, и, во-вторых, потому, что в этом деле было все для того, чтобы вынести приговор, равно как и все для того, чтобы вернуть дело на дополнительное расследование. Все, как всегда, зависит от человека. Одного человека — судьи».

Во-вторых, драматургия этого произведения строится на классическом для художественных творений конфликте добра, справедливости, закона (с одной стороны) и зла, несправедливости, преступности (с другой стороны). Первую сторону этого конфликта представляет судья Чудова, вторую — рецидивист Боровков и его дружки-бандиты. И хотя конфликт этот в какой-то мере остается «за кадром», поскольку автор

акцентирует свое внимание прежде всего на описании преступлений банды, но он в очерке присутствует. И автор дает об этом знать, уже начиная с «врезки», предваряющей текст.

«Сигнализируют» об этом конфликте в первую очередь письма рецидивиста судье Чудовой, в которых он признается ей в, якобы, вспыхнувшей к ней любви. На самом деле эти письма — результат осознания их автором того, что он вступил в схватку с человеком, олицетворяющим иные силы, против которых была направлена вся его предыдущая «деятельность». Именно желание как-то повлиять на исход дела, используя «слабость пола» своего антипода, на самом деле и заставляет Боровкова предпринять попытку «почтового романа».

В-третьих, автор достаточно скрупулезно, подробно «разворачивает» деятельность банды Боровкова. И делается это не случайно. Именно путем детальной проработки наиболее значимых и эмоционально насыщенных эпизодов, подробного описания преступлений и действий каждого из бандитов автор высвечивает характеры преступников, показывает их бесчеловечность и глубину нравственного падения. Подобного рода задачи характерны именно для произведений художественно-публицистического и художественного планов.

ПОРТРЕТНЫЙ ОЧЕРК

Предметом такого очерка выступает личность. Суть публикации данного типа заключается в том, чтобы дать аудитории определенное представление о герое выступления. Решая эту задачу, журналист, как правило, в первую очередь стремится раскрыть самое главное — показать, каким ценностям служит этот герой, в чем видит смысл своего существования^{28[2]}. Ибо это является исключительно важным моментом в жизни каждого человека.

Знание «смыслов жизни», которым служат герои публикаций, необходимо читательской аудитории для того, чтобы сверить свои цели с целями других людей, что в известной мере помогает ей ориентироваться в этом мире и, возможно, корректировать свои действия, образ жизни и пр. Однако простое сообщение автора о том, что какой-то Дмитрий Михайлович исповедует такие-то ценности, идеалы, вряд ли по-настоящему заинтересовало бы аудиторию. Гораздо интереснее и часто важнее, необходимее ей знать — как он отстаивает эти ценности, какие трудности преодолевает, борясь за них? Описание этой борьбы, действий, поступков как раз и называется показом или раскрытием характера героя.

В удачном портретном очерке характер героядается, как правило, в нетривиальной ситуации. Поэтому для автора очень важно обнаружить такой «участок» на жизненном пути героя, который содержит некие неординарные трудности, обладает драматическим характером. Именно здесь можно обнаружить конкретные проявления характера героя, его таланта, упорства, трудолюбия и других значимых, с точки зрения достижения цели, качеств. В том же случае, когда такой «участок» на жизненном пути героя обнаружить не удается, автору труднее рассчитывать на создание интересного материала.

Хотя талантливый очеркист может найти нечто интересное и в такой ситуации. Он может, например, эффектно использовать метод условности или прибегнуть к ассоциациям (т.е. включить подходящий интересный материал из своего прошлого опыта) и т.д. и т.п. К сожалению, довольно часто авторы, пытающиеся написать портретный очерк, не находят ничего лучшего, кроме как представить читателю ряд нанизанных на какую-то связующую мысль описаний заурядных действий героя. А иногда журналист поступает еще проще — кратко пересказывает биографию своего героя. Конечно, все это дает определенное представление о человеке, заинтересовавшем автора, но не всегда подобную публикацию можно назвать портретным очерком.

Настоящий портретный очерк возникает в результате художественного анализа личности героя, опирающегося на исследование разных ее сторон (нравственной, интеллектуальной, творческой и пр.), т.е. в результате выявления характера героя. Пример — портретные очерки М. Горького. Найти полноценный портретный очерк на страницах современной российской прессы довольно не просто.

Большинство портретов известных людей — предпринимателей, экономистов, банкиров, политиков и других деятелей возникают чаще всего в результате относительно краткого изложения их биографий или описаний карьеры и некоторых деловых характеристик.

Из публикации «Космическая женщина»

(Деловые люди. Июнь. 1999)

— Когда мне было чуть больше, чем сейчас моей дочери, меня не приняли в Московский аэроклуб, — говорит Светлана Омельченко, единственная женщина — претендент на полет в космос в качестве журналиста. Несколько месяцев назад решением Главной Медицинской комиссии она приступила к специальным тренировкам в Центре подготовки космонавтов. В космос собираются также пятеро журналистов — мужчин. Светлана вот уже десять лет работает корреспондентом газеты «Воздушный транспорт».

— Я всегда была неравнодушна к авиации, — говорит она. — Еще в школе в традиционных сочинениях типа «Кем быть?» писала: только летчиком. Увы, из-за небольшой близорукости не приняли даже в аэроклуб.

Но была еще одна надежда — журналистика: ее отец работал в редакции, и после его смерти редакция долгое время опекала дочь.

Жизнь ее сложилась непросто. Опека опекой, а дорогу пришлось пробивать самой. Сначала многотиражка аэропорта «Внуково», затем секретарь в только что создавшейся газете «Воздушный транспорт». Пришлось вновь доказывать, что владеет пером. Как же ей удалось стать претенденткой на полет в космос?

— Все вышло как-то само собой. Подала заявление, но особо не надеялась. Телефонограмма о вылете на космодром для прохождения второго тура конкурса меня больше удивила, чем обрадовала. Долго раздумывала — ехать, не ехать. Полетела на космодром, потому что надеялась там получить ответы на давно интересующие меня вопросы, связанные с проблемой безопасности полетов.

Когда позади остался второй тур творческого конкурса, в Светлане вдруг разгорелся спортивный азарт. Тогда и поняла, что будет идти до конца. Рассказывают, что перед медицинским обследованием кое-кто из вышедших в финал журналистов брал отпуск для поправки здоровья, «садился» на специальную диету. В связи с этим любопытно узнать, что Светлана вообще не готовилась к медицинской комиссии.

— Мне было не до медицинских проб. Я писала статьи, носилась по магазинам, поскольку дома у меня оставалась дочь-школьница. Как назло еще сломался холодильник. Так что на центрифуге и в барокамере думала об одном — поел мой ребенок или нет...

Спрашиваю, зачем, на ее взгляд, берут журналиста в космос.

— Понимаете, все это время, около тридцати лет, летали только «технари». А если посмотреть на все это глазами гуманитария? В космосе журналист будет заниматься только своей основной работой — писать. Предполагается выступить также в роли ведущего в семисуточном телемарафоне, в котором примут участие люди разных стран. Будет выпускать «Газету Странствий», снимать фильм о полете.

Между прочим, дочь без особого энтузиазма отнеслась к тому, что мать стала реальным претендентом на полет. Сейчас уступила. Или осознала, что значит для матери слетать в космос, или просто смирилась.

— Если все же выбор падет на вас, с какой прической вы полетите? Возможно, модницы всего мира поспешат себе сделать такую же?

— Придется их разочаровать, подчиняясь требованиям безопасности полетов, волосы придется тщательно «упаковать» в шлем скафандра.

Когда беседа закончилась, я осторожно заметила, что после полета журналист-космонавт, надо полагать, не только станет знаменитым, но и поправит свое материальное положение.

— Нет, — сказала Светлана, — претенденты на полет однозначно решили, что все доходы от полета, и личные в том числе, будут переданы в Детский фонд.

Публикации, подобные изложенной выше, исключительно характерны для современной российской периодической печати. Они лежат на границе художественно-публицистических и

аналитических (или даже информационных) жанров и напоминают собой скорее корреспонденцию, предметом отображения в которой является человек, нежели очерк.

Создать хороший портретный очерк, не обращаясь к духовной, нравственной стороне личности героя, вряд ли возможно. Хотя, надо заметить, что значение портрета для конкретной аудитории может заключаться, скажем, не в высоких нравственных качествах героя, а в его оригинальности, необычности. Именно это может первоначально привлечь читательскую аудиторию, а уж затем, возможно, ее внимание переключится на нравственную сторону изображаемой личности.

Художественный анализ качеств героя может приводить автора-художника к несколько иным выводам, нежели анализ, скажем, с позиции политических, деловых, интеллектуальных его характеристик. Автор-художник и автор-мыслитель как бы вступают в полемику друг с другом. Художественный метод помогает автору сделать свой образ более типичным, очистить его от всего случайного, наносного, поверхностного, дает возможность выявить глубинные, духовные начала личности, что не всегда будет совпадать с задачами политического, делового, профессионального, экономического или какого-то иного анализа.

Различие в выводах, следующих из художественного анализа и из анализа иного вида (например, профессионального), выступает как различие, существующее между целями нравственно-эстетического и иного (того же профессионального) развития людей, общества. Порой это различие может достигать степени конфликта. И в этом случае автор публикации может разрешить этот конфликт «силовыми» способами, подчинив, например, художественный анализ политическим целям. В этом случае он может специально «выпичивать» какие-то характеристики своего героя, с тем, чтобы использовать их для убеждения аудитории, скажем, в нравственности своего политического вывода.

Такого рода «насилие» можно легко наблюдать в периоды выборных кампаний, когда самыми актуальными объектами художественного анализа в журналистских публикациях становятся кандидаты на какой-то высокий пост. Как известно, широкие слои населения часто не знают программ участвующих в выборах политических организаций, их идеологию, однако представление о лидерах этих организаций у них какое-то может быть. Поэтому-то на лидеров и нацелено в первую очередь внимание прессы.

Политический анализ их личностей она и начинает активно проводить. В ходе его СМИ могут искажать настоящую сущность того или иного деятеля в сторону «негатива» или «позитива», используя для этого художественные средства. Так, во время выборов 1996 г. «выпичивались» смелость, честность Лебедя, ум Зюганова, сильный характер Ельцина. Этим же кандидатам «приклеивались» образы: Б. Ельцину — «единственного человека, способного противостоять коммунизму», Зюганову — «человека вчерашнего дня», Лебедю — «человека с лицом из гранита, лающего голосом сержанта», «терминатора-профессионала, для которого Пиночет — идеал» и т.д.

Естественно, что объективная журналистика, насколько это возможно, должна избегать искажения. Ее задача — стремиться к достоверности своих выводов, в том числе достоверности того, что утверждается художественными средствами. Но на практике наблюдать подобное стремление можно отнюдь не всегда.

ПРОБЛЕМНЫЙ ОЧЕРК

Предметом отображения в очерках такого типа выступает некая проблемная ситуация. Именно за ходом ее развития и следует в своей публикации очеркист. По своей логической конструкции проблемный очерк может быть сходен с таким представителем аналитических жанров, как статья. Причиной такого сходства выступает прежде всего доминирование в ходе отображения проблемной ситуации исследовательского начала. Как и в статье, в проблемном очерке автор выясняет причины возникновения той или иной проблемы, пытается определить ее дальнейшее развитие, выявить пути решения^{29[3]}. Это, естественно, предопределяет многие черты выступления, независимо от того, к какому жанру мы бы ни пытались его отнести.

В то же время проблемный очерк всегда можно достаточно легко отличить от проблемной статьи. Наиболее важное отличие состоит в том, что в проблемном очерке развитие проблемной ситуации никогда не представляется, так сказать, «в голом виде», т.е. в виде статистических закономерностей или обобщенных суждений, выводов и т.п., что свойственно статье как жанру.

Проблема в очерке выступает как преграда, которую пытаются преодолеть вполне конкретные люди с их достоинствами и недостатками. На поверхности той или иной деятельности, которую исследует очеркист, проблема очень часто проявляется через конфликт (или конфликты), через столкновения интересов людей. Исследуя эти конфликты, их развитие, он может добраться до сути проблемы.

При этом наблюдение за развитием конфликта в очерке обычно сопровождается всевозможными переживаниями как со стороны героев очерка, так и со стороны самого автора. Пытаясь осмыслить суть происходящего, журналист часто привлекает всевозможные ассоциации, параллели, отступления от темы. В очерке — это обычное дело, в то время как в проблемной статье они неуместны. Написать проблемный очерк, не разбираясь в той сфере деятельности, которая в нем затрагивается, невозможно. Лишь глубокое проникновение в суть дела способно привести автора к точному пониманию той проблемы, которая лежит в основе исследуемой ситуации, и соответствующим образом описать ее в своем очерке^{30[4]}.

ПУТЕВОЙ ОЧЕРК

Путевой очерк, как и некоторые другие журналистские жанры (например, заметка, отчет, корреспонденция, обозрение), относится к наиболее ранним формам текстов, ознаменовавших становление журналистики. Очевидно, это объясняется тем, что подобная путевому очерку форма отображения действительности была чуть ли не первой в художественной литературе^{31[5]}. А поэтому являлась хорошо освоенной, что и помогло ей быстро закрепиться на страницах периодической печати, как только та возникла.

Авторами, прославившими путевой очерк как жанр российской литературы и журналистики в XIX в., стали А. С. Пушкин («Путешествие в Арзрум»), Н. И. Новиков («Отрывок путешествия в И***Т***»), А. Н. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), А. А. Бестужев («Поездка в Ревель»), А. П. Чехов («Остров Сахалин»), И. А. Gonчаров («Фрегат «Паллада»). Много прекрасных путевых очерков было создано публицистами советского времени, например И. А. Ильфом и Е. П. Петровым, И. Г. Эренбургом, М. А. Шагинян, М. Е. Кольцовыми, Ю. Смуулом, В. В. Маевским, В. М. Песковым и другими журналистами^{32[6]}.

Из всех очерковых форм путевой очерк в наибольшей мере претендует на авантюренность сюжета (первоначальный смысл слово «авантюра» — «приключение»). Подобная авантюренность задается самим характером подготовки данного типа публикации. Поскольку путевой очерк представляет собой описание неких событий, происшествий, встреч с разными людьми, с которыми автор сталкивается в ходе своего творческого путешествия (поездки, командировки и пр.), то и сюжет очерка отражает собой последовательность этих событий, происшествий, встреч, являющихся содержанием путешествия (приключений) журналиста. Разумеется, хороший путевой очерк не может быть простым перечислением или изложением всего, что автор увидел в течение своей поездки. Да и опубликовать все увиденное журналистом вряд ли сможет себе позволить то издание, для которого готовится очерк. Так или иначе, но очеркисту приходится отбирать самое интересное, самое важное. Что посчитать таким самым интересным и важным — зависит от того замысла, который складывается у него в ходе путешествия. Разумеется, замысел может возникнуть и задолго до творческой поездки. Исходным материалом для него могут стать как прошлые личные наблюдения журналиста, так и полученная вновь информация из тех же газет, журналов, радио и телевидения. Но не исключено, что журналист получит определенное задание от своего редактора или замысел возникнет под воздействием каких-то иных факторов (скажем, в результате участия журналиста в какой-то политической акции). Как и в ходе подготовки любого серьезного и объемного материала (а путевые очерки именно такими и бывают), в ходе подготовки очерка, уже на стадии сбора сведений, этот замысел может быть скорректирован или даже кардинально изменен — все зависит от характера той информации, которая попадет в распоряжение журналиста.

Именно на этот полностью сформировавшийся замысел или, как его еще по-иному называют, основную идею будущего произведения и должны работать все собранные автором в ходе творческой командировки факты и впечатления. Если же они выходят за рамки такого замысла, то их приходится оставить в журналистском блокноте.

Путевые очерки могут преследовать самые разные цели. Так, главным для журналиста может стать показ того, как в разных городах, районах, через которые он проезжает, решается какая-то одна проблема (например, как государство заботится об инвалидах). Он может поставить перед собой и цель иного плана, например исследовать, как население разных городов проводит свободное от работы время, какое хобби предпочитает. Может рассказать о том, как сохраняются памятники культуры на том маршруте, которым он следует. Или он может встретиться с проживающими в населенных пунктах, через которые проезжает, участниками Великой Отечественной войны, имеющими звание Героя Советского Союза или являющимися полными кавалерами ордена Славы. Таких целей существует бесконечное множество. В результате их реализации могут появиться самые разные по содержанию путевые очерки. В любом случае журналист должен уметь использовать те преимущества, которые предоставляет ему путевой очерк. И прежде всего — сам факт своего перемещения «во времени и пространстве», с тем чтобы придать очерку динамичную форму, чтобы позволить читателю почувствовать все напряжение и «прелести» путешествия и сделать его тем самым «соучастником» своей командировки, своего поиска.

[в начало](#)

ФЕЛЬЕТОН

Название этого жанра происходит от французского слова «feuille», которое переводится как «лист; листок». Листком в свою очередь, называли приложение к газете, которое обычно размещалось в нижней части полосы и отделялось от остальной части газеты жирной линией. В отечественной журналистике эта часть газетной полосы называлась подвалом. Здесь располагались не только материалы, которые напоминают по своему типу современные фельетоны, но и произведения, которые сейчас называются отчеты, рецензии, обзоры литературы и т.п. Появление таких подвалов в газетах исследователи относят к XVIII в. Со временем понятие «фельетон» стало применяться только по отношению к одному виду текстов, о котором идет здесь речь. Отечественную журналистику прославили такие выдающиеся фельетонисты, как М. Е. Салтыков-Щедрин, В. М. Дорошевич, А. В. Амфитеатров, М. Е. Кольцов, И. А. Ильф и Е. П. Петров, С. Д. Наринъяни, Э. Я. Пархомовский и многие другие. В советской журналистике фельетон занимал исключительно важное место. Но с началом реформ в нашей стране этот жанр почти исчез со страниц газет и журналов. И это произошло не случайно. В большой мере данное «падение» жанра объясняется его особенностями. В чем они состоят?

Прежде всего в том, что фельетон — это средство осмеяния какого-то зла. Именно в этом качестве оно использовалось соответствующими учредителями СМИ (в лице Агитпропа) на протяжении многих десятков лет. Когда у СМИ появились новые учредители в лице «денежных мешков», всевозможных «администраций», «олигархов», «финансово-промышленных групп» и т.п., то было бы странно ожидать от них осмеяния тех дел, которые творились в основном по их воле (или неразумению) и большей части населения России представлялись как зло. Кроме того, на фоне всевозможных «расследований», «сливов», бесконечного потока компромата, с помощью которых разные политические силы в течение десятилетия дрались за власть, фельетон просто не мог выглядеть «ударным» жанром. Наступление определенной стабилизации в стране, наметившаяся тенденция возрождения моральных ориентиров в жизни общества, несомненно, будут способствовать укреплению позиций фельетона.

Не в малой степени утрата современным фельетоном некогда ведущих позиций на страницах прессы объясняется и недостаточно высоким уровнем квалификации современных фельетонистов. Даже у тех из них, кто достойно представляет нынешний фельетон, нередко можно обнаружить досадные промахи.

Из публикации «Бумаготворительный падеж»

(*Новая газета. 1-7 ноября. 1999*)

Белинского — вареного и вяленого — Гоголя только и можно будет найти вскоре на московских базарах.

Две пенсионерки считали свои трофеи после посещения близлежащего рынка.

— Вот, гляди, — говорила одна из них своей подруге. — Повезло мне как! Укупила кило Чернышевского по дешевке — корешок слегка подгнил. Иванова книженцию

«Вечный зов» удалось у одной деревенской бабки выторговать за рупь двадцать.

— Ты, Макаровна, смотри, Чернышевского надо с луком жарить и непременно на сале. Да и отбить колотушкой не помешает — жестковат! — поучала ее соседка. — А вот «Вечным зовом» ты всенепременно отравишься. Ты бы лучше принесла с базара Белинского и Гоголя, как советовал русский поэт Н. А. Некрасов. Я его тут жевала надясь и такие строчки прочла:

— «Эх, эх, настанет времечко, когда мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет!»

...Спешу порадовать тебя, дорогой читатель, что уже вышла в свет самоедская книга о вкусной и здоровой пище. С замечательными многоцветными иллюстрациями, которые можно есть в сыром виде.

И все же, кроме целлюлозы с типографской краской, человеческий организм требует белков, жиров и углеводов. Об аминокислотах я уже и не говорю — не до того сейчас.

Переход населения Москвы исключительно на питание книгами (по-научному — библиофобия) происходил постепенно в процессе депортации из Белокаменной лиц кавказской национальности с присущими им фруктами, овощами, мясопродуктами.

Но данный процесс протекал прискорбно вяло, а хурма, гранаты и курага фактически оскорбляли своим присутствием на рыночных прилавках все московское начальство оптом и в розницу.

Кроме того, часто возникали скандалы по поводу выдворения из Москвы по ошибке османских турок, израильских евреев и североамериканских индейцев. После того как представитель племени апачей въехал на коне в мэрию и объявил Тверскую улицу трофеем войны, столичное правительство пришло к выводу, что одно дело — нарушать Конституцию и совсем другое — выходить на трон войны с воинственными апачами и прочими индейцами. Окончательно стало ясно, что выселение граждан из Москвы, исходя из формы носа и цвета лица, начинает себя изживать. Помимо того, военные эксперты мэрии заявили, что солнцевская и люберецкая группировки не станут воевать с индейцами, насмотревшись по телевизору фильмов с Чаком Норрисом.

И тогда на свет божий появилось новое трогательное сочинение московских властей. Они издали историческое распоряжение «О создании общественного совета по русскому языку при мэре Москвы». В разделе «Задачи и цели совета» в числе главных задач данного синклита объявлено создание в столице «благоприятных условий для функционирования русского языка». Конечно, этот самый язык без видимых потерь пережил монгольскую оккупацию, варяжские вторжения, стерпел он и возведение на княжеский трон не русскоязычного Рюрика вместе с Трувором, который вообще на нашей мове ни му-му, а также Синеусом, каковой по-древнескандинавски знал всего несколько матерных слов.

Потом вместе со своей византийской царевной появилась чертова уймища греков, от которых остался один только двуглавый орел на нашем гербе. Почти во всех российских императорах текла немецкая кровь, а вплоть до конца прошлого века весь высший свет говорил исключительно по-французски. Толстой Лев, так тот вообще зарвался: начал свой роман «Война и мир» с целой страницы иностранного текста.

Надо прямо сказать, что в условиях царизма никто специально не заботился о создании благоприятных условий для функционирования. Если кто не знает, то Пушкин, Лермонтов, Тютчев и Фет писали на русском языке. Достоевский и Жуковский — тоже.

Сам я сегодня утром из монгольского языка припомнил только «Улан-Батор», из греческого «олимпиада», а из немецкого «vas стоит das?». То есть не так уж извратили русскую речь иноземные наречия.

Но все это, конечно, ерунда. Главное, теперь на законном основании любой представитель закона с резиновой палкой может схватить лицо любой национальности и обвинить его во вредительском искажении падежей и террористическом произношении глаголов. После этого начинается изучение дательного падежа в русских купюрах или винительный падеж с кутузкой и высыпкой.

Или вот еще интересная задумка: схватишь это самое лицо в спящем виде, будишь демократизатором по башке и вежливо просишь сто раз быстро и без ошибок произнести: «Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали!»

Тут уж на рынке никого не останется. Гарантия железная, Белинский и Гоголь обеспечены.

А еще новая затея рекомендует содействовать созданию «кодекса речевого поведения» для сотрудников газет и подготовку государственных стандартов по русскому языку. Вообще-то любой грамотный человек знает кодексы и стандарты по русскому языку. Это словари и элементарные учебники. Так что, кроме тотального опустошения рынков, эта идея ничего не дает. Это с одной стороны. А с другой — не пойти ли вам куда подальше за пределы великого и могучего русского языка? Ибо людей, которые пишут: «Создание условий для функционирования русского языка», — надо высыпать из Первопрестольной не задумываясь. Ведь эта ошибка описана даже в учебниках по стилистике для первого курса. Называется она — нанизывание падежей. В нашем случае — глупостей.

В чем упущения данного фельетона? Прежде всего — в его недостаточной логико-содержательной стройности. Как мы уже заметили выше, автор заявил свою основную мысль во врезке к данной публикации. И суть ее заключается в утверждении, что на московских «базарах» (то бишь — рынках) скоро нечего будет купить. Что же в тексте служит доказательством в пользу этой мысли? Первое — это сообщение о том, что из Москвы, по мнению автора, выселяют так называемых «лиц кавказской национальности».

И действительно, как известно, после взрывов террористами домов в Москве осенью 1999 г. правительство города приняло ряд мер, ужесточающих порядок пребывания иногородних граждан в городе. В том числе, ряд их был выдворен за пределы столицы. Это так. И возможно, об этом можно и нужно было писать в фельетоне, по крайней мере этот факт «работает» на главную мысль фельетониста, подтверждает ее. Но этот факт представлен в тексте в виде общих рассуждений о том, что кого-то из города выселяют и это ведет к ухудшению положения на рынках. Конкретных примеров, к сожалению, нет.

Очевидно, это понимает и автор. Поэтому он привлекает другой, более конкретный факт — создание совета по русскому языку при мэре Москвы. И здесь возникает вопрос: а о чем этот факт свидетельствует? Судя по тексту, автор полагает, что этот совет будет бороться с ...иногородними? Или еще с кем-то? Это абсолютно неясно! Ведь программа работы этого Совета в тексте в нужной мере не раскрывается. Поэтому искусственность «привязки» создания совета по русскому языку к возможному (!) ухудшению ситуации на рынках города становится вполне очевидной. По крайней мере, если она (такая связь) реально существует, то в фельетоне отнюдь никак не проявлена.

Будущие недостатки фельетона обычно «закладываются» еще до его написания — на подготовительном этапе. В чем особенности подготовки к созданию фельетона? Главная из них — поиск так называемого «фельетонного факта». Поиск этот идет не всегда осознанно. И происходит так нередко потому, что автор не всегда до конца осознает специфику фельетона как сатирического жанра и отождествляет его задачи с задачами, скажем, критической статьи, реплики и пр. Если это происходит, то ему нетрудно принять любой «острый» факт (который вполне можно было бы, к примеру, использовать в той же реплике) за факт, достойный описания в фельетоне. Но для фельетона подходит только особый факт, а именно — содержащий в гипертроированном виде черты, типичные для явлений того класса, к которому он относится. Причем это должны быть черты, достойные осмеяния (нельзя, например, высмеивать трагические события). Разумеется, фельетон может строиться не на одном факте, а на их совокупности, что чаще всего и происходит. В этом случае типичное выступает как определенная закономерность, связывающая ряд отдельных фактов. А факты в свою очередь выступают как опорные точки сатирической типизации, т.е. создания сатирического образа определенного жизненного явления, которое таким путем сводится до уровня ущербного.

Другие изъяны фельетона могут возникать в результате недостаточной продуманности логических связей, обнаруженных фельетонистом явлений, неумения установить причинно-следственные отношения между разными фактами, оценить их и предвидеть дальнейшее их развитие. Жанр этот является очень трудоемким, работа в нем требует от журналиста особого таланта и постоянного совершенствования своего мастерства^{33[7]}. Фельетон, как и другие художественно-публицистические жанры, очень «чуток» к языковым ошибкам и неточностям. Если же он написан ясным, образным языком, то это во многом повышает его возможность быть замеченым читателем.

[в начало](#)

ПАМФЛЕТ

В переводе с греческого («рамм fhlego») слово «памфлет» означает «все воспламеняю» или «все испепеляю»^{34[8]}. Это понятие имеет под собой мифологическую основу и связано с представлением о гневе олимпийских богов, прежде всего — их главы Зевса-громовержца, поражавшего своими молниями врагов. В журналистике под памфлетом понимают сатирическое произведение, нацеленное на осмеяние определенных человеческих пороков и унижение того героя (героев), который представляется автору носителем опасного общественного зла.

Происхождение памфleta как жанра некоторые исследователи связывают с творчеством древнегреческого баснописца Эзопа. Среди основоположников европейского памфleta более позднего времени называют имена выдающегося французского ученого, философа Блеза Паскаля («Письма к провинциальному»), английского писателя Бернарда Мандевиля («Возроптивший улей, или Мошенники, ставшие честными»). В ряду имен отечественных памфлетистов первым стоит имя Д. И. Писарева. Его известный памфlet «Пчелы» считается образцом политической сатиры на современное общественное устройство. Великолепными памфлетистами, работавшими на протяжении десятков лет в советской печати, были А. М. Горький («Город желтого дьявола»), Л. М. Леонов («Тень Барбароссы»), Я. А. Галан («На службе у сатаны»), М. А. Стуруа («Болезнь легионеров») и ряд других мастеров сатирического слова. Памфlet на страницах сегодняшней российской прессы, так же как и фельетон, — явление достаточно редкое. Практически не встречается памфlet на международные темы, что, очевидно, объясняется прекращением «холодной войны», существовавшей ранее между СССР и «лагерем капитализма». Памфлеты на внутренние темы (наподобие тех, с которыми иногда выступает известная своей непримиримой враждой к коммунистам В. Новодворская) носят в основном политический характер. И все же жанр этот существует и, несомненно, будет востребован журналистикой, как он был востребован ею на протяжении многих веков.

В какой-то мере памфlet напоминает фельетон. Но между ними есть существенное различие.

Из публикации «Ельцин погрузился как гнилой топляк»

(Завтра. №1.2000)

Ельцин ушел жалко и отвратительно. Сбежал из власти. Ненавидимый, сгнивший, был отторгнут страной, которая всеми своими сословиями молила о его скорейшей смерти, всеми слезами и проклятиями приближала его крах. Страшась расплаты, он просил не прощения, а умолял о пощаде. Как наваждение ада, он захватил великое государство. Самодур, невежда, бражник, бессмысленный и злой истукан оживлялся на мгновение лишь тогда, когда уничтожался очередной ломоть жизни — погибал Советский Союз, или истреблялся Черноморский флот, или горел под пушками Парламент, или погибал под бомбами Грозный. Он — уродство истории, ее вывих и опухоль. Он — извращение человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ, который в каждый год ельцинского ига уменьшался на миллион человек. Пишется Черная книга его преступлений, куда занесут каждую пядь земли, отторгнутую им от России, каждый военный секрет, переданный ЦРУ, каждый алмаз или рубль, отданные бандиту, вору. Самый худший из всех, кого породила гнилая верхушка партии, он окру-

жил себя негодяями, плутами, приурками, которые чавкали у золотой кормушки, безобразничали у святынь, дергали его за фалды, парили в бане, учили играть на деревянных ложках, наливали в стакан.

А в это время по всей России катился стон, взрывались дома, падали самолеты, ловкие израильтяне скупали за гроши русский алюминий и голая блудница показывала свой срам у алтарей и усыпальниц героев.

Когда он зачитывал свой жалкий текст своего отречения, он выглядел как огрызок заплесневелого сыра, проклеванный насекомыми, болезнями, и в дырки проглядывали лица его напуганной нечестной родни. Страна оттолкнула его, как пушкинский рыбак отталкивает веслом утопленника, и он, разбухший, без глаз, с языком, в который впились раки, пиявки и улитки, поплыл в безвременье, напоминая кусок гнилой мешковины.

И вот мы видим Путина. Что мы знаем о восходящей звезде? Знаем, что это звезда не заморская, не вифлиемская. Она напоминает большую, разгорающуюся рекламу, созданную из стеклянных трубок, наполненных светящимся газом. Эту искусственную звезду создали Волошин, Дьяченко, Борис Березовский, Анатолий Чубайс, все, кто хотел бы сохранить после Ельцина замки, заводы, прииски, банковские миллиарды, получить неприкосновенность, спрятать концы в воду, по-прежнему вывозить за рубеж капиталы, по-прежнему кормить людей жмыхом. Свет этой галлюциногенной звезды наполнен мерцанием взрывов на Каширке и в Волгодонске, пожарами Дагестана, белой плазмой реактивных установок, ведущих огонь по Басаеву и Хоттабу. Это Звезда Зверя, которому имя «Медведь». Этой звезде уже поклонились управители земель и губерний, борцы, певцы, ловцы, продавцы. Еще трудно сказать, сколько у звезды концов, но рисовал ее Березовский. Упадет ли она на русскую землю, как звезда-полынь, испепелив половину народа, превратив другую в работников МЧС, — покажет время.

Станем внимательно, уповая на добро, наблюдать за Путиным. Если он не оборотень, превратившийся в человека из подземного нетопыря, если он русский, то не сможет обратить во зло ту надежду и наивное доверие, которым наградил его измученный Ельциным, жаждущий перемен народ.

Однако будем помнить, что наивность, святая простота и доверчивость русских вскормили Горбачева и Ельцина. Эту наивность бессовестно используют телевизионные маги и чернокнижники, уводя Россию из истории, направляя ее в темные лабиринты и тупики, из которых выход покажет Светлый, Богоозаренный Герой.

Основное отличие этого текста от ранее рассмотренного фельетона О. Жадана «Бумаготворительный падеж» бросается в глаза. И заключается оно в следующем. Автор фельетона высмеивает лишь отдельные недостатки (как это ему кажется) в деятельности правительства Москвы. При этом он не пытается морально уничтожить тех, кто совершает промахи в своей деятельности, и даже обходится без опубликования имен героев своего фельетона. Главное для него — с помощью сатиры сделать названные в фельетоне действия правительства города достоянием общественного внимания с целью их (этих недостатков) последующего устранения.

Что же касается памфлета Александра Проханова «Ельцин погрузился как гнилой топляк», то это — своего рода оружие, это та «молния», которой он, подобно Зевсу, пытается испепелить своего политического врага Б. Ельцина. Ведь, как известно, газета «Завтра», в которой работает писатель, называет себя газетой духовной оппозиции Государства Российского. Она последовательно клеймила позором «продажный оккупационный режим Б. Ельцина» до последнего дня его пребывания у власти и не преминула отметить этот уход очередной уничижительной публикацией, каковой и стал памфлет А. Проханова.

Качества, позволяющие памфлету быть острым сатирическим оружием в руках журналиста, выковываются им с помощью разных методов художественно-публицистического осмысливания тех фактов, которые становятся его достоянием. К таким методам исследователи данного жанра^{35[9]}

относят прежде всего гротеск, гиперболу, иронию, сарказм. Владение этими методами на уровне, достаточном для написания хорошего памфлета, требует не только довольно основательной практической работы в журналистике, но и литературного таланта, а также хорошего знания той сферы деятельности, которая отображается в памфлете.

[в начало](#)

ПАРОДИЯ

Сущность пародии как художественно-публицистического жанра трудно было бы понять, не обратившись к ее истокам. Пародия, вероятно, является самым древним жанром искусства. На Руси пародия составляла важнейшую часть скоморошьего творчества. Без пародии трудно представить себе театр на всех стадиях его развития. Не обходится без использования пародии и политический, философский (или иной) спор (так, еще Аристофан боролся с Европидом, пародируя его произведения). Пародия — любимый «конек» многих современных писателей. Однако если внимательно присмотреться, то можно заметить, что без пародии не может обойтись не только «высокое искусство», но и обычная, повседневная жизнь. У пародии много имен. Например, только в России пародию называли и «рожекорчением», и «кривлянием», и «лицемерием». Со временем эти понятия получили иное содержание, но в них подмечена одна важная черта, объясняющая суть жанра.

Черта эта имеет психологическую природу и выступает как проявление такого важного естественного механизма становления (обучения) животного, человека, как подражание (имитация). По мере выделения из животного мира человек стал осознанно использовать подражание, и уже не только для обучения. Так, специально имитируя поведение других людей (т.е. передразнивая их, «кривляясь», «лицемеря», «корча рожки»), можно их высмеять. Журналистика, разумеется, не могла не использовать возможности пародии в своих целях.

Предметом пародии в журналистике выступают самые разные явления. Это могут быть действия общественных, государственных деятелей, политиков, какие-то народные традиции, творческая манера каких-либо артистов, писателей, произведения литературы, способ мышления, особенности языка, внешности известных личностей и т.д. Основные методы, которые помогают автору выступления в прессе создать пародию, — это гипербола, гротеск, литота, ирония. Гипербола используется обычно для преувеличения каких-то незначительных, но характерных для пародируемой личности черт. Гротеск пригоден в тех случаях, когда необходимо высветить некие отрицательные черты пародируемого явления. Литота применяется для преуменьшения значимости последствий, скажем, каких-то высмеиваемых мнимых великих деяний. Ирония позволяет намекнуть на реальные желания, возможности и действия пародируемого лица. Пародирование обычно требует очень большой точности в повторении нюансов пародируемого явления, поскольку такая точность придает определенное необходимое сходство результату пародии с тем, что пародируется.

Из публикации «Йорик-Ра» (По мотивам произведений В. Пелевина)

(Литературная газета. № 44. 1999)

«Бедный Йорик!»

«Гамлет», Шекспир (?)

Гертруда: Поздравляю тебя, сын мой Гамлет, с окончанием Геттингенского университета, теперь ты человек образованный!

Гамлет: Нет, маман, я чувствую, геттингенского образования для меня недостаточно. Мой девиз: «Учиться, учиться и учиться». Я желаю поступить в летнюю школу имени Йорика — Пелевина — Ра.

«Ну что же, я не возражаю, — сказала королева, — лишнее образование никому еще не помешало».

Не откладывая дело в долгий ящик, принц собрал самое необходимое в рюкзак: бритву «Жилетт», плейер с наушниками, «Дирол» для свежего дыхания — и отбыл в школу. Подъехав туда на такси, он первым делом обратил внимание на надпись над фронтоном: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Надпись звучала обнадеживающе. Он открыл дверь. Широкая лестница вела вверх. По ее бокам стояли на подставках черепа, под каждым из которых прикреплена была серебряная табличка с фамилией, именем, названием факультета, датой рождения и гибели ученика школы.

Принц с одобрением отнесся к тому, как здесь хранят память своих питомцев.

«На какой факультет поступить? — думал принц. — Быть или не быть?»

Пожалуй, в этой школе лучше «не быть».

Но зато, в случае чего, его череп будет выставлен в вестибюле со всеми регалиями.

«А может, все-таки быть?»

«Умереть, уснуть...» — подумал он и вошел в деканат.

Там его приветливо приняли и вручили анкету.

«Фамилия, имя, отчество, год и место рождения» — это все просто.

«Был ли на оккупированной территории?»

«Был. Под шведами».

«Мать — королева».

«Отец — тень».

«Пятый пункт — датчанин».

«Родственников за границей нет».

«Друзья есть: Розенкрэнц и Гильденстери».

«Не женат».

«Образование высшее, гуманитарное...»

— Подходит, — сказал декан и велел выдать принцу летнее обмундирование.

— Только у нас ни пить, ни курить, — добавляет декан. — И насчет женского пола никаких...

— Уж чего-чего, а это мы понимаем, — сказал Гамлет.

Началась учеба, тренировка. В перерывах Гамлет играл на флейте модные мелодии.

Товарищи по школе относились к нему хорошо, поскольку он держался скромно, как если бы и не был принцем по крови.

Учился Гамлет с охотой, был дисциплинирован и усерден, морально устойчив.

И вот наконец наступило время полета в космос.

Обрядившись в скафандр, принц вошел в ракету и после сигнала оторвался от Земли.

Все шло прекрасно. Самочувствие, несмотря на невесомость, было нормальное. Вокруг был космос.

Быть! — сказал Гамлет.

И вдруг что-то случилось не то с приборами, не то горючее кончилось.

Раздался чудовищный грохот, и ракета вместе с содержимым, т.е. с Гамлетом, взорвалась и сгорела.

Останки корабля и принц упали в море, и ни единой кости найти не удалось.

А потому, конечно, ни на какой памятный череп на лестнице школы рассчитывать не

приходилось...

Бедный Йорик, бедный Гамлет, бедная безутешная Гертруда, бедный В. Пелевин, бедный автор этих строк.

Предметом этой пародии стали авангардистские произведения В. Пелевина, прежде всего повесть «ОМОН-Ра», а также «Поколение-П» и др. Цель сатирической публикации — показать увлеченностъ этого и других писателей идеей «упрощенного молодого поколения», выпестованного, по их мнению, перестройкой в нашей стране, высшими ценностями которого стали жвачка «Дирол», бритва «Жилетт», плейер с наушниками, для кого не существуют шекспировские страсти, а гамлетовский вопрос «быть или не быть?» — отнюдь не вопрос о жизни и смерти, о смысле существования. В пародии как раз и высмеиваются поверхностные представления об упрощенности молодого поколения, порабощенность творчества некоторых литераторов-авангардистов идеей примитивности, абсурдности современной духовной жизни (как советского, так и нынешнего периода).

Пародист реализует в своем произведении видение того, как бы предстал шекспировский Гамлет с его проблемами в изложении современного авангардиста. Используя художественные выразительные средства, автор пародии иронизирует над упрощенным подходом, в частности, писателя В. Пелевина к бытию вообще и к проблеме молодого поколения в частности, которая действительно в известной мере существует. Лозунг «примитивному человечеству — примитивную литературу» для пародиста неприемлем. Ироничное, нарочито жалостливое заключение, следующее в конце публикации: «Бедный Йорик, бедный Гамлет, бедная безутешная Гертруда, бедный В. Пелевин, бедный автор этих строк», — как бы призвано подчеркнуть то, что писатель преувеличивает точность своего видения жизни, ценностей нового поколения россиян и значимость своих творческих установок.

Почему автор публикации выбирает для оценки книги писателя именно пародию, а не рецензию, литературно-критическую статью? Прежде всего потому, что и рецензия и статья предполагают серьезность разговора о предмете. Такой разговор журналистка, очевидно, считает неуместным. Возможно, она не готова говорить серьезно. Но скорее всего просто не считает обсуждаемое произведение достойным серьезного специального анализа. Для нее важнее показалось иронизировать над книгой, по-дружески посмеяться над устремлениями писателя, указать на разрушительность для литературы примитивных представлений о ее задачах и возможностях.

Пародия как жанр в какой-то мере напоминает сатирический комментарий. Однако это никак не лишает ее самостоятельности. Дело в том, что цели и возможности публикаций в этих жанрах разные. Цель сатирического комментария — критика определенных недостатков того или иного явления. Пародия такую цель перед собой не ставит. Ее задача создать некую модель явления, ставшего предметом внимания пародиста, имитировать его (явление) в своем произведении под определенным углом зрения. Именно эта имитация может вызвать (или не вызвать) смех у читателя. И смех такой отождествлять с критикой вряд ли было бы правильно^{36[10]}. Кроме того, сатирический комментарий просто указывает на недостатки какого-либо явления, но вовсе не имитирует их. Различие между двумя жанрами заключается еще и в том, что комментировать на страницах прессы можно любое явление (спортивные соревнования, медицинскую операцию, уборку урожая и т.д.), а пародировать — только информационное явление (книгу, фильм, спектакль и т.п.).

Будущему пародисту, несомненно, поможет освоение богатого наследия, которое накопила для него за сотни лет история. Это и опыт зарубежных классиков (творчество Ф. Рабле, С. Сервантеса, Э. Роттердамского), и опыт выдающихся россиян — артистов (А. И. Райкина, М. И. Жарова, М. Н. Задорнова, Е. В. Петросяна и др.), писателей (Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, М. М. Зощенко и др.), журналистов (Н. А. Добролюбова, П. Корягина (С. А. Ру-денко), А. Г. Архангельского), это и опыт лучших современных авторов, выступающих в разных периодических изданиях и прежде всего под рубриками «Рога и копыта», «Пародии» — на страницах «Литературной газеты».

[в начало](#)

САТИРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Данный тип текста представляет собой феномен, родственный аналитическому комментарию. Очень часто сатирический комментарий по своим размерам и полемической остроте напоминает описанный в главе 3, посвященной аналитическим жанрам, вид комментария, который называется репликой. Однако от аналитического комментария сатирический отличается тем, что доминирующим признаком данного вида текста, позволяющим относить его к семье художественно-публицистических произведений, является ярко выраженная целевая установка автора — высмеять тот феномен, который привлек его внимание.

Реализуя эту цель, журналист обращается прежде всего к методам художественного осмыслиения действительности. Чаще всего он использует для этого сатирическую типизацию (она является видом художественно-образной типизации), иронию, литоту, гиперболизацию. Чаще всего сатирический комментарий в настоящее время публикуется по следам актуальных и наиболее нелепых или вредных действий различных политических деятелей, властей, учреждений и пр., действий, способных вызвать определенный общественный резонанс.

Из публикации «Как зеленый крокодил на площадь Красную ходил»

(Независимая газета. 25 августа. 1999)

Мчу тут с работы на работу, а навстречу крокодил Гена хвост волочит. «Эх, дороги...» — распевает во всю глотку. И меха гармошки на разрыв растянуты. «Сменил репертуар, что ли, Геныч, — спрашиваю». — «Да нет, — говорит, — просто мы с Чебурашкой в гости на Красную площадь ходили». — «Ну ты, Геныч, после первого тура сдурул вконец — слава тезки тебя точно испортила!

Всем известно, что земля начинается с Кремля! Кто ж тебя длинного, зеленого, да еще с гармошкой и Чебурашкой в центр, можно сказать, Вселенной звать будет?» Гена запальчиво так: «Обижашь, Титус, недооцениваешь... Кепочка-то знаменитая. Небось, из куска кожи с живота моего троюродного брата сделана — так что мы с мэром, считай, родственники. Вот и позвал меня Юрий Михайлович нулевой километр устанавливать, так сказать, пуп России. У Исторического музея, у Иверских ворот...» И поведал Гена печальную историю. Про то, как в стародавние времена цари никак не могли решить, где нулевую веху ставить, от которой счет всем плохим дорогам на Руси должен пойти. Году так в 85-м, когда уже

перестройка на носу была, специальный знак в Мытищах отлили. А потом про знак лет на 11 забыли. Наконец спохватились, начали опять точку искать. Гена лично 11 пупков обполз — на предмет соответствия. Нашли, «и исторически, и теологически, и астрологически», как объявила Федеральная автомобильно-дорожная служба, оптимальный вариант. Время назначили, автопробег Москва — Владивосток организовали... «И, и, и, — начал всхлипывать Гена, — он, он, он...» На глазах у славного Геныча показались крупные крокодиловы слезы. «Праздник отменили, знак не выносили. Все по нулям! — заверещал Чебурашка. — Потому что связь его в Турцию вдруг уехал. Винни Пух говорит — на зачистку Стамбула...» — «Хуже все, хуже, — сквозь рыдания прокричал крокодил Гена. — Там кожа дешевая! Он себе новую кепку купит. Из овцы какой-нибудь, глупой скотины!...»

Эх, дороги! О, rus!

Как становится ясно из этой публикации, предметом данного выступления стало намерение московского правительства установить в Москве отметку «центра России». Показывая несуразность (с точки зрения автора выступления) данного решения, журналист подвергает его ироничной оценке. Это достигается с помощью введения в «повествование» о намечавшемся мероприятии известного героя детского мультфильма крокодила Гены, которого якобы пригласили на праздник установки «пупа земли». Герой мультфильма понадобился автору комментария для того, чтобы «снизить» уровень правительственного мероприятия до уровня детской игры. Если действительно на серьезные правительственные мероприятия обычно приглашают известных людей, то на данное (несерьезное) мероприятие приглашен известный герой мультипликационного фильма. Выходит, правительство города занимается детскими играми. Такова внутренняя логика данного текста, она и становится опорой ироничного, насмешливого отношения журналиста к «действию» городской администрации.

Предметом внимания автора сатирического комментария могут стать явления любого рода — не только предметные действия, поступки, но и «информационные явления», например высказывания каких-то людей. Так, достижением прессы последних лет стал сатирический комментарий, предметом которого выступают именно суждения, высказывания людей. Такого рода комментарии можно сейчас встретить на страницах многих периодических изданий (как «центральных» — московских, так и региональных, местных).

С определенной долей уверенности можно сказать, что основоположником такой разновидности сатирического комментария стал еженедельник «Аргументы и факты», который первым избрал в качестве предмета своего особого внимания высказывания видных политиков, депутатов Государственной Думы, президента страны, известных государственных чиновников времен начала и последующего периода перестройки в России. В этой газете появилась постоянная рубрика «Жизнеспособность политических субъектов» (иногда она присутствует на странице газеты в виде аббревиатуры — «ЖПС»), под которой и появляются в основном комментарии названной разновидности. Комментарии эти строятся практически всегда по одной и той же схеме — сначала излагается заинтересовавшее журналиста высказывание какого-то «героя», а затем следует высказывание самого журналиста (собственно комментарий).

Из публикации «Медвежья болезнь Явлинского»

(АиФ. №4.2000)

Г. Явлинский: «У Думы медвежье лицо».

А у вас, судя по вашему поспешному бегству из той самой Думы, — медвежья болезнь.

С. Говорухин: «Нас на заседании Думы чуть не изнасиловали. Мы еле убежали».

Вы убежали, Явлинский убежал, Кириенко убежал, Примаков убежал... А работать кто будет? Путин?

В. Похмелкин: «Нет и не может быть в парламенте вечных противников и вечных союзников. Есть вечные интересы».

Похоже, появился еще и вечный спикер.

В. Жириновский: «Нас обвиняют в том, что мы плохо относимся к населению в районе Чечни».

Неужели в других районах России вас обвиняют в том, что вы относитесь к населению хорошо?

Б. Березовский: «Ленин написал статью «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Сейчас впору писать статью «Детская болезнь правизны в капитализме».

Напишите лучшие просто книгу «Капитал», пока Зюганов не сочинил что-нибудь про экспроприацию экспроприаторов.

Г. Зюганов: «Ленин был захоронен нашими отцами и дедами в соответствии с русской исторической традицией. Все святые угодники хоронились в пещерах, монастырях...»

Какой же он святой угодник, если монастыри позакрывали, а хоронился в основном в Швейцарии. Или в Разливе.

Как видим, данная публикация состоит из шести отдельных высказываний депутатов Госдумы и такого же числа журналистских комментариев. Основа этих комментариев — остроумное, ироничное обыгрывание ситуаций, в которых пребывают депутаты — «герои», глупых действий, которые они совершают, абсурдности следствий, которые из них вытекают. Так, комментарий, отнесенный к высказыванию Г. Явлинского, построен на ироничной оценке поведения этого депутата, которое можно объяснить, по мнению комментатора, разве что наличием у Явлинского «медвежьей болезни» (боязни медведей), т.е. страха перед парламентской фракцией, называемой «Медведь».

Комментарий, обращенный к высказыванию С. Говорухина, опирается на ироничный упрек поведения «правых» депутатов в том, что они сами лишают себя возможности участвовать в работе Думы, уступая ее приверженцам Путина.

Комментарий, посвященный высказыванию Г. Зюганова, в основе своей имеет два момента. Первый — установление несоответствия осуществленного Зюгановым отождествления Ленина со святым угодником. Несоответствие это выводится из некоторых дел Ленина (закрытии монастырей). Второй — обыгрывание ошибочного употребления Г. Зюгановым вместо словосочетания «были похоронены» глагола «хоронились», который несет совершенно иной смысл (он означает, что кто-то «хоронил себя», т.е., в переводе со старорусского, «где-то прятался»), И в том и в другом случае в результате рождается ирония, легкая насмешка над автором высказывания.

Такой же художественный прием использован и в комментариях, посвященных журналистами высказываниям других депутатов.

Особенность данного материала заключается в том, что он составлен из фрагментов. Каждый такой фрагмент, в принципе, может быть опубликован как отдельный мини-текст и при этом не потерять своей цельности, свойственной самостоятельному журналистскому произведению. В то же время сведение этих мини-текстов под «крышей» одного заголовка приводит к созданию самостоятельного, но не существующего вне объединенных «фрагментов» текста. Самостоятельность его возникает в силу того, что отдельные мини-тексты объединены одним и тем же журналистским замыслом, местом и временем действия.

Авторы отдельных высказываний как бы объединяются в одного их автора «Правого Депутата Думы», который высказывается по поводу своих действий, связанных с первыми шагами нового парламента. А этому «Депутату» противопоставлен «Журналист» со своим комментарием по поводу таких высказываний и, разумеется, стоящих за ними депутатских действий. То есть в таком «объединенном» тексте просматривается структура (хотя и намеченная «штрихами») обычного, развернутого, цельного комментария.

Сатирический комментарий имеет «родственника» не только в «лице» аналитического комментария, но и в «лице» фельетона. С этим жанром его роднит прежде всего цель выступления. Она заключается в том, что, как и фельетон, сатирический комментарий нацелен на высмеивание определенных человеческих недостатков, пороков, промахов самого разного плана.

Однако если сатирический комментарий «обходится» в основном такими средствами, как ирония, насмешка, то основным методом полноценного фельетона является сатирическая

типовизация. Иными словами, в фельетоне автор выставляет на осмеяние не единичное, неповторимое явление, а явление, ставшее типичным, явление, «лики» которого можно встретить в самых неожиданных местах, в самых разных сферах жизни.

Проигрывая фельетону в уровне обобщения жизненных явлений, в наборе выразительных средств, сатирический комментарий выигрывает в оперативности, и это делает его незаменимым художественно-публицистическим жанром.

[в начало](#)

ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Отличие этого жанра от информационного жанра «мини-истории» состоит в полноте, насыщенности «развертки» соответствующих своих сторон, языковой образности, наглядности. Подобному типу текста в художественной литературе соответствует рассказ. Публикации данного типа очень часто появляются на страницах популярной западной периодической печати (например, известного в мире журнала для семейного чтения «Ридерс дайджест») и поэтому достаточно полно исследованы^{37[11]}. В житейских историях описываются некие эпизоды из жизни людей, их поступки, различные ситуации, коллизии, т.е. все то, что может быть обозначено как «бытие человека». Житейские истории создаются с помощью художественного метода, т.е. основную роль в рождении таких текстов играет авторская фантазия. Именно она рождает не существовавшие на деле ситуации или «обрабатывает» то, что имело место в реальной действительности, доводя «исходный материал» до реально возможного в том или ином конкретном случае художественного уровня (с точки зрения повышения образности, остроты содержащихся в материале коллизий, неожиданности поворотов в развитии отображаемых событий и пр.).

Однако в отличие от собственно художественных произведений житейские истории, которые пишут журналисты, как правило, обладают более приземленным, близким к документальному характером отображения действительности, схематизмом в развитии сюжета, использованием присущих газетной речи языковых штампов, устоявшихся стилистических оборотов.

Определенная близость житейской истории в указанном плане к журналистским публикациям иных жанровых групп (например, корреспонденциям) все же не мешает отнести ее именно к художественно-публицистическим жанрам. Это отнесение обосновано прежде всего использованием авторами таких историй в качестве основного инструмента создания произведения художественного метода отображения действительности.

Из публикации «Погасшая свеча»

(АиФ. № 4. 2000)

«Девушка, давай погадаю. Я же по лицу вижу, хочется тебе судьбу свою узнать».

Катя внимательно посмотрела на женщину, сидящую около зоомагазина на Арбате. Вроде не цыганка (им девушка уже давно не доверяла) и одета прилично. Выпityе только что в кафе два бокала шампанского придали девушке смелости, и она протянула гадалке руку.

«Так, родимая, со здоровьем у тебя все в порядке, болеешь редко. Правильно грю? И умом Бог не обидел. Правильно грю? А линия жизни... Нет, не буду я с тобой разговаривать. Забери свои деньги, все равно больше ничего не скажу. Иди с Богом».

«Дура какая-то», — подумала Катя, и сунув в карман пятидесятирублевую купюру, быстро пошла к театру Вахтангова, где была назначена встреча с клиентом. Клиент — пожилой армянин в кожаной куртке, с золотыми перстнями на пальцах и толстенной цепью на шее — уже ждал ее...

Обслужив Вагиза, как представился армянин, Катя отправилась на Тверскую, где была ее традиционная «точка». Других клиентов в эту ночь не было. А под утро, как назло, забрали в «ментовку». Доблестные стражи порядка периодически забирали «ночных бабочек» в отделение для, как они говорили, выяснения личности. Но на этот раз составлением протокола, вопросы которого Катя знала наизусть, дело не ограничи-

лось. Решив, очевидно, выпендриться перед начальством (для этого, наверное, и съемочную группу «дорожного патруля» позвали), руководство отделения милиции пригласило православного священника, который должен был образумить и вернуть девушек на путь истинный...

Отца Константина приглашение в милицию не удивило. До этого он не раз выступал в детских приемниках-распределителях, в женских тюрьмах и колониях. Читая «заблудшим овцам» проповедь, он обратил внимание на молоденькую девушку, не сводившую с него глаз.

«Как имя твое, дочь моя? Крещеная ли ты?» — спросил он. Но девушка отвернулась и ничего не ответила...

Через некоторое время во время обедни отец Константин снова увидел ту девушку. В этот раз она сама подошла к нему и скороговоркой выпалила: «Помните, в «ментовке», простите, в отделении милиции вы выступали перед нами и спросили, как меня зовут. Я тогда при девочках постеснялась заговорить с вами. Меня зовут Екатерина...»

Около года Катя почти каждый день приходила в церковь и помогала старушкам по вечерам наводить в ней порядок. А потом отправлялась домой к отцу Константину, жившему недалеко от храма, и до поздней ночи сидела у него. Они пили чай (раньше Катя думала, что священники какие-то неземные люди и простую еду не едят. А священник не только пил чай, но еще и колбасу ел), разговаривали и даже (девушка была этим сражена наповал) смотрели вместе телевизор.

Осенью Катя решила окреститься. Отца Константина, который вне церкви позволял называть себя просто по имени, она убедила, что с прошлой жизнью покончено и теперь она собирается поступить в институт. Радости священника не было предела. За этот год он и сам не заметил, как привязался к девушке. И хотя у него не было никаких плотских желаний, Катя стала для него самым близким человеком на свете. Однако увидев крестную мать Екатерины, он понял, что праздновать победу еще рано. Быть крестной девушка доверила ...своей сутенерше, Марии. Впрочем, раздумывать, почему Катя обратилась к хозяйке салона интимных услуг, в котором она якобы больше не служит, у отца Константина не было времени — обряд крещения уже начался. Все прошло гладко, но в самом конце обряда свеча, которую держала Катя, неожиданно погасла. «Дурной знак», — прокатился по церкви шепоток. Девушка испуганно посмотрела на священника. «Все нормально, Катенька, все в порядке», — улыбнулся он ей...

Ночная Тверская была потрясающе красива — световая иллюминация делала ее похожей на парижские Елисейские поля. Да и народу, несмотря на поздний час, было немало. Отец Константин вел машину, с удовольствием смотря по сторонам и любуясь городом. Вдруг в стайке стоящих у обочины девушек, вышедших на ночной промысел, он узнал Катю. Она стояла в сторонке, зябко кутаясь в норковую шубку, и о чем-то разговаривала с Марией. «Вот тебе и покончено с В этот момент около девушек притормозил красный джип, и чья-то рука указала на Катю. Девушка села в подъехавшую машину. Джип рванул с места. Отец Константин решил ехать за Катей. С Тверской иномарка свернула в сторону Садового кольца и минут через сорок остановилась около многоэтажки в Сокольниках. Священник на своей старенькой «пятерке» затормозил рядом с джипом.

«Братан, тебе чего надо? — коротко стриженный детина подошел к машине отца Константина. — Ехал бы отсюда. Ах, тебе девушка нужна? Что за совпадение — нам тоже. Часика через два подъезжай, мы ее тебе передадим. Нас тут немножко, человек шесть. Эй, ты девчонку-то не зови. Че, русского языка не понимаешь?»

Сильный удар в живот заставил Константина согнуться. Вышедшие из машины ребята стали бить его ногами. Кто-то достал нож. Через несколько минут тридцатитрехлетний священник уже не дышал...

Слух о том, что Екатерина собралась уезжать из Москвы, застал хозяйку салона врасплох — одна из самых красивых девушек, пользовавшаяся большим спросом, ни с того, ни с сего надумала возвращаться к себе в далекий городок. И ничто — ни обещание повысить гонорар, ни угроза потребовать неустойку — не меняло решительного настроя девушки. На

все вопросы Катя что-то невнятно говорила о больной бабушке, приславшей любимой внучке телеграмму. Решение уйти в монастырь возникло в ту проклятую ночь. Но это была ее тайна. Все эти дни перед глазами девушки стояло окровавленное лицо распластанного на земле отца Константина.

Перед отправлением поезда Катя решила зайти в храм, в котором он служил, и поставить свечу за начало своей новой жизни. Теперь, надеялась девушка, все ее несчастья останутся позади. И все будет хорошо. Зажженная от стоящих около иконы свечей ее свеча ярко загорелась и ...неожиданно погасла.

Если взглянуть на языковую сторону данного произведения, то обнаруживается, что автор — достаточно неважный стилист. Об этом свидетельствует хотя бы следующее. Он пишет: «Священник на своей старенькой «пятерке» затормозил рядом с джипом» (выделено мной. — А. Т.). Это стилистически неграмотное предложение. Правильно было бы так: «Священник притормозил свою старенькую «пятерку» рядом с джипом». Еще одно стилистически неверное предложение: «На все вопросы Катя что-то невнятно говорила о больной бабушке, приславшей любимой внучке телеграмму» (выделено мной. — А. Т.). Автор, очевидно, не знает, что на вопросы «отвечают», а не «говорят». Есть в тексте и смысловые небрежности. Так, например, автор пишет: «Перед отправлением поезда Катя решила зайти в храм, в котором он служил, и поставить свечу за начало своей новой жизни» (выделено мной. — А. Т.) Но если речь идет об отправлении поезда, то это означает, что героиня произведения, очевидно, была уже на вокзале и поезд был готов вот-вот отправиться в путь. Чтобы «зайти в храм» в такой ситуации, надо, как минимум, чтобы он находился на перроне. Поэтому было бы правильно написать, скажем, так: «Перед отъездом Катя решила зайти в храм...» и т.д. Подобного рода погрешности часто встречаются в журналистских публикациях. Но в художественных текстах они просто недопустимы.

[в начало](#)

ЛЕГЕНДА

Это один из древнейших жанров, прежде всего — устного народного творчества. Представить его без легенд, былин, преданий вряд ли возможно. Легенды становятся основой многих литературно-художественных произведений. Легенды также — реально существующий на страницах прессы художественно-публицистический жанр. В чем же сущность этого жанра? Как правило, главное, что фиксируется при оценке этого жанра — это его содержательная сторона. При этом содержание легенды обычно ассоциируется с вымыслом. И действительно, представить легенду, над которой бы не поработала фантазия ее создателей, вряд ли возможно. Ведь известно, что в том случае, когда люди не могут что-то объяснить реальными причинами, они всегда начинают их «вымысливать», т.е. придумывать. Вместе с тем надо иметь в виду, что одного только вымысла для создания устойчивой легенды мало.

Хорошая легенда достаточно часто содержит в своей основе какой-то вполне реальный исторический факт. Таковы легенды о выдающихся полководцах, всевозможных героях, чудотворцах и пр. Часто легенда «привязывается» не только к определенной личности (личностям), но и к конкретному месту, местности, событию, явлению.

Почти всегда главный (реальный или «домышенный») факт, на который опирается легенда, представляет собой некую не разгаданную тайну. В центре ее часто стоит герой (или герои), попавший в трагическую ситуацию и, как правило, погибший в результате сложившихся обстоятельств, но чем-то постоянно напоминающий о себе живым людям.

Такая легенда очень близка к сказке.

Из публикации «Черный альпинист — к обвалу, Белая дева — к снегу»

(Комсомольская правда. 3 октября. 1997)

Среди покорителей вершин ходят легенды об этих персонажах, спасающих тех, кто попал в беду.

Далее следует такое содержание:

— Здравствуй, дружок! Послушай сказочку про Черного альпиниста и Белую деву, только не слишком пугайся.

Далеко-далеко, там, где горы подпирают небо, много лет назад появились альпинисты.

Если находили эти чудаки недоступную вершину, то заходились от восторга. Не спрашивай, почему. Это загадка. Гибли они десятками. Находили и хоронили их редко, и погибшие альпинисты навсегда оставались в царстве скал. А там, где есть не похороненные покойники, жди, дружок, чертовщины. И вот однажды на Кавказе, в Домбайском ущелье, рядом с горой остановились на ночлег четыре человека. Улеглись. И вдруг слышат: хруп-хруп! Идет к их палатке кто-то большой. Испугались альпинисты.

Наконец кто-то выглянул и увидел: прямо на него шагает черный-пречерный человек! Отшатнулся альпинист, а черная фигура наклонилась к палатке и замогильным голосом произнесла: «Быстро уходите отсюда!» И исчезла. Наша четверка бросилась врассыпную. И тут раздался страшный шум, и на то место, где стояла палатка, обрушилась ледяная гора, а чудом уцелевшие альпинисты как-то вечером у костра рассказали свою историю. Так и пошла гулять байка про Черного альпиниста.

Откуда он взялся? Говорят, как-то в горы пошли два друга. Один упал в трещину, а другой пошел его искать. Так и ищет по сей день.

Кстати, знаешь, почему все альпинисты спят головами к выходу из палатки? Чтобы в случае чего быстро выскочить? Ну уж нет! Просто все знают, что Черный альпинист ночами ищет среди спящих своего друга. Правда, иные скептики утверждают, что ищет он не друга, а врага. Якобы его, провалившегося в трещину, бросил вероломный напарник. И теперь Черный альпинист хочет отомстить. Но когда плохо другим, он спешит на выручку. Не один обессиленный альпинист видел его силуэт, который звал за собой туда, где ждала спасительная пещера или легкий спуск...

А вот в Белой деве нет ничего страшного. Правда, сколько их, дев, я не скажу. Есть на Кавказе, есть алайская Белая дева...

А историю вот какую рассказывают. Жили себе парень с девушкой. И любили друг друга. Однажды пошли они в горы, и на вершине юноша сделал возлюбленной предложение. Но на спуске внезапно пошел густой снег, а потом вдруг, как по волшебству, прекратился. И девушка увидела, что осталась на снежном склоне одна. Бедняжка выплакала все слезы, от яркого света потеряла зрение. И с тех пор по ночам она ходит и ищет своего друга. Так что, если альпинист чувствует ночью, что кто-то провел по его лицу рукой, знает — пришла Белая дева. Еще говорят, что ее приход означает, что скоро пойдет снег.

Такие дела. Ну как, страшно? Молодец. Если и явится Черный альпинист, то не за тобой. А уж Белая дева — тем более.

Сказочник дядя Андрей Павлов

Какую функцию выполняет легенда в прессе? Во-первых, она служит развлечению читателей. Во-вторых, такого рода публикации помогают аудитории проникнуть в тот мир идеальных исканий, романтики, поэзии, которые сопровождают даже самые «грубые» виды человеческой деятельности, дополняют «прозу жизни», помогают постичь «тонкую материю» всевозможных преданий, связывающую разные поколения. Поэтому легенду, в известной мере, можно считать источником познания. Легенда может также послужить кому-то предостережением, кого-то может вдохновить на смелые поступки и т.п., т.е. она в силу содержащихся в ней примеров, назиданий (как и многие иные тексты) способна быть более-менее

эффективным средством регулирования практической деятельности человека, его поведения. Опубликованная легенда может быть использована читателем в целях общения и обсуждения ее с другими людьми.

[в начало](#)

ЭПИГРАФ

Представление о том, что такое эпиграф, чаще всего складывается при чтении небольших (обычно в несколько строк) текстов, которыми открываются некоторые художественные, научные произведения. Эпиграфы бывают прозаические и стихотворные. Содержание их представляет собой какую-либо общезначимую мысль, вечную истину, требование закона и т.д., краткое изложение которых и становится эпиграфом. Если взглянуть на эпиграф с точки зрения логики замысла, скажем, автора той же книги, то он (замысел) выступает как бы главным тезисом, который раскрывается, детализируется, аргументируется, наполняется конкретным жизненным материалом в ходе развития художественного повествования.

Эпиграф как особый жанр присутствует и на страницах периодической печати. Здесь он выполняет примерно ту же роль, что и в литературно-художественном или научном творчестве. Его можно считать родственным комментарию (в аналитической журналистике) или оценочному суждению (в информационной журналистике) жанром (их «клоном»). Отличие эпиграфа от комментария заключается в том, что в нем (в эпиграфе) обычно отсутствуют документальные факты. От элементарного оценочного суждения, которое может представлять в виде информационной заметки, фиксирующей оценку какого-то конкретного явления и не претендующей на общезначимость, эпиграф отличается именно нацеленностью на обобщение.

Как раз такое — краткое, афористичное художественное обобщение, предваряющее некие более весомые публикации, например, на газетной полосе, и выступает в качестве эпиграфа. В том же номере газеты он задает определенный тон, нацеливает на особое отношение к другим публикациям, формирует установку восприятия последующего материала (или даже номера в целом).

Из публикации «Да святится имя твое, Любовь»

(Московская правда. № 2. 1999)

Классик заявил, что счастливые часы не наблюдают.

Как он не прав! Посмотрите на возлюбленных, назначивших традиционную встречу под часами. Каждая минута опоздания тех, кого они ждут, старит их по крайней мере на год. Они далеки от житейских будней, для них не существует проблем городского транспорта, неожиданных просьб начальства и прочего. Есть только полет, и посадка должна быть совершена минута в минуту в назначенном месте.

Москву всегда украшали влюбленные. Холодной зимой они расцвечивают столицу букетами цветов, летом — наполняют ее улицы шепотом, смысл которого понятен только двоим.

Вообще, любой город живет только тогда, когда его жители влюбляются, причем чем больше, тем лучше. А иначе для кого реставрировать здания, строить скоростные дороги и, самое главное — открывать новые детские сады, ясли и школы?

Истинное чувство обычно глубоко спрятано от глаз окружающих. Это потом оно вспыхивает белоснежной фатой, черным смокингом и ослепительными золотыми кольцами. До поры до времени все покрыто тайной. И лишь один день в году все влюбленные мира открыто заявляют о том, что они не такие, как все. Это 14 февраля, в День Святого Валентина. Именно в этот день, по поверью, птицы начинают слетаться в пары. Не случайно влюбленные равняются по птицам. Чувство, оно всегда окрыляет. Мы уже говорили с тобой, читатель, о новых и старых праздниках. Уже в эти дни магазины наполнились трогательными сувенирами, всякими шоколадными сердечками и прочими милыми пустяками. И если кто-то считает, что это не имеет смысла, то пожалеем его всей душой. Ему просто до боли обидно, что в День Святого Валентина никто не поздравит его, не порадуется тому, что он просто есть на свете, что он самый умный, красивый и романтичный... И уж если мы научились отмечать День мелиоратора, то День влюбленных не заметить просто грешно. Присоединяйся, читатель! А любовь — она себя ждать не

заставит. И тогда... «все станет вокруг голубым и зеленым...».

Этот текст предваряет все другие публикации, посвященные Дню Валентина и расположение на одной полосе с эпиграфом. Выраженные в нем обобщающие мысли автора предстают как глубоко волнующие самого автора умозаключения. Они пронизаны лиризмом, тонким эмоциональным настроем журналистки. В тексте нет каких-то повседневных бытовых, экономических, политических проблем, нет каких-то доказательств. Зато есть воспевание чувств и ожиданий влюбленного человека, для которого не существует преград на пути к возлюбленной (или возлюбленному), есть некий гимн любви, как возвышающему человека чувству.

На фоне иных жанров, в том числе и художественно-публицистических, эпиграф может выглядеть относительно скромно (прежде всего, по степени важности решаемой с его помощью задачи). Тем не менее в ряде случаев этот жанр оказывается очень кстати. Он бывает, например, нужен не только тогда, когда надо задать эмоциональный настрой, например, восприятию газетной полосы, но и тогда, когда существует необходимость объединить одной мыслью какие-то разрозненные материалы, представить их как свидетельства в пользу некой важной точки зрения, позиции автора или издания, выражаемой по поводу тех тем, проблем, которым предшествует и которые отображает в обобщенной форме эпиграф.

[в начало](#)

ЭПИТАФИЯ

Эпитафия, как и некролог, посвящается личности умершего человека. Но в отличие от некролога, в котором превалирует информационное начало, т.е. сообщение читателю вполне конкретных данных из биографии усопшего, сведений о причине его смерти, месте и времени похорон, эпитафия выступает как напоминание о достоинствах умершего человека, представленных в их социальном аспекте. В эпитафии акцент делается не на факте чьей-то смерти, не на скорбной стороне такого печального события, а на добродетелях человека, которые уже не просто оцениваются как украшающие личность покойного, указывающие на его значимость, неповторимость. Главное состоит в том, что они обычно рассматриваются в качестве авторитетных критериев, по которым оценивается поведение, деятельность как современников героя эпитафии, так и тех, кто живет сегодня. Эпитафия — это прежде всего оценочный жанр, и в этом плане она «встраивается» в один ряд с некоторыми комментариями, критическими статьями, рецензией.

Из публикации «Смерть самых лучших выбирает и дергает по одному...»

(Метро. 25 января. 2000)

Великий поэт, сумевший из наших уличных, будничных слов высечь пронзительную и хлесткую, надрывную и щемящую, нежную и страстную речь. Речь обжигающую, беспокойную, надежную как дружба и настоящая любовь. Речь бунтарскую, правдивую, совестливую и покаянную. Речь объединительную — она делала равным интеллигента и бомжа, мента и профессора. Она стала домом, где каждый мог быть услышен.

Безгласному времени он дал свой надтреснутый, хрипящий, мужской голос. Он стремительно жил, стремительно любил. Сгорел как метеор в плотных слоях атмосферы застойного времени. Его разросшийся, мощный талант больше не мог существовать в теле земном, в оковах неприятий, мнений, глупостей... Не хочется говорить парадных слов. Высоцкий, как и совесть, — дело личное. И думая о личном — о Пушкине, Ахматовой, Высоцком, я, зная, что реальность не терпит сослагательного наклонения, порой ловлю себя на наивной мысли: ах, если бы они были сегодня, как жаль, что их нет. Ах, как рано ушел из жизни Высоцкий. Действительно, рано.

Думаю и, том, что бы сегодня сказал и сделал Владимир Семенович. А может, тот, кто там, наверху, кто выше нас, правильно распорядился? Может, он предусмотрел, что Высоцкому не надо видеть, как разваливается его любимый театр, как торгуют его памятью, его именем друзья. Как нищенствуют старики. Как наша интеллигенция, его коллеги — властители дум,

до одури несколько лет потолковав взахлеб принародно о высокой духовности, гуманизме, постояв со свечами вокруг президента в Елоховском соборе, молча позволили в центре Москвы расстрелять людей только за то, что они «инакомыслящие», неугодные их демократическим устремлениям. И этим дали свое добро на следующую бойню — первую Чеченскую кампанию. Как эти же коллеги с песнями и плясками сопровождают сильных мира сего с лозунгами «голосуй за...». Спешат на правительственные фуршеты «в поддержку», не стыдясь есть с «барского стола», умиляются слову «мочить» (о, беззащитный русский язык!) и не хотят видеть плывущие вочных вагонах по необъятной стране гробы с русскими мальчиками, делают вид, что не видят, как «справедливая борьба с терроризмом» превращается в геноцид...

Мне страшно думать о моем Высоцком в сегодняшнем дне. Мне страшно думать, что пришло бы пережить его вторую смерть. Он уважал свой народ.

Сегодня бы мой Высоцкий умер от стыда за него.

Как видим, первые четыре абзаца журналист посвящает описанию достоинств артиста, оценке особенностей его творческого взлета, таланта гражданина своей страны. В последующем же отрывке публикации автор ее оценивает поведение сегодняшних интеллигентов, торгующих своей совестью, принимающих подачки «с барского стола» от власти, а также бывших друзей Высоцкого, торгующих его именем, и состояние развала Театра на Таганке, в котором работал Высоцкий. Это описание сегодняшних реалий производится в соотношении с идеалами, устремлениями поэта-бунтаря, которые и выступают в качестве критерия оценки современной российской действительности.

Эпитафия может быть представлена на страницах прессы в разных формах. Это может быть монологическое произведение, подобное изложенному выше. Она может быть и «полилогической».

Из публикации «Капитан больше не улыбнется...»

(Комсомольская правда. 1 апреля. 1999)

Умер Игорь Нетто. Бессменный капитан. Человек, при жизни ставший легендой. Его странная фамилия для наших отцов и дедов была символом футбола. Может, потому наш футбол, начиная с 70-х, и погрузил, что из него ушел Нетто? А теперь он ушел от нас совсем. Помянем.

Дальше следуют поминальные речи известных российских спортсменов:

Владимир Маслаченко: Я горжусь тем, что судьба дала мне возможность играть и работать рядом с Игорем Александровичем. Я играл и вместе с ним и против него. И могу сказать, что это был игрок № 1 нашего футбола. Я говорил, говорю и буду говорить: это профессионал с большой буквы. Это был абсолютно честный человек, как в жизни, так и в футболе. Он был обречен футболом...

Геннадий Логофет: Он всех мерил своей меркой, хотел, что бы все так же относились к футболу, как он сам. А он отдавался ему полностью. У него была великолепная техника. Любой мяч (даже тот, который, как мы говорили, «подан на гlandы») он укрощал одним-двумя движениями...

Алексей Парамонов: Я был знаком с Игорем более 50 лет. Я пришел в Спартак в 47-м, а Игорь в 49-м. Играли в клубе вместе 15 лет, дружили долгие годы. В последнее время, когда Игорь сильно болел, мы с Никитой Симоняном старались сделать для него все, что могли. И не потому, что он был великим футболистом, а настоящим человеком...

Валентин Бубукин: Я играл с Нетто в сборной 4 года и могу сказать, что Игорь был одним из лучших полузащитников мира всех времен. Он целиком отдавался игре, независимо от

уровня матча. Он первый, кто показал нам, как надо дорожить свои имиджем. Если Нетто терял мяч, то он готов был сделать все, чтобы вернуть его своей команде. В жизни он был очень скромным человеком...

В конце публикации дана справка «Из досье «Комсомольской правды»:

«Нетто Игорь Александрович (9.01.1930-30.03.1999). Заслуженный мастер спорта. Начал играть в Москве в команде стадиона «Юных пионеров». Выступал за «Спартак» (Москва) — 1949 —1966 гг., сыграл 367 матчей. Пятикратный чемпион и трехкратный обладатель Кубка СССР. В сборной СССР провел 55 матчей. Чемпион Европы 1960 г. Награжден орденом Ленина».

Такая форма изложения материала чем-то напоминает запись выступлений родных и знакомых, «представителей общественности» на панихиде по усопшему. Если говорить о преимуществе такого изложения памятного материала, то оно заключается прежде всего в том, что дает более полное, более объективное и разностороннее представление о человеке, которому материал посвящен. В то же время эпитафия-монолог часто выигрывает за счет цельности изложения, большей стилистической выдержанности и авторского пафоса, особенно, если эпитафия изложена в стихотворном виде.

[в начало](#)

АНЕКДОТ

Что такое анекдот, знает, пожалуй, каждый человек. Это самая распространенная форма остроумия (короткий шуточный рассказ, часто содержащий неожиданные повороты и столь же необычную концовку), без которого трудно себе представить современное межличностное общение, особенно в узком кругу близких людей.

Как заметил в своей статье «Анекдот», опубликованной в орловской газете «Просторы России» (№ 23. 1999), известный писатель Виктор Ерофеев, «анекдот — единственная форма русского самопознания. Род терапии. Больше того, род выживания. С другой стороны — это род отчаяния. Любимые герои анекдота — бестолковые люди. Это русская черта. Мы — скопище бестолковых людей. Бестолковщина — не раздражает, а смешит. Не подумали, не сообразили, не предусмотрели — налетели, нарвались на реальность. Опростоволосились, опозорились. И смех и грех. Мы коллективно бестолковы. Собрано — без головы. Взялись за что-нибудь — не получилось. Русский продаст душу за хороший анекдот. Он — бродячая коллекция анекдотов. Всегда наступает такой момент, когда пора рассказывать анекдоты. После четвертой перед пятой. Анекдоты делятся на подвиды. Есть приличные. Есть похабные, есть детсадовские. Про ежей. Почти все анекдоты — смешные.

Бытовавший главным образом за пределами сферы массовой информации, в годы перестройки, устранения цензурных ограничений в деятельности СМИ, анекдот как любимый народом жанр совершил активную «агрессию» на страницы газет, журналов, стал непременным атрибутом многих радио- и телепередач. Тем более стали появляться специальные передачи, выпуски, странички, посвященные анекдоту. Примером такого рода может служить ставшая хорошо известной телепередача «Белый попугай», одним из основателей которой был Юрий Никулин. Само слово «анекдот» происходит от греческого «anekdotos», что означает — «неизданное». В русском языке существует и свое собственное, хотя сейчас отчасти и забытое, название данной формы остроумия. Оно определено в толковом словаре В. Даля как «байка», «баутка», «прибаутка». Для того чтобы «байка» (или «баутка», «прибаутка») была хорошо исполнена и произвела впечатление на слушателей, нужен «краснобай», «баутчик». Фигура исполнителя предопределяет успех анекдота. Но, как известно, рассказывать анекдот (а тем более жестикулировать, что очень часто необходимо для усиления эффекта рассказа) можно полноценно только по телевизору. Что же касается периодической печати, то она в значительной мере уступает радио и телевидению в данном отношении.

Говоря об анекдоте на газетной или журнальной полосе, отнюдь не всегда можно утверждать, что мы имеем дело с журналистским жанром, поскольку журналисты довольно редко сами придумывают анекдоты, публикуемые в издании. Чаще всего анекдоты, появившиеся на газетной или журнальной полосе, перепечатываются из сборников анекдотов либо их присылают читатели (пример — публикация анекдотов в «Аргументах и фактах»). Другое дело, условно говоря, «вторичный» анекдот, т.е. произведение, созданное на основе исходного анекдота, ставшего его литературной основой. Такое произведение, появившееся в результате творческой обработки «первоосновы», беллетризации ее, и не утратившее большинства жанровых особенностей анекдота, можно уже, с известной долей условности, назвать собственно журналистским жанром, оставив за ним «корневое» имя — анекдот.

Использование «исходных» анекдотов в качестве сюжетной основы радио- и телепередач, газетных и журнальных выступлений распространено в настоящее время достаточно широко (вспомним любимую многими телезрителями «Народную передачу «Городок» на ТВ «Россия»). Подобное можно наблюдать и в смежных с журналистикой сферах, например, в рекламном творчестве, в «пиаровских» произведениях.

Из публикации «Ухажер»

(Литературная газета. 10—16 ноября. 1999)

И чего он со мной так нянчится? Одеялко подоткнул, подушечку поправил. Стоит, не душит. Что я ему невеста, ей-богу? В мои восемнадцать со мной еще никто так... Даже мать родная!

А может, не все так страшно? Может, свыкнусь? Стерпится-слюбится? Не боги горшки... Хотя как знать! Может, он грубый, невоспитанный? Приставать начнет, командовать? Давай — туда, давай — сюда! Полы мыть заставит, картошку чистить! А я не умею — всю жизнь маменька за меня все делала, да и руки у меня нежные, избалованные... Страшно!

Как смотрит, как смотрит! Неужели я ему так нравлюсь?! Ой, как же спать хочется, а он тут... нет, не могу больше молчать! Все ему сейчас выложу, будь что будет.

— Товарищ сержант! Да уйдите вы наконец! Вы мне спать мешаете!

— Спокойной ночи, рядовой Петров! Кто ж виноват, что вас одного-одинешенского за весь осенний призыв к нам в часть прислали? Не дай бог, что с вами случится... Я уж покараулю, а вы спите спокойно...

Приятных вам сновидений, товарищ рядовой!

Особенность данной публикации заключается в том, что она, насколько нам кажется, в основе своей содержит гулявший в армейской среде в начале перестройки, в период массовых уклонений призывников от службы в Вооруженных Силах, анекдот, который звучал примерно так:

В воинскую часть приехал Б. Ельцин, проверить боеготовность. Дежурный офицер подает команду:

— Батальон! В две шеренги становись!

Из казармы выскаивает зачуханный солдатик и вытягивается в струнку.

Дежурный докладывает Ельцину:

— Товарищ Главнокомандующий! Батальон в полном составе построен!

Ельцин удивленно спрашивает:

— А почему он только один? Где другие?

Дежурный:

— А других, товарищ Главнокомандующий, военкомы еще ловят!

Устанавливая своеобразие анекдота в сравнении его с публикациями иных жанров журналистики, следует иметь в виду, что анекдот близок к некоторым видам житейской истории.

Об этом можно судить, например, сравнивая уже приведенный выше анекдот с житейскими историями, воспоминаниями профессора факультета журналистики МГУ А. Шереля, подборка которых, названная «Терпениум мобиле», опубликована в «Московском комсомольце» (27 декабря. 1999) под рубрикой «Радиобайки». О том, что в данном случае газета предлагает читателям рассказ именно о реальных случаях, а не результат «объективизации» авторской фантазии, «сигнализирует» врезка, открывающая подборку:

Отечественному радиовещанию стукнуло 75... Около четырех десятилетий мэтр радиожурналистики, доктор искусствоведения профессор Александр Шерель занимается историей радиовещания, собирая не только серьезные, но и курьезные эпизоды развития отечественных масс-медиа. Записи из его старых блокнотов совсем не повредят юбилейной патетике.

Имея в виду это предварительное пояснение газеты, возьмем из предложенной подборки для сравнительного жанрового анализа три следующие истории.

История первая. «Молебен у радиоточки».

В январе 1933 года К.С. Станиславскому исполнялось 70 лет. Дату отмечали торжественно, юбиляра наградили орденом. Однако было неизвестно, почтит ли собрание своим присутствием юбиляр — из-за болезни Станиславский очень редко покидал свое жилище.

Решили, что приветствия из нескольких театров и концертных залов должен был передавать трансляционный узел в дом на Леонтьевском, где собирались почитатели великих реформаторов драматической сцены.

За день до праздника в дом К.С. привезли радиоприемник «СИ-235» — самую распространенную марку 30-х годов. Связисты укрепили на стене гостиной репродуктор и специально провели провода. Срывать их со стены К.С. не захотел — люди же трудились, а он привык уважать труд. Но и оставлять просто так явно пугающий предмет Станиславский не хотел. Промаялся полдня, потом позвал священника из ближайшей церкви и попросил совершить молебен, чтобы эта адская машина не навредила дому и его обитателям.

И только после того как молебен был отслужен, К.С. спросил:

— А кто будет говорить?

Ему назвали:

— Качалов, Бирман, Гиацинтыова...

— Что же, — сказал К.С., — послушаем, какая у них дикция.

История вторая. «Услыши себя, любимую...»

Еще более анекдотический эпизод связан с одной из актрис Малого театра.

В конце августа афиши, расклеенные по Москве, извещали, что 8 сентября состоится «радиопонедельник» — первый радиоконцерт в России, переданный станцией «Коминтерн», с участием А. В. Неждановой, К. Г. Держинской, В. И. Качалова и др.». И наркомпрос А. В. Луначарский держал перед началом речь. «Радиопонедельник» — сборные литературно-театральные программы из Большого театра стали с того дня постоянными, и столь же регулярно в них участвовала актриса Малого театра, жена наркомпроса Наталья Розенель-Луначарская. Но вот что заметили многие.

Закончив выступление, артисты, пока звучали аплодисменты, естественно, старались задержаться на сцене, чтобы продлить секунды триумфа, а Наталья Александровна стремглав бежала за кулисы. Дело в том, что она каждый раз хватала телефонную трубку, установленную возле сцены, и просила мужа побыстрее прислать за ней автомобиль, так как она хотела услышать конец своего выступления по радио.

История третья. «У нас героя становится любой».

В связи с обострением «классовой борьбы» усиливалась и «чистка» среди тех, кто получал право говорить в микрофон. Тщательному анкетному и оперативному контролю подвергался не только каждый журналист, но и каждый кандидат на участие в передаче. Иногда эти тенденции сталкивались, высекая пламень идиотизма.

В 30-е годы «Последние известия» собирались провести репортаж «со дна моря». В

Стрелецкой бухте под Севастополем поднимали суда, затонувшие во время войны. Все рассчитали и подготовили. Один микрофон надо было установить на борту баркаса, а два поместить на скафандре водолаза и журналиста. Весь Союз должен был услышать, как водолаз работает на дне моря и как он поет популярную в то время песенку: «Нас побить, побить хотели...»

Подготовились. Провели репетицию. Передачу отменили властью Севастопольского горкома партии. Нет, водолаз был хороший и пел хорошо, но в анкете у него было то ли белое, то ли черное пятно. Нашли другого. Опять отрепетировали. Передача не состоялась. На этот раз — по решению парткома Радиокомитета: пятна обнаружились в биографии журналиста.

Наконец кандидатов утвердили во всех инстанциях — журналиста назначили из местной газеты, водолаза из числа орденоносцев, опустили их под воду... и ничего не произошло. Оба — и герой-водолаз, и журналист — были заиками.

Теперь попробуем установить степень близости каждой из трех историй с представленным в начале параграфа армейским анекдотом. Первая история описывает достаточно типичную и вполне понятную реакцию старого, да к тому же еще и религиозного человека на появление в доме постороннего, до тех пор невиданного технического средства, способного принимать речь по проводам, да и вообще, способного нарушить привычный покой в доме. Считать эту реакцию смешной может, конечно же, только наш, технически образованный, атеистически мыслящий современник. Хотя, надо заметить, что почему-то в той же прессе не слышно смеха по поводу множества сообщений о случаях освящения церковными иерархами то очередного ОМОНа, уезжающего в Чечню на войну, то атомного ракетоносца в северном порту, то новых сооружений в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и т.д., и т.п. А если мы видим, что смех «противопоказан» той или иной публикации, то записывать ее в «родственники» анекдота никак нельзя.

Вторая история по своей сути значительно ближе к анекдоту. Определенную степень анекдотичности ей придает поведение жены нарком-проса Натальи Розенель-Луначарской, демонстрирующее в какой-то мере стремление к самолюбованию, но еще в большей — по-детски неподдельный интерес к звучанию собственного голоса, доносимого радиоволнами.

Третья история — наиболее близкая к анекдоту. Анекдотичность ее предопределена той степенью идиотизма, который нередко является и является нормой деятельности некоторых руководящих органов. Именно такого рода истории часто перерастают в анекдот, что происходит, когда они теряют «привязку» к конкретным лицам, месту, времени действия, т.е. то качество, которое можно назвать достоверностью описываемого в тексте события.

Основная функция, которую выполняет анекдот в прессе, — рекреативная (развлекательная). Именно возможности «разрядиться» в ходе чтения анекдотов, забыть о повседневных трудностях, отдохнуть прежде всего и привлекают к анекдоту читателя. Но, по мнению профессора МГУ Е. И. Пронина, одного из знатоков этого жанра, публикация анекдотов в прессе преследует еще и такие важные цели, как оповещение аудитории о существующих стандартах комического, воспитание чувства юмора, с чем тоже нельзя не согласиться.

Анекдот на страницах периодической печати должен проходить определенную авторскую самоцензуру. В нем недопустимо то, что довольно часто встречается в анекдотах, которые предназначены для узкого круга лиц, находящихся в устном межличностном общении. И прежде всего — пошлость и нецензурные выражения. Кроме того, анекдот, разумеется, должен быть относительно новым для большей части читательской аудитории, поскольку анекдоты «с бородой» только дискредитируют издание, в котором они печатаются.

[в начало](#)

ШУТКА

Что такое шутка? Если давать объяснение этому слову, то можно сказать, что это предметное действие или сообщение, вводящее кого-то в заблуждение с целью создания смешной ситуации. В журналистике, как и в обычном межличностном общении, шутка встречается довольно часто. Обычно шутки включаются при необходимости в текст в качестве его фрагмента. Но бывают случаи, когда шутка присутствует на газетной или журнальной полосе в качестве самостоятельного жанра. Почему шутка относится именно к художественно-публицистическим, а не к каким-то иным жанрам? Основная причина этого заключается в том, что текст, который можно назвать «шуткой», возникает как продукт авторской фантазии, домысла.

Домысел используется и в некоторых иных жанрах журналистики, например для реконструкции событий, в которых автор не принимал участия и о которых знает только кое-что понаслышке. В таком случае реконструируются лишь второстепенные детали, неискажающие суть дела. Если же автор ставит своей целью развлечение читателя и ради этого создает мистификацию (шутку), то в этом случае материал может быть выдуманным от начала до конца. И если это так, то он может быть отнесен к самостоятельному журналистскому жанру. Шутки в газетах или журналах чаще всего преследуют две основные задачи. Первая задача заключается в **развлечении** читателя.

Вторая задача подготовки и публикации шутки может быть определена как **розыгрыш** читателя.

Из публикации «Одна возлюбленная пара»

(Комсомольская правда. 14 февраля. 1997)

Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра. Он был психолог, любитель природы и Зигмунда Фрейда. Он подозрительно редко или часто дышал. Он рвал полевые цветы и ел их. Он был до такой степени куртуазен, что брал чашку тыльными сторонами ладоней.

Она, надев свой блестящий плащ, как правило, падала в лужи. В магазине, тщательно подсчитав сдачу, уходила, оставив на прилавке и кошелек и авоську. А приглашая кого-нибудь в гости, она по рассеянности называла чужой адрес.

Однажды Она правильно назвала ему свой адрес и готовилась к встрече. В середину торта «Прага» Она водрузила слепленного из теста крокодила (я забыла сказать, что Он был похож на крокодила). Крокодила Она раскрасила фиолетовой краской с зелеными прожилками. Вместо зубов вставила «молнию», а в рот положила гречкий орех. Было недурно...

И т.д.

Как видим, предложенное в этой публикации некое содержание может быть легко отнесено читателем на счет фантазии автора. Однако, учитывая то, что материал опубликован в День Святого Валентина (День всех влюбленных), аудитория поймет, что

цель публикации — развлечь читателя и вряд ли упрекнет за это журналиста.

Из публикации «Обитатели атолла Гуао»

(*Известия. 1 апреля. 1996*)

Небольшой коралловый атолл Гуао, находящийся в самом центре островной гряды Малый Гуао, что к юго-западу от Маршалловых островов, мало чем отличается от нескольких десятков точно таких же крохотных кусочков суши, окруженных тихоокеанским мелководьем и покрытых буйной зеленью.

До сих пор жители этого густонаселенного региона были убеждены, что эти труднодоступные из-за окружающих их рифов острова необитаемы. Вполне понятно поэтому состояние шока, в котором оказался владелец прогулочной яхты-катамарана «Секвойя» и его спутники при виде появившихся из зеленой чащи необыкновенного вида людей. Все они, по крайней мере на расстоянии, очень похожи друг на друга, практически — на одно лицо.

Мужчины острова приземисты и коренасты, ростом не больше 5 футов (1 фут равен 30,5 см). Женщины же, наоборот, высоки (на один-полтора фута выше мужчин) и по-своему грациозны. Их можно было бы назвать привлекательными, если бы не чрезвычайно удлиненная форма носа, кончик которого смыкается с верхней губой... Изъясняются между собой «гуаомен», как могли понять эксперты, резкими гортанными голосами, похожими на крик обезьян... И т.д.

Один читатель (особенно если он каким-либо образом связан с наукой антропологией), не обративший внимание на дату публикации, конечно же, не сразу поймет, что журналисты разыграли его, заставив немножко поволноваться в связи со «знаменательным» открытием новой расы людей. А другой — вообще не поймет, что данный текст есть не что иное, как шутка. Подобное возможно не только потому, что то, о чем пишут журналисты, происходит где-то далеко и не поддается проверке (по крайней мере — для большинства читателей). События, освещаемые в шуточной публикации, могут происходить, так сказать, территориально поблизости, но относиться к сфере, которая мало известна читателю.

Удачная шутка, рассчитанная на всех читателей того или иного издания, в современной журналистике встречается относительно редко. Дело в том, что журналисты, стремясь к тому, чтобы читатель не сразу понял, что его разыгрывают, стремятся написать текст как можно правдоподобнее. Для этого они снабжают его ссылками на авторитетное мнение, приводят всевозможные цифры, справки, выписки из досье и т.д. Это повышает доверие аудитории к текстам.

Кроме того, надо иметь в виду и то обстоятельство, что современный читатель, радиослушатель, телезритель живет в такой стране и в такое время, когда возможны самые невероятные вещи, самые непредсказуемые события, поэтому они готовы поверить всему и уже не ожидают, что журналисты начнут дополнять и без того «фантастическую» реальность своими выдумками. И вряд ли стоит удивляться, что найдется немало читателей, которые поверят не только публикации о некой неизвестной ранее расе людей «гуаомен», но и другим, гораздо более невероятным сообщениям.

В номере «Комсомольской правды» за 1 апреля 1999 г. на первой полосе опубликован большой фотоснимок, на котором изображены военнослужащие, несущие на плечах авиационную ракету «воздух — воздух». Снимок сопровождает небольшой текст, из которого следует, что эту ракету потерял над Москвой российский самолет, который летел бомбить натовские войска, напавшие на Югославию, и что ракета эта не долетела до Кремля всего лишь двадцать метров. Броде бы, если иметь в виду высочайшие требования к полетам авиации над Москвой и соответствующий уровень контроля за выполнением этих требований, — это невозможное явление, невероятная сенсация.

Но на фоне вполне реальных взрывов террористами жилых домов в Москве, чуть ли не каждого дня похищений с военных складов оружия, взрывчатых веществ, захватов заложников, случаев продажи людей в рабство, например в Чечню (в том числе и москвичей), и т.п., и т.д. опубликованный «Комсомольской правдой» «факт» уже не кажется невероятным, тем более

опубликованным только ради того, чтобы посмешить аудиторию в связи с приходом «дня смеха» — первое апреля.

Конечно же, журналисты понимают, что не всякую шутку, изложенную в духе серьезной публикации, аудитория может «раскусить». Чтобы помочь ей это сделать, в шутливых текстах оставляются «маячки», позволяющие проницательному читателю сориентироваться в тоне материала, осознать его предназначение. Это могут быть логические и статистические несуразности, фабулы, известные по старым анекдотам, каламбуры и пр.

Из публикации «Самый секретный сейф КГБ»

(АиФ. № 13. 2000)

В ней рассказывается о неком секретном хранилище, якобы принадлежащем спецслужбам России, в котором хранятся самые главные секреты страны, «которые вот уже более 1000 лет переходят по наследству от одного правителя к другому». Автор сообщает и о головах Николая II и Адольфа Гитлера, заспиртованных в банках, и о полукилограммовом бриллианте «Солнце Востока», и о трупе инопланетянки и прочих «экспонатах», а затем сообщает о «главной тайне», изложенной в следующем отрывке «Вечные мозги».

«Послушайте, все, что вы мне показываете, конечно же, интересно. Но это экспонаты, при всей своей уникальности достойные лишь кунсткамеры. А есть ли у вас что-то, что составляет действительно главную тайну России?» — «Боюсь получить нагоняй от президента. Ну да ладно. Вас пустили с его разрешения, так что...»

То, что мне показал генерал-полковник, поначалу на меня вообще не произвело никакого впечатления — один из сейфов был битком набит каким-то серым порошком. Я зачерпнул горсть и нечаянно просыпал часть вещества на пол. Генерал Милованов аж подпрыгнул от возмущения: «Вы что себе позволяете! Немедленно уберите руки!» — «Это что, гексоген? Может взорваться?» — я недоумевал, видя столь резкую реакцию внешне очень сдержанного генерала. «Да вы сами не знаете, до чего вы дотронулись своими грязными руками!»

Из рассказа генерала я узнал, что серый порошок — не что иное, как экстракт так называемого серого вещества человеческого мозга. Причем экстракт изготавливается лишь из головного мозга умерших руководителей страны. После их смерти, втайне от родственников, мозг изымается в морге и поступает в краинознаменную ордена Ленина спецлабораторию ФСБ. Там из него извлекают «серые» участки, ответственные за прием решений и содержащие клетки памяти. Затем частицы мозга обезвоживаются в течение полугода очень медленно, чтобы не повредить содержащуюся в них информацию. Поскольку самые главные секреты государства не передаются ни письменно, ни устно — дабы избежать их утечки, то этим способом еще с незапамятных времен каждого нового правителя «снабжали» гостайнами. Операция по внедрению секретов достаточно проста — в левом ухе делается небольшой надрез, а затем шприцем вводятся высушенные клетки. «Еще ни разу не было сбоев, — говорит Милованов, — лишь в случае с Борисом Николаевичем мы слегка переусердствовали — и то по его просьбе. Он хотел узнать не только новые, так сказать, текущие тайны, доставшиеся по наследству от недавно ушедших от нас Черненко и Андропова, но даже те, которые знали Владимир Мономах и Иоанн Грозный. Мы просьбу Ельцина выполнили, но его мозг сильно перегрузился. Из-за этого Борис Николаевич так быстро превратился из моложавого мужчины в... Вы понимаете, что я хочу сказать. В случае с новым президентом мы такой оплошности, конечно, уже не допустим».

Я с огромным сожалением уходил из тайного убежища: сколькоих государственных тайн я так и не узнал! Но, увы, отпущенные мне 15 минут истекли. Думаю, что и читателям было бы интересно узнать, что еще хранится в самом секретном сейфе КГБ. Но не расстраивайтесь, у многих из вас сегодня уже есть возможность продолжить мое путешествие по тайнам. Для этого достаточно позвонить по секретному телефону: (095) 925-30-70. И прежде чем спецсотрудник, закрепленный за этим номером, успеет что-либо ответить, скажите: «С разрешения Владимир Владимирович». Сотрудник назначит час,

в который вы можете — естественно, не за бесплатно — посетить самое секретное хранилище России.

В этом тексте даже самого незадачливого читателя должны были насторожить, как минимум, три момента. Во-первых, то, что якобы уже во времена Ивана Грозного в России знали, как устроен мозг человека, могли определять функции его клеток и делать нейрохирургические операции и хранить, избегая разложения, столь ценный органический материал в течение столетий в обычном сейфе и «насыпью». Во-вторых, то, что за тысячу лет существования «главной тайны» России о ней не узнала ни одна разведка мира. А в-третьих, что «главную тайну» России можно запросто узнать, позвонив «спецсотруднику» и заплатив ему предварительно определенную сумму денег.

В тексте можно обнаружить и другие подсказки, помогающие аудитории установить его статус мистификации. К сожалению, не все читатели оказываются способны их заметить. Именно такая категория людей и оказывается реальной жертвой журналистского розыгрыша. В частности, после опубликования материала «Самый секретный сейф КГБ» в редакцию «Комсомольской правды» по секретному телефону «с разрешения Владимир Владимирович» позвонили около двух тысяч человек, пожелавших заплатить деньги за то, чтобы узнать «главную тайну» России лично.

Здесь надо заметить, что по частоте использования мистификации как жанра периодическая печать во многом отстает от аудиовизуальной журналистики. Это происходит потому, что, скажем, то же телевидение обладает гораздо более широкими возможностями для того, чтобы выдать выдумку за чистую правду. Так, например, в «День смеха», т.е. первого апреля 2000 года, по телеканалу ТВЦ в 23 часа 20 минут прошла телепередача, подготовленная группой журналистов под руководством Олега Вакурова, которая называлась «Российские тайны: следствие ведет ТВЦ». В этой передаче, длившейся двадцать пять минут, журналисты вполне серьезно утверждали, что построенные в Москве при Сталине высотные здания (МГУ на Воробьевых горах, МИД, гостиница «Киевская» и др.) представляют собой не что иное, как хитро закамуфлированные ядерные ракеты стратегического назначения, которые советское правительство планировало применить в случае начала атомной войны с Америкой. При этом журналисты в качестве доказательства привели несколько интервью с якобы дипломатами, а также работниками спецслужб, обслуживавшими эти ракеты, а потом, из-за отсутствия денег на их содержание переставшими это делать. На экране даже появился сам исполняющий обязанности президента России В. В. Путин, к которому якобы обратились журналисты с просьбой разобраться в ситуации с этими ракетами. Данная телепередача — не только шутка, но и прекрасный пример того, как, используя СМИ, можно фальсифицировать практически любую проблему.

В этой передаче, как и в приведенном выше газетном тексте, можно обнаружить подсказки, помогающие аудитории установить ее статус. Другое дело, сумеют ли их заметить читатели газеты или же примут все написанное за чистую монету. Если произойдет именно так, то это будет означать прежде всего то, что усилия журналистов, затраченные на подготовку публикаций, оказались напрасными.

[в начало](#)

ИГРА

Основной причиной появления жанра «игра» на страницах периодической печати является потребность аудитории в развлекательной информации. «Родственниками» данного жанра являются хорошо известные «кроссворды», «чайнворды» и т.п., не требующие особых интеллектуальных усилий, какой-то специальной подготовки для их освоения, но все же увлекающие читателя некой загадкой, скрытой в них и требующей разгадки. Игра как тип публикаций относится к художественно-публицистическим жанрам. Это объясняется тем, что игра в полной мере является плодом художественной фантазии ее составителя.

Автор игры обычно полностью выдумывает ее сюжет, правила, разрабатывает различные ситуации, проблемы, которые предлагается разрешить читателям таких произведений. Этот жанр наиболее активно используется на страницах массовых изданий. Это объясняется тем, что аудитория именно таких СМИ склонна тратить свое время на разгадывание кроссвордов, загадок, головоломок. Так, скажем, очень часто публикации, представляющие этот жанр, появляются на

страницах многотиражных «Аргументов и фактов». Здесь, например, хорошо прижилась рубрика «Следствие ведет Обознанский», под которой систематически печатаются загадки для читателей и ответы на них.

Публикации в жанре «игра» могут, разумеется, иметь и другое содержательное наполнение. Это может быть, например, игра в войну с внеземными цивилизациями или «плавание» по морям и океанам, или «путешествие во времени». Сюжетом ее может стать интрига, заключенная в каком-то романе, поэме и т.д. Что именно выберет составитель игры в качестве ее предмета, зависит от его фантазии, знаний, способностей, а также от того, насколько то, что он собирается предложить аудитории, окажется, по его прогнозам, интересным для нее. Обратимся к журналистской практике.

Из публикации «Пейзаж с индиоком»

(АиФ. №45. 1999)

Как ни странно, у сыщиков тоже бывают выходные. Однажды в субботу следователь Обознанский решил отдохнуть от борьбы с преступностью и культурно окрепнуть. Благо в картинной галерее на улице Двадцати банкирских коммерсантов проходила выставка «Неизвестные шедевры европейской живописи».

Обознанский рассматривал картины в тяжелых рамках, пока его внимание не привлек оживленный диалог. Один из его участников, хозяин галереи Б. Режнев, утверждал, что 100 тысяч долларов — очень неплохая цена за картину Джотто «Пейзаж с индиоком», написанную в 1331 году. Второй, президент правления «Ракомбанка» С. Залубко, настаивал на том, что живопись итальянского Возрождения — это, конечно, хорошо, здорово, но и 80 тысяч долларов — тоже неплохая цена. Сошлись на 90 тысячах...

Следователь Обознанский не считал себя крупным знатоком живописи. Но, вернувшись домой, он позвонил старому приятелю и попросил тщательно проверить галерею: «Сдается мне, там продают одни подделки». Почему Обознанский пришел к такому выводу?

Ответ на предыдущую загадку (см. № 44): из школьного курса геометрии следует, что три точки определяют плоскость. То есть стол о трех ногах в принципе не может качаться. Это и заставило Обознанского заподозрить в убийстве того гражданина, что подкладывал под ножку крахмальную салфетку.

Данная загадка является только одной из ступенек игры, ведущейся на страницах «АиФ» с читателями, но и она дает возможность составить определенное представление о характере подобных публикаций. Как видим, автор игры в качестве модели текста избрал детективный жанр. Здесь, как и в настоящем детективе, есть главное — преступление, преступники и следователи (детективы). Основным героем данной игры является следователь Обознанский. Шествуя из одной части (загадки) в другую, он своим присутствием связывает разные детективные сюжеты в одно целое. Читателям первоначально дается только определенная «преступная ситуация», которую они должны разгадать. Ключи к разгадке кроются в тех фразах, словах, цифрах и знаках, которые содержатся в тексте очередного отрывка игры, несущего для аудитории загадку. Результат своей работы по расследованию загадки читатель узнает в очередном номере газеты. Там же ему предлагается очередная «порция» игры.

Иногда публикации, отнесенные нами к жанру игры, появляются в виде подборок. Такие подборки дает, например, газета «Вечерняя Москва». Здесь даже существует постоянная рубрика «Игровая приставка». Так, скажем, в номере за 24 марта 2000 г. под этой рубрикой в газете опубликовано сразу четыре небольших материала. Открывается рубрика двумя краткими публикациями.

Первая публикация представляет собой фотографию, на которой изображен небольшой фрагмент одного из московских памятников архитектуры и следующий текст: «Памятник, я тебя знаю!»

Вы любите Москву? Любите ли вы ее так, как ее любим мы? Да? В таком случае вам гарантирована победа в нашем традиционном конкурсе. Взгляните на снимок. Можете ли

вы по этой скромной детали назвать памятник «в целом»?

Если задача вам по силам — вы же любите и знаете Москву, не так ли? — позвоните нам во вторник, 28 марта, с 17 до 18 по любому телефону редакции. Ответившим правильно (если их будет более пяти, победителей назовет жребий) достанутся новинки издательства «Фантом Пресс».

Вторая публикация «Год от Рождества».

Мы продолжаем конкурс, правила которого, образно говоря, освящены временем, а потому неизменны: мы называем ряд событий, произошедших в определенном году, задача читателей — этот год указать.

Итак, в этом году...

1. ...горстка воинов беспримерным походом напугала одну половину мира и восхитила другую;

2. ... униженные и оскорбленные получили шанс вернуть себе честь и достоинство;

3. ...талантливый созидатель и великий разрушитель остался не у дел;

4. ...недорожанность человека, облеченного властью, пошатнула устои общества.

Позвоните нам в понедельник, 27 марта, с 17 до 18 и предложите свои варианты ответов. Победителей конкурса ждут книжные призы от издательства «ЭКСМО».

Как первый, так и второй материал, как видно, предполагает в качестве завершающего этапа обращение читателей, увлекающихся «Игровой приставкой», в редакцию (плюс — возможное получение приза).

Третий материал, который называется «Уроки политической логики», как говорят, «заявлен» на несколько иной результат. Вот содержание публикации:

Может быть, вы не поверите, но в одной стране жили два странных политика — господы Икс и Игрек. Странность же этих государственных мужей заключалась в том, что господин Икс не мог говорить правду по понедельникам, вторникам и средам, хотя в остальные дни скрепя сердце был неизменно правдив, а вот господин Игрек врал по вторникам, четвергам и субботам, но в другие дни говорил правду.

Как-то один иностранец по имени Зет, случайно встретившись с политиками в аэропорте, в зале ожидания для VIP-персон, поинтересовался у одного из них — после увлекательного и продолжительного разговора ни о чем:

— Прошу простить, нас не представили... Как вас звать-величать? Тот ответил без колебаний:

— Мистер Икс.

Тут иностранец сообразил, что перед ним те самые оригиналы, которые врут и не краснеют. Иностранец был не промах, обладал чувством юмора, и потому следующий вопрос его звучал так:

— Какой сегодня день недели?

— Вчера было воскресенье, а завтра будет пятница, — добавил его соотечественник.

— Как же так, — изумился Зет, обращаясь ко второму собеседнику. — Вы говорите правду?

— Я всегда говорю правду по средам, — последовал ответ.

Иностранец обескураженно замолчал, но через минуту лицо его просветлело. Зет понял, кто из политиков Икс, а кто Игрек. Попробуйте разобраться и вы. А заодно ответьте, в какой день недели состоялся разговор.

А завершается публикация ответом на заключенную в ней загадку (текст ответа дан в перевернутом виде). Поэтому и «вознаграждение», т.е. проверку точности своего ответа,

читатель получит, как говорится, «не отходя от кассы».

Рассмотренные три публикации адресованы взрослому читателю. Кроме них газета предлагает под рубрикой «Игровая приставка» еще один текст в жанре игры, но уже — для детей: «Приключения Бобика и Вовика, или Последняя тайна Ивана Грозного».

Однажды на пороге редакции появился невысокий паренек с огромной сумкой в руке. В сумке что-то двигалось и тяжко вздыхало. Это что-то оказалось Бобиком — славной говорящей собакой. И рассказали нам Вовик и Бобик невероятную историю про то, как в московских подземельях они обнаружили библиотеку царя Ивана Васильевича Грозного. Да вот неудача: стерегли сокровища стрельцы с Малютой Скуратовым, за главного и сам Иван Васильевич. Мистика какая-то! Однако друзьям дивиться было некогда — спасаться надо. На берегу подземной реки лодку нашли. И вовремя: викинги на пятки наступают!

Дальше текст «перерастает» в комиксы, изображающие приключения Бобика и Вовика в подземном лабиринте.

Разумеется, что сориентированные на разные возрастные группы публикации «Игровой приставки» позволяют привлечь к газете внимание более широкого круга читателей, что, несомненно, способствует ее популярности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Журналистика, как и все другие сферы творческой деятельности, в ходе своего развития претерпевает определенные изменения. Достаточно отчетливо они проявляются в ее жанровом аспекте. Наметившийся в начале перестройки российского общества (а значит — и журналистики) резко выросший интерес к информационным жанрам в известной степени исчерпал себя. Это произошло не в малой мере потому, что журналисты все в большей мере стали ощущать несоответствие отведенной им роли простых регистраторов событий (информаторов) коренным информационным потребностям общества. В настоящее время оно нуждается не только в оперативной информации (новостях), но и в глубоком журналистском анализе действительности, а также ее художественно-публицистическом осмыслении.

К сожалению, в данный период уже возник дефицит квалифицированных журналистов-аналитиков, журналистов-очеркистов, фельетонистов и пр. (в первую очередь — это явно ощущается в региональной прессе).

Естественно, что устранение подобного дефицита невозможно без соответствующей подготовки новых журналистских кадров. Такая подготовка включает в себя и освоение современного аналитического, художественно-публицистического инструментария, в том числе овладение возможностями как информационных, так и аналитических, художественно-публицистических жанров, присущих нынешней периодической печати.

Жанровое оформление журналистских выступлений, их соотнесенность с выработанными в результате «потребления» журналистской информации установками аудитории являются важным моментом, повышающим ценность выступлений журналистов для читателей. Полагаем, что изложенное в книге представление о палитре современных жанров периодической печати может оказать существенную помощь в творческом становлении молодых авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишина А. А. Структура цельного текста. М., 1979.
Ампилов В. А. Современный газетный очерк. Минск, 1972.
Бекасов Д. Г. Корреспонденция, статья — жанры публицистики. М., 1972.
Беневоленская Т. А. Портрет современника: Очерк в газете. М., 1983.
Березена В. Г. Жанр годового обозрения литературы в русской журналистике первой половины XIX в./Русская журналистика XVIII—XIX вв. (из истории жанров). Л., 1969.

- Бойко К. Г. Репортаж в газете. М., 1964.
- Верховская А. И. Письмо в редакцию и читатель. М., 1972.
- Виленский М. Э. Как написать фельетон. М., 1982.
- Воскобойников Я. С., Юрьев В. К. Журналист и информация. М., 1993.
- Газетные жанры. М., 1971.
- Герхард М. Искусство повествования. М., 1984.
- Горохов В. М. Критика и библиография в газете. М., 1970.
- Горохов В. М. Основы журналистского мастерства. М., 1984.
- Гребенина А. М. Обзор печати: Проблемы теории жанра. М., 1980.
- Гуревич С. М. Репортаж в газете. М., 1963.
- Дзялошинский И. М. Проективная деятельность в структуре журналистского творчества//Деловая пресса России: настоящее и будущее. М., 1999. С. 185—227.
- Журбина Е. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., 1969.
- Ивин А. А. Искусство правильно мыслить. М., 1990.
- Кащинская Л. В. Эксперимент как метод журналистской деятельности//Вестник МГУ. Сер. Журналистика. 1986. № 6.
- Киш Э. Э. Опасный жанр литературы//Репортажи. М., 1964.
- Колосов Г. В. Поэтика очерка. М., 1977.
- Конторович В. Заметки писателя о современном очерке. М., 1973.
- Коппервуд Р., Нельсон Р. П. Как преподносить новости. М., 1998.
- Крикунов Ю. А. Рецензия в газете. М., 1976.
- Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон. Воронеж, 1975.
- Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров//Основы творческой деятельности журналиста/Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 125-168.
- Крол Н. Руководителям и бизнесменам нужны журналисты-аналитики//Деловая пресса России: настоящее и будущее. М., 1999. С. 86—87.
- Лазутина Г. В. Технология и методика журналистского творчества. М., 1985.
- Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. М., 2000.
- Магай И. П. Структура произведения журналиста//Проблемы теории печати. М., 1975.
- Майданова Л. М. Структура и композиция газетного текста. Красноярск. 1973.
- Маслова Н. М. Путевые заметки как публицистическая форма. М.. 1977.
- Мезенцев М. Т. Особенности недокументального очерка//Филологические этюды. Ростов-на-Дону, 1974. С. 59-70.
- Мучник Б. С. Человек и текст. М., 1985.
- Пельт В. Д. Обзор печати. М., 1980.
- Пельт В. Д. Информация в газете. М.. 1980.
- Померанц Г. Фельетонизм и Кастилия//Журналист, 1999, № 12.
- Поспелов Г. Н. Теория литературы. М., 1978.
- Проблемы информации в печати. М., 1971.
- Пронин Е. И. Выразительные средства журналистики. М., 1980.
- Прохоров Е. П. Публицистическое обозрение. М., 1963.
- Прохоров Е. П. Эпистолярная публицистика. М., 1966.
- Прохоров Е. П. Журналистика. Государство. Общество. М., 1996.
- Роот А. А. История жанра передовой статьи. Казань, 1980.
- Свинцов В. И. Смысловой анализ и обработка текста. М., 1979.
- Симкин Я. Р. О публицистической пародии//Филологические этюды. Ростов, 1974. С. 71-83.
- Симкин Я. Р. Сатирическая публицистика. Ростов-на-Дону, 1976.
- Солганик Г. Я. Стиль репортажа. М., 1970.
- Солганик Г. Я., Вакурое В. Н. и др. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
- Социальная практика и журналистский текст. М., 1990.
- Справочник для журналистов стран Восточной и Центральной Европы. М., 1993.
- Стрельцов Б. В. Аналитичные жанры. Минск, 1974.
- Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М., 1982.
- Ткачев П. Сатиры злой звенящая струна... (о памфлете). Минск, 1980.
- Тертычный А. А. Аналитическая журналистика. М., 1998.
- Тертычный А. А. Аналитический инструментарий журналиста//Деловая пресса России: настоящее и будущее. М., 1999. С. 160—185.

- Тертычный А. А. Предъявите ваши аргументы. Журналист. 1998. № 5.
- Тертычный А. А. Проблемное выступление. Журналист. 1998. № 9.
- Тертычный А. А. Быть обозревателем. Журналист. 1999. № 1.
- Тертычный А. А. У полемики есть свои законы//Журналист. 1999. № 10.
- Тертычный А. А. Версия — инструмент журналиста//Журналист. 1999. № 11.
- Тертычный А. А. Письма пишут разные//Журналист. 1999. № 12.
- Тертычный А. А. Эксперимент — дело тонкое//Журналист. 2000. № 1.
- Тертычный А. А. Исповедь//Журналист. 2000. № 2.
- Тертычный А. А. В жанре Кассандры//Журналист. 2000. № 3.
- Тертычный А. А. Сатиры острая стрела//Журналист. 2000. № 4.
- Тертычный А. А. Дать совет совсем не просто//Журналист, 2000, № 5.
- Тертычный А. А. Тяжела ты, шапка рецензента//Журналист, 2000, № 6.
- Тертычный А.А. Журналистское расследование. М., 2000.
- Уроки Аграновского. М., 1976.
- Ученова В. От вековых корней. М., 1985.
- Ученова В. В. Творческие горизонты журналистики. М., 1976.
- Ученова В. В. Современные тенденции развития журналистских жанров/Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика, 1976. С. 17—27.
- Уемов А. И. Логические ошибки. М., 1975.
- Феллер М. Д. Структура произведения. М., 1981.
- Черепахов М. С. Работа над очерком. М., 1966.
- Шандра В. А., Попова М. Ф., Макашина Л. П. Аналитические жанры газеты. Екатеринбург, 1996.
- Шостак М. И. Ироничный журналист//Журналист, 1997, № 5.
- Шостак М. И. «Картинки репортерам//Журналист, 1997, № 10.
- Шумилина Т. В. «Не могли бы вы рассказать?». Метод интервью в журналистике. М., 1976.
- Bowman W. The ABC of short story writing. London, 1976.
- Mencher M. News Reporting and Writing-Duble-Iowa, 1991.
- Higgins G. On Writing. Advisee for those who write to publish. N.Y., 1990.
- Nuarb Gotfried. Kommentar und Betrachtung. Leipzig, 1981.
- Schulze R. dk Reportage. Leipzig, 1980.